

ЦЕНТР «МОЛОДЁЖЬ ЗА СВОБОДУ СЛОВА»

ОДНОСЕЛЬЧАНЕ

Народная повесть

Издательство
Российского государственного университета им. И. Канта
2006

УДК 947.8 (470.26)
ББК 63.3 (2Р – 4К)
О 43

Издание осуществлено при поддержке
благотворительного фонда «Точка опоры»
в рамках проекта
«Односельчане: консолидация сельских сообществ
посредством местного летописания»

Односельчане: народная повесть / Центр «Молодёжь за
свободу слова». – Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта,
2006. – 104 с.

ISBN 5-88874-682-7

Книга основана на материалах интервью с первыми переселенцами в Калининградскую область и встреч с сельскими жителями – непосредственными свидетелями событий 1930-х – начала 1990-х годов. Их глазами показаны голод 1930 и 1946 годов, Великая Отечественная война, становление Калининградской области, рабочие будни и праздники...

Максимально сохранен индивидуальный стиль каждого рассказчика, вплоть до особенностей его интонации и фонетической огласовки слов. Книга предназначена для специалистов (историков, архивистов, краеведов, преподавателей школ и вузов), а также для всех, кого интересует судьба русской деревни в XX веке.

ISBN 5-88874-682-7

УДК 947.8 (470.26)
ББК 63.3 (2Р – 4К)

© Сыроватко Л.В., составление, 2006
© Центр «Молодёжь
за свободу слова», 2006

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Книга, которую держит перед собой читатель, появилась в результате совместных усилий многих людей.

Весной – летом 2005 года в Гусевском, Зеленоградском, Славском, Краснознаменском, Нестеровском, Черняховском районах Калининградской области прошли встречи, а также выставки фотографий и документов из личных архивов в рамках проекта «Односельчане» (координировала проект общественная организация «Молодёжь за свободу слова», а финансовую поддержку оказал благотворительный фонд «Точка опоры»). На местах выставки и встречи организовывали работники сельских клубов, школ, библиотек: Эгнара Вагифовна Арустамян (Гастеллово), Галина Ивановна Киселёва (Кубановка), Дмитрий Юрьевич Кулагин (Бабушкино), Елена Леонидовна Павлова (Бережковское), Игорь Павлович Тинкович (Глушково), Наталья Алексеевна Шумилова (Зеленоградск). Особо хочется отметить целую учительскую династию из посёлка Неманское. Начинала подготовку замечательной встречи «История посёлка в лицах» Галина Васильевна Шавкунова, а после её кончины в 2004 году продолжили начатое дочь (координатор встречи в посёлке – Надежда Владимировна Комарова) и зять. Большую помощь в проведении проекта оказали Черняховская и Зеленоградская централизованные библиотечные системы, а также сотрудница центра «Молодёжь за свободу слова» и аспирантка РГУ им. И. Канта Оксана Бойцова.

Помимо взрослых, активно работали в проекте школьники: они интервьюировали односельчан, составляли родословные росписи своих семей, сканировали фотографии, помогали оформлять выставки, участвовали в викторинах по истории посёлка, писали сочинения на основе документального материала о своих предках (фрагменты некоторых опубликованы в книге). Связь поколений и участие молодых в собирании и фиксации уникального и, увы, часто исчезающего бесследно человеческого, семейного наследия – одна из целей осуществлённого проекта. А девизом его можно было бы считать слова известного в 1970-е – 1980-е годы публициста Евгения Богата, неутомимого труженика живой истории: «Я мечтаю о том, что когда-нибудь станет возможно записать жизнь каждого человека. Составится новая книжная серия – Жизнь Незамечательных Людей. И тогда все увидят: незамечательных людей нет».

Результатом общего дела стала, как нам кажется, настоящая народная повесть, одна из особенностей которой – то, что она никогда не может быть написана (и прочитана) в полном объёме. Потому что пережитое нашим народом – неисчерпаемо и в страдании, и в счастье. И если читатель захочет продолжить сделанное нами и дополнить повествование своими страницами, то это будет лучшей оценкой проделанной работы.

Л.В. Сыроватко

**«Не в поле я родилась,
не пням в лесу молилася...»**

Как в деревне воспитывают? Иные говорят: да никак. Родителям некогда, все в работе. Только такие люди считают, что воспитание – это слова: «Делай то-то, не поступай так-то», надзор и запреты. А я думаю, воспитание по-другому идёт. Дети с родителями рядом, на них смотрят, от них перенимают, что надо, и голову свою имеют. Что ценное, оставляют, а что только кажется ценным, само отлетит. А если хотите больше знать, это у поэта Некрасова хорошо сказано в одной поэме, которую в школе изучают теперь. Внук читал, запомнила откуда, помню начало – хорошая женщина, работающая, страдальца, там говорит: «Не в поле я родилась, не пням в лесу молилася» – и дальше всё, как и нас родители воспитывали, как в жизни. Я так-то складно сказать не могу.

(Надежда Антоновна Сазонова, пос. Заовражное)

Сюда ехали – долго ещё в Курске стояли, ждали, пока эшелон соберут. А у Клавдѣи отец только что демобилизовался, ну, ещё несколько таких, може, десять, може, больше, може, меньше. Они все в гимнастёрках, такие бравые, такие... ну не знаю, как и сказать, – сердце обмирает! Ну, лет им по 45. Выйдут, пройдут вдоль вагонов, бабам в чём подсобнуть – шустрые такие, ладные в этой форме – загляденье!

Да, сейчас таких нет... Наши родители, кто войну прошёл, да из нашего поколения отдельные, может быть, – только и могли это всё выдержать. Железные люди были и красивые. Сейчас таких нет и больше, может, такие и не нарбдятся.

Вот так и жизнь прожили, как родители указывали. Богатства не накопили. А богатство нам и ни к чему. Как говорила моя мама, – не удержались на горе, а под горю и подавно не удержишься. Нет у нас финансу, не было ни машины, ничего, – ну нет, да и не надо. И пешком дойдём, куда всё движется, где все будем.

(Мария Акимовна Макаренкова, пос. Заовражное)

Четырнадцать у мамы детей – сядем на полу, ноги вытянем, сидим, слушаем, – только пикни. Мы от картошки, от молока были как пышки. За стол сядем – старших слушаем; непочтение к старшим, к еде, к обряду – становись на колени и будешь до вечера в углу Богу молиться. Верующие были.

У нас как говорили? Один – не ребёнок, два – половина ребёнка, а три – полный ребёнок. У меня полного-то ребёнка не получилось, половина только, судьба так захотела.

Я на судьбу не жалуясь. Мы-то с дедом что? Мы прожили хорошо и сейчас живём хорошо. Пенсии, правда, маленькие, дети вот помогают... Дров порубим, сено... Коровы только нету, продали – есть вот зато кобылка.

С дедом как познакомились-то? Здесь уже встретились, поженились. Одно слово: любовь... Сознаю только честно-честно: он у меня второй. С первым прожила восемь лет, детей не было. Потом я ему говорю: давай возьмём из детдома детей? – Не нужны мне. – Я и разошлась. С этим женились – и вот уже поздно, а я нарожала. И хотелось бы мне больше их, но уже не получилось. Родила в сорок с лишним, а так бы у меня их было – ого! А сейчас мне 82 года.

Сейчас своим умом понимаю: родители были наши очень хорошие. Непьющие, работающие.

Вот что ещё странно было: мат – это у нас теперь просто, это первое слово дети говорят. А я вот жила когда на Украине, у нас не матюкались, не ругались. Когда я сюда приехала и тут начали маты, мне так дико это было, что и женщины ругаются...

А пить стали много после войны особенно. Работала я в школе, а в моём распоряжении был спирт. И вот говорит мне директор, П., – мне-де надо спирт для чего-то там. А потом один раз приходит – один галаш, а другой – стук да стук – туфель. Ну, жена меня вызывает «на ковёр». Говорит, чтоб больше этого не было. А был он фронтовик. Они там привыкли многие – 100 грамм. А у нас повелось в семье – не то чтобы совсем не пить, а по праздникам.

Надя, дочь моя, в Киеве замуж вышла за лётчика после института, а здесь мой Сергей. Он по науке, доктор, учёный, а я при нём секретарём – у него есть этот... рефрижератор, что ли? Ну, в котором смотрят всё, что на свете делается, и звонят, и письма и телеграммы шлют. Во-во, Интернат. Вот и внук тоже через этот Интернат от факультета поехал в Германию. А я ему: женись, Виталик, пока в науку ещё не влез. Они как в науку влезут, так потом не женятся. Наука, наука, наука – вот и помрёт такой холостым буйволом, и никто его не огнуждает. Холостым надо петлю на горло, одеяло на голову да лупить до тех пор, пока не скажут «да».

То ли дело в восемнадцать лет Славка, внук, звонит с Украины: «Баб, а я родил». – Кого? – «Девочку». – Ну, хорошо. – Через год звонит: «Баб, я опять родил». – Кого? – «Мальчика». – Ну, говорю, плохо: алкаша родил! – А это я шучу, у нас-то непьющие.

А в городе тяжело – там капитал целый нужен... Университеты, лицея... Объясните мне: ну что такое лицея? Что там делают? Это школа такая или ещё что? Главному-то там учат?

А наши родители главному учили, хоть и были они у нас бедняки из бедняков. Но и книжную грамоту тоже понимали. Дедушка наш кончил два церковных класса, и вот мы ходили уже в седьмой, а он нам решал задачи все. Вот так учили в старое время.

Дедушка учился с одним парнем, сыном богача, а тот плох был в науках, и вот дедушка ему помогал всё. Потом, когда дедушка кончил свою учёбу, стал он мельником работать у этого хозяина. И работал всю жизнь. И семья – и мы – оттуда муку таскали, хозяин разрешал тоже и нам, – только чтоб не видели рабочие другие, что он дедушке так мирволит. Звали дедушку Забродский Аким Петрович. Он из Забродских, с маминой стороны. А папина фамилия была Рябчинский Антон Платонович. А мама – Забродская Анна Филипповна. Шляхта это считалась; да какая шляхта? Разве что фамилия одна на -ский...

Но вот говорю я, что из бедной мы семьи; надо бы объяснить – бедность тогда была – что? А так: бедняки тогда не голодали. Картошка была, хлеб был. Дед не пил, нисколько; с голода не умирали. Ходили мордастые...

Но вот что скажу – вы только не смейтесь – в седьмом классе только я одела штаны. Старший брат кончил школу, в Ленинград попал и привёз майки такие с рукавами длинными. Я взяла, горловину сшила и одела ноги в руки, подвязалась верёвкой, – прихожу: «Маша, а у меня штаны, брат привёз, Гриша! Трикотажные!» В школу ходили так: ты пришёл из школы, обувь сумаешь – а я обуваю и пошёл. Ну ничего – бедно жили, а повыжили, кабы только не голод, не война...

И мы от родителей взяли отношение к детям. Работали много, спали часа три – а ведь и спать не хотелось как-то. Детям бутылочку с соской дашь – он за тобой ходит, сосёт, смотрит, что ты делаешь, привыкает. Потом: «Мама, одень мне платье, бантик повяжи, платок...» – пошёл с другими детьми гулять.

А если дети в дом играть придут, их на своих-чужих не делили. «Дети, давайте кушать». Сядут все, едят; потом поиграешь с ними – в жмурки, в кошки-мышки, в цыгана чуток, – а дальше они уж и сами. И дети были какие-то интересные, весёлые. Сейчас важные такие, сами по себе каждый, а тогда – ползают друг перед другом, все-все, и так много игр было. А сейчас не знаю никакой общей игры.

(Надежда Антоновна Сазонова)

Родился 4 сентября 1946 года в Шауляйском районе Литвы. Мои родственники по материнской линии обосновались в Литве очень давно. Родители бабушки жили там еще до 1918 года, и она родилась в Литве. Дед приехал в Литву из Белоруссии, я помню, что он был начальником НКВД. Мама, Давыдова Нина Константиновна, хорошо шила, работала в столовой, шила на заказ, занималась воспитанием детей, нас у нее было трое сыновей. Отец, Давыдов Павел Тихонович, выходец из Архангельской области, был кадровым военным, его направили в Литву еще в 1940 году для поддержания новой власти. Во время войны он был разведчиком, после войны вернулся в литовскую милицию. В то время в Прибалтике орудовали «лесные братья». Отец был майором милиции, руководил операцией по уничтожению банд. В 1949 году бандиты ранили в руку мою бабушку, и сколько я помню, эта рука у нее так и не работала. В 1953 году была уничтожена последняя такая банда, за что отец был награжден орденом Красной Звезды.

Из детства запомнилось, как сажали мы картошку, мне было лет пять тогда. У меня был такой детский матросский костюмчик, я залез в нём в какую-то лужу, наловил полные карманы лягушат, прихожу и говорю: «Мам, мам смотри, сколько я карасиков принёс». С этого момента я начал помнить, что со мной происходило в жизни. А ещё, когда я учился в десятом классе, поехали мы с отцом к нему на родину, в Архангельскую область. Баню натопили, большущая такая баня была, пошли мыться, так там все вместе – и мужики, и бабы, мне ещё какая-то молодуха всё спину тёрла, по сей день помню.

(Виктор Павлович Давыдов, пос. Неманское)

О самом страшном

Родилась я 28 февраля 1938 года в городе Ржеве Калининской области. Мама, Колбасникова Анна Александровна, работала диспетчером на железной дороге. Отец, Васильев Пётр Васильевич, был машинистом паровоза. Он окончил школу рабочей молодёжи и поступил на курсы командиров Красной армии. Стал кадровым военным. Родители мамы, Александр и Устинья Колбасниковы, так же, как и родители отца, Василий и Александра Васильевы, жили в деревне, были крестьянами.

Отец попал на финскую войну, потом был направлен на службу в Западную Украину. Мы с мамой собирались уже к нему поехать, упаковали вещи, но он прислал телеграмму, чтобы не выезжали. Больше я его не видела, даже погиб не знаю где, но знаю, что был майором.

К нам приехала тётя Катя, мамина сестра, она ехала в деревню к родителям, рожать. На следующий день началась война, наш дом сразу

попал под бомбёжку и был разрушен. Хорошо, вещи были упакованы, что-то удалось спасти. Мы поехали в деревню Марьино, к родителям отца, пять километров от Ржева. Там тоже были бои, деревня переходила из рук в руки.

Немцы тоже были разные. Один, помню, рыженький такой, конопатенький, узнал, что у нас дети, так принесёт полный котелок еды и поставит перед дверью. Крикнет только: «Матка, матка». А это я никогда не забуду: одна наша соседка спрятала раненого, так немцы собрали всех на площадь, её повесили и в болото кинули. У деда моего дом сожгли, а самого расстреляли. Когда немцы начали отступать, то собрали местных жителей и гнали их перед собой, как щит. Шли мы примерно месяц, зимой, ночевали в чистом поле, делились друг с другом едой. Многие падали, от бессилия и усталости не могли идти, немцы их расстреливали. Я всю дорогу несла с собой куклу, мама говорила, чтобы я её бросила, но это была красивая кукла, подарок отца, и я её не бросила. Я никогда не забуду ту деревню Стружино, где нас освободили. Наши танки отсекали нас от немцев, много человек тогда погибло, но много и спаслось. Тут я тифом заболела.

После освобождения мы вернулись в Ржев. Жили в немецкой землянке, она была оборудована нарами. Жили три семьи, восемь детей. Весной землянку заливало водой, отовсюду лезли здоровые чёрные крысы, и мы отбивались от них поленьями. В соседней землянке женщина оставила ненадолго младенца без присмотра, и крысы объели у него лицо. Другую землянку подмыло, и вся семья погибла. Жилья не предвиделось, и мать завербовалась в Калининградскую область.

(Тамара Петровна Гуторова, пос. Неманское)

Я пулемётчик. Первый номер. А кто воевал в пехоте, тот вам скажет, что всегда по пулемёту бьют в первую очередь, потому что его, во-первых, подавить надо, убойная мощь у него, а во-вторых, слышно его хорошо в любом бою. Вот потому-то и выбивают пулемётчиков быстро. И пулемётчики это понимают...

На войне страшно. И если можно этот страх переносить, то это потому, что всё равно человек, даже если знает, как это просто, но всё равно верит, что его не убьют сегодня. Особенно когда молодой он. И ещё можно терпеть, когда попривыкнешь, потому что не только страшно, но и трудно. Трудом занят когда, то как-то отвлекаешься от страха. Усталый всегда и думаешь: вот выплусь, может быть, или так, чуть покемарю, вот горяченького поем. Пулемёт был – 11 килограммов. Там ещё второй номер – три коробки у него, три коробки у тебя (одному бы всё не снести). Всего шесть коробок к пулемёту. Вот

и ещё несколько килограммов. Ну и обычная солдатская амуниция сверху. Теперь посчитайте, сколько тащить надо на себе.

Осколок у меня на сантиметр – в ногу я раненный и вот в голову. Это ранение тяжёлое, от него у меня теперь руки трясутся, боли бывают.

С однополчанами связей никаких уже нет – потому что умерли они... Вот в Славском районе, где я живу, шесть всего ветеранов войны осталось, кто Кёнигсберг брал. А было сколько... Так-то.

Воевал я и на Курском направлении, и на Воронежском...

Словесно рассказать это трудно. Я таких слов подобрать не могу. У каждого судьба своя в войне, и тут талант нужен, чтобы рассказывать, особый. И всё равно, даже с талантом человек, тот только про себя может рассказать. Другой послушает или прочитает и сказать может: «А у меня не такая война».

Кино снимают о войне – редко когда кино похожее. Вот про дисбат смотрел недавно – многосерийный – это похожее.

В 1941 году мы были в Старице – до Ржева 10 – 12 километров, и там до 1943 года бои шли, станция Оленино. Там народу погибло – больше чем земли... Кто про это расскажет? И как рассказать?

(Аркадий Яковлевич Григорьев, пос. Гастеллово)

До войны жила я на Украине, Житомирская область, Брусиловский район, село Движка (там река Движь). Там моё детство, там я родилась. Было нас 14 детей в семье, а сейчас осталась я одна.

В 33-м голод был на Украине сильный. После голода, кто выжил, очень хорошо стало жить. Не без переломов всяких, но жили. А и сейчас не без переломов. Перестройка вот – вы, девчата, только не обижайтесь – тоже понаделала много вреда, всё перебаламутила. При советской власти мы так не жили. Никогда не закрывались, ничего не прятали. А сейчас не клади ничего. Под замки лезут, и с огорода сташут... А почему воруют? Говорят, без работы. Но кто хочет работать – находят. Где-то что-то, да найдут. Кто головой не может, руками робят, горбом робят. А то – придёт лоботряс, головой не может, а руки жалеет. Работать не хочет, а деньги ему так, ни за что, давай. В войну с голодухи так не воровали, как сейчас, себя уважали. Ну, голодному человеку всё можно простить, в голод было – и все знали, что было, только тогда молчали о том, – что мать детям трупнину давала, в семье помер кто, а она грех на себя возьмёт, никому не скажет, что, может, отца или сестру или брата ядут. Мать. А и то было, что целыми семьями вымирали, а против совести не пойдут, греха не содеют. Всяко бывало, Господь судья.

Вот как-то мать с отцом нас от голода спасали. А мы: Коля, Гриша, Ева, Лена, Зина, Надя – это уже я, в серединке; а последние-то была двойня, Валя и Валентина... А тут бомбёжка была, при советской-то власти, в начале войны... Много погибло. И двойня. А брат Володя, он чуть младше меня, воевал. И вот война окончилась, и он 7 июня погиб, он и другой. Он шофёром был, съехали на мину, и всё.

А я восемь классов окончила. Семь окончила, поступила в медицинское училище; ну что, проучилась до Нового года, – и тут, как только мне в руки дали скальпель, – ой, меня колотит; как подумала, что надо резать, – и я без памяти упала, и бросила медицину, и пошла в восьмой класс. Как восемь классов кончила, выпускной, – а тут война. Тут нас в товарняк – и в Германию гуртом. И доехали мы как раз до Житомира, а немцы боялись лёса очень. Партизан они боялись. Там у нас был командир хороший, он был немец – ну как немец? Ну вот как здесь сейчас понаехали до нас немцы, а сами русские, иной раз и по-немецки ни полслова. Там колония у нас до войны была немецкая. Шварц Ромка его звали. Вот такой он немец, одно название. Ну, Ромка поговорил там с кем-то, остановили товарняк – и нам команда: дальше кто куда. Чтоб через лес пешком. И мы трое на деревья влезли и были привязаны платками – ну, немцы-то понизу прошли. Мы пошевелились потом, и нас заметили, и нас оттуда в Донецк, Сталино называлось раньше, Донецкая область, город Енакиево. И мы там отбыли – а потом, после конца войны, сюда.

И вот что я запомнила. Голод – страшное, перстройки всякие – страшное, всех братьев и сестёр пережить – страшное, последняя-то, Вера, уже в старости, два года назад умерла. Но всего страшнее помню – это как в песне сложили: «Киев бомбили, нам сообщили, что началась война». Вот это и есть самое страшное: внезапная война, вот и много сразу погибло, так вот нам попало... Оставались мёртвые – и раненые были, – а мы по лесу ходили, собирали, и немцы собирали – вот до сих пор, девчата, не могу забыть – молодой парень. Ну, где-то, може, лет двадцать ему, може, больше, може, меньше. Оторвало ему руку, ногу одну, а носилки были – самоделки, сделали ребята, – и мы их сложили, как кто смог, и никаких бинтов, то были, а то нет, кто как, кто с себя рубаху рвали, как могли, завязывали, – а он кричал: «Сестрички, вбийтэ мэнэ, щоб я нэ мучився!» По-украински. И его на повозку полбжили и повезли на коню, – а куда повезли, так кто его знает... Конечно, он потом умер. Сколько мы видали, пережили потом этого всего – Бог один знает. А вижу, во сне вижу до сих пор первые-то бомбёжки.

(Надежда Антоновна Сазонова, пос. Заовражное)

Под Курском мельница, там река Семь, а при мельнице у нас до войны была квартира, три комнаты, и подвал, и сарай отец сделал. Мельница была сильно мощная, со всей России молоты привозили... Заезжали к ней по подземной дороге целые поезда с зерном. И по реке – тоже. А парк был какой! Там приезжали отдыхать, и пароходы, и катера – всё там.

А мать была беременная, помню, пузатая, – Витей покойником. А тут немцы пришли. Наши стали отступать. Вывозили по рельсам с мельницы – а всё ж осталось много, остался хлеб, мука, мешки там какие-то, а мука – первосортная... Склад, как сейчас помню, был открыт, контора с мебелью – всё бросили. А я, мальчишка, нашёл повозку с лошадьёю – что мог возил; а всё залито было нефтью по самое колено, приготовили поджечь, и с домом нашим. А парк весь пострелянный, побитый. Всё рушилось, всё казалось как сон. Казалось, вот сейчас огонь всё слижет – и ничего не останется на всём свете.

Но взрослые думали о том, чтобы хоть нас, детей, сохранить. Спасали люди кто как мог свои семьи, этим и держались. Там на складе и макаронны были, и лапша... А нам – уходить надо. Мать беременная, Валя сестра, Сергей ещё совсем не понимал ничего, да я малявка. Но получилось так, что почему-то не подожгли это войска. И стали все люди те продукты таскать, много поприехали с деревни. Их бросили под немца, всё пожжено, снабжения нет, продовольствия нет, нет ничего, как им жить? Все и таскали, что могли найти, со склада, под нефтью. И я на своей повозке. Всё равно всё немцу отойдёт. Мать, отец у меня тоже из деревни, и у нас в доме деревенские в те поры тоже жили – и все мы полный сарай пшеницы натаскали, гороху.

Пришли немцы – и давай из того сарая назад всё тягать: и горох, и первосортную муку.

А сундук такой у нас был – и он запирался на ключ. Они первым делом показывают: «Отпирай». Сердятся. Мать кричит: «Открывай, Володя!» Боится, что осерчают совсем, убьют. А я ключ заховал, – замок замкнул, это чтоб немцы не залезли, – ребёнок! – и не помню где. Мать тогда подходит, лица на ней нет, глаза горят, топором поддела, с силой – одним махом сорвала всё. А там были вещи хорошие – немцы всё и забрали. Как сейчас помню, осталась какая-то зелёная юбка одна. А у них с собой мешки...

Вытаскивают горох – и никак не свяжут его – и давай отсыпать в ведро. И нам: помогайте. А сестра Валя думала: они себе сейчас в ведро отсыплют, а нам мешок оставят. Они в мешок кладут – а она: «Ещё, ещё кладите». Немцы смеются: «Гут, матка, гут, киндер!» Знали они, где, у кого искать. Предателей-то много было... Ну, каких предателей? Кто-то

власть невзлюбил, а кто-то своего соседа, а кто-то за какую обиду отомстить хочет. А отец-покойник был партийный, большим человеком был, мы боялись, что с нами будет, а о нём в те поры не знали ничего.

А война началась – отец на фронте, ни оружия, ни обмундирования, ничего – и немцы окружили их, Цыганский Табор называется тот бугор. Окружили немцы – а они сидят, и у них ничего нету. Не пальцем же стрелять. «Ком, ком, рус» – идите, мол, домой... У немцев тогда много пленных было, а они быстро наступали, что им растягиваться, с пленными возиться? Они думали: победят скоро, зачем же работников-то убивать зазя? Патроны тратить? А может, тогда ещё не ожесточённые, вроде как добрые были. Так не так, а убивать не стали, подумали, видать, что эти, безоружные, повоевать уже не успеют. Отпустили. Ну, наши поднялись и ушли...

И вот вдруг – отец приходит. Побыл и собирается ночью уходить, к своим пробираться. А мы его стали не пускать. Кричу я, малец, со всех сил, цепляюсь за него: «Будь дома, никуда ты больше не пойдёшь». – «Если я, – говорит, – сынок, останусь с матерью, её первую расстреляют и вас всех поперебьют. Немцы уйдут, так свои мне не простят и сам я себе не прощу». А дорога была одна: мост подорвали, река Семь только, и была дорога на Сталинград. И вот мы его проводили – как сейчас помню – на лодку, и он переплыл на ту сторону, а мама назад пошла и больше мы с отцом не видались. Погиб он под Сталинградом.

А немцы пришли не с той стороны, как ждали их. Ребята там какую-то машину нашли и стали на ней кататься, и я с ними. А немцы по ней бьют, кричат: «Руссише партизан!» Мы тогда в таком возрасте были, что ещё не понимали опасность. Найдём какую игру – и весело нам. Показывают нам немцы: «Киндер, шнель сюда!» – а мы знай себе катаемся...

Нас с матерью выселили в другую квартиру и сделали из нашего дома сахарный склад, и сахар везут туда со всех мест, и прям так сыпают, и комната вся сахаром засыпана... На том моё детство и кончилось, и пошла дальше взрослая жизнь.

(Владимир Петрович Сазонов, пос. Заовражное)

Угнали нас немцы – дома пожжённые, денег нету, документы только и взяли... Год дома не жили. Фронт был – и лежали и наши, и немцы, как снопы. Артиллерия как начала бить! Земля вздрагиват. Как дальше от фронта, так ровнее гул, а то как схватки: раз! раз! Это близко совсем. Небо тёмное, тёмное, как грозное. А ночью нас выгнали к соседям и пришли партизаны, сказали, что к утру будут наши тут. Поднялся бой. Днём пришли немцы – и нас опять выгнали.

(Зинаида Захаровна Пустарнакова, пос. Глушиково)

Клавдия Васильевна Кузнецова: Во время войны, чего греха таить, издевались над нами не только немцы – и наши. Вот забрали нас окопы копать – в своём селе, – а потом взяли и выслали на передовую. А сколько нам было-то? Я с 27-го года. А давали нам по 25 метров окопы копать. Обессилишь, падёшь – и едет лейтенант на лошади верхом, – а дело осенью было, дожди. А нас, ребят, по двое его за стремя ловят. Дядя, дяденька, ну нам поменьше дайте, ну хоть метров по двадцать, не по двадцать пять! Ни в жизнь не уступит! Дождь ли, лёд – выкопать, и всё. И на дожде, как не выкопаешь, ночевали, вот так вот скорчимся, сидим на корточках, дрожмя дрожим.

Мария Акимовна Макаренкова: Окопы заставляли рыть наши только – немцы наступали быстро, а в 1943-м уже быстро отступали – некогда им было рыть окопы. Вот у меня двоюродная сестра – она заболела чем-то в виде гриппа. Жар у неё, горит она вся, стоять не может, не то что работать. Ну и не вышла на работу – пять лет потом отсиживала в Ростове-на-Дону, на шахте работала за саботаж. Там и замуж вышла.

Ольга Антоновна: Немцы у нас были полтора года, когда вступили, они считали, что землю нашу займут совсем уже – так открыли курсы в школе на агронома, учили в 6-м, 7-м классе. Надо было платить за то деньги. Считали, что нужна эта профессия, ведь Черноземье. А потом уже видят, что не удержатся, – какие уж тут курсы.

Анастасия Адамовна Лежнева: У нас в 1942 году немцы угоняли людей на Украину.

Мария Акимовна Макаренкова: Да, в Германию – 1926-1927 годов, по 14, 13, 15 лет угоняли многих. А то девушки, которым по 18 – 19 лет, шли этими... ну, милиционерами вроде, работать. У нас в войну очень многие в милицию пошли. Что поделаться, когда голод, жить чем? И мародёрство, всё было, порядок между собой нужен. Не для немцев, а между собой, чтоб не одичать. Чтoб всей деревней не карали, немцы мародёрства, воровства, беспорядка не любят.

У нас ехали немцы, и вот два немца возили убитых. Они абы где не хоронили. Зима, 43-й год. Такая зима... Мне – 13-й год. И вот возят этих немцев... Мать им говорит (а отец на фронте, на мёртвых посмотрела, о нём подумала): «Почему вы их не хороните?» А они говорят: «Когда будет много, тогда мы будем хоронить. Чтобы потом знать где». А она – в слёзы, потому что думает: как-то моего-то похоронят, вот если убьют?

Они неделю в деревне Колпаково Недвинского района жили. А потом в этой деревне был бой. А наши-то не стали давать бой (посёлок и там река Семь есть) – знают, что если открыть бой, то сколько мирного населения погибнет. А немцы повытаскивали какие-то бочки, орудия такие – я не знаю даже и какие, – хотели они навязать бой. Открыли

огонь. А наши дали один недалёт – и всё. А потом в этой деревне Колпаково там в школу загоняли, сжигали... А потом, как дня три прошло, – мы на санках катались, подростки, зима ведь – везут. Кого это везут, что везут? А это навезли полный посёлок раненых. Везли их в Курск. Они стонут, кто кричит: «Пристрелите!», кто что. Все – с боя. Расселили их – надо же сделать перевязки. Один офицер, помню, лейтенант, – глаза были завязаны, в танке обгорел, – тут и хохлы были, и узбеки были – у нас шесть человек положили. Побыли – а потом в Курск. Дальше как – не знаю... Думаю, умерло много. Уж очень были тяжёлые.

А немцы отступали – это только надо было видеть! Как они этой зимой боялись! Вот идут, значит, лапти с соломой – на сапоги. Шинелишки у них тоненькие, вот так вот поверх, как матрёшечки, позавязаны. У них было чем воевать, но они от холода больше умирали. 1943 год – нам эта зима памятна. А у нас шли сибиряки, в полушубках, в тулупах. У нас был один офицер, учитель, – такие ребята! Крепкие, ладные, морды здоровые. А эти-то, немцы – позеленели все – не передашь.

(Фрагмент беседы в пос. Заовражное)

Я родилась 31 декабря 1934 года в Брянской области, станция Жудилово. Мои предки – крестьяне по материнской и отцовской линии. Жили трудно, приходилось батрачить у зажиточных крестьян. Семьи были большие, безграмотные, неимущие, особенно со стороны матери. Со стороны отца – семья середняка. В хозяйстве были свои лошади, коровы, жилось лучше, но все достигалось непосильным трудом. Хотя семья была большая, но дети получили образование (начальное, неполное среднее).

Отец, Кожанов Стефан Константинович, работал ветфельдшером. Мама, Кожанова (Горюцкая) Прасковья Александровна, была домохозяйкой. В семье было четверо детей. Детство наше проходило в военные годы. Запомнилось, как от бомбежек прятались в лес, некоторое время жили в лесу, немцы ходили нас проверять, нет ли оружия, нет ли партизан. Отобрали всю скотину, забирали еду, насиловали женщин. Очень многие дома были разрушены, но наш дом чудом уцелел. Было голодно, выручал лес, старшие братья ловили рыбу и зайцев, собирали листья малины для раненых. Во время оккупации сёл и городов немцы уничтожали семьи партизан, еврейские семьи и семьи коммунистов. Так как отец во время оккупации был в тылу (угонял скот от фашистов в неоккупированные области), то семья подверглась гонениям. Мать старалась спасти хотя бы девочек. Нас с сестрой отправили жить за пятьдесят километров к дедушке. Когда немцы мать с братьями увозили из деревни в райцентр на подводах, нашёлся предатель, который сооб-

шил, что ещё остались две девочки. По требованию немцев дедушке пришлось меня с сестрой привезти. В огромном здании вместе находились евреи, семьи партизан, коммунистов. Каждый день увозили какую-то семью на уничтожение. Стоны, крики, плач детей, все смешалось в один гул. Под напором наступления Красной армии всех не удалось уничтожить. Пробыв неделю в «казематах», снова вернулись в свою деревню.

(Мария Степановна Овсянникова, пос. Неманское)

А я малая в лагере немецком была. Помню, всё помню. Лагерь такой большой-большой-большой... Лагерь обнесён, а там штук десять – тоже как лагерей – всё длинные такие бараки, отдельно... В Орше это. Мы убегали. Потому что когда приходят немцы, пленных они берут – и убивают. Выводят – и убивают. И нас тоже вывели один раз всех, построили – и мене, маму и сестру. Посмотрели, посмотрели – не расстреляли. Назад. А потом хотели меня взять, отобрать в Германию. Я к сестре. А она говорит: что ты делаешь, ты красивая, тебя немцы хотят взять в Германию. Потом вывели нас опять, я намазалась – сестра меня намазала – не взяли. Так и остались все вместе. Потом стали убегать через проволоку, я упала... Ой, не хочу, не хочу рассказывать, так страшно рассказывать... Не хочу, не хочу. *(Плачет. Длительная пауза.)*

Вот, решили мы убежать, иначе нас убьют. А там в лагере, на площадке около лагеря, стояли бочки такие, по 200, по 300 литров, и там... лук... солёный. А есть хочется. И моя сестра – постарше меня – там солдат сделал такую дырочку, небольшую. Чтоб никто не мог взять, кроме как половником. А ручки наши какие? Детские, маленькие – вот она ползет туда, наберёт вот сюда (за пазуху – показывает. – *Л.С.*), наберёт-наберёт – и принесёт – и мы скорей давай есть. А какой вкусный лук! Сейчас я так думаю... Что вкусный... А дать, так, может, я б его век не ела... С голодухи-то так. Ну, потом мы решили бежать. Первая убежала мама. Она через дорогу куда-то убежала – не знаю как – к какой-то женщине, она была врачом. Первая, чтоб если начали стрелять, то по ней, а мы бы тогда не побежали. Обошлось. Тогда сестра убежала – стоит, стоит, стоит – а там немец, охранник, не уходит никак – она по-немецки как-то говорила, понимала, – и ему: я на речку (а там, где наши бараки, рядом речка) полоскать бельё – и убежала. Убежала, потом говорит: как тебя вытащить? Я выскочила через проволоку – я маленька, худенька...

Ну вот, а в этой проволоке они, немцы, набили такими широкими, длинными гвоздями палки; чтобы, как выскочишь, и сразу поймают они меня. Как я только упала туда – через проволоку – и прямо ногами туда.

Обе но́ги. Я так села на корточки – и начала ноги отдирать; одну-то ногу отодрала, а кровь льётся... А с этой палкой-то – прыгала на одной ноге. Попрыгаю-попрыгаю несколько метров – опять остановлюсь, опять выдёргиваю. Потом как выдернула – залилася вся кровью – и добежала до того места, где мама. А там как раз медсестра жила, вот она меня лечила долго. Потом немцы опять наступили, и нас уже всех, жителей, без разбору, из домов повыгнали, загнали далеко-далеко, куда-то в Лиду, что ли? Не знаю, куда они нас гнали? Туда опять, где бараки, и там проволоки уже высокие-высокие, несколько метров, чтобы никто не убежал. Там побыли – и вот немцы опять нас погнали-погнали, пешком гнали. Идём с утра – с семи часов утра – и до вечера. Где-нибудь остановимся, чуток полежим-полежим – и опять немцы нас гонят. Которые не могут идти – убивают на месте. Это мы знаете сколько шли? Две недели пешком. А там – какой-то лагерь опять. Помню, что там лошади были. Тоже и проволока. На лошадях работали. Нары там нам сделали трёхэтажные. И в этом лагере мы заболели тифом. Брюшным тифом. Нас положили в больницу. Я была совсем маленькая, всё просила – щавель хотела. Чего-то кислого хотела... «Принеси мне щавелю, кислицы...», – канючила. Кто-то приносил, не помню, как, кто. И вот месяц мы полный там пролежали – холодные, голодные, тифозные все. Потом немцы опять погнали пешком, пригнали на какую-то станцию, маленькая, плохо помню... Посадили нас в поезд, на платформу такую, повезли в Германию. Везли-везли – и вот наши русские стали наступать, стали как-то встречные, – и они нас бросили. Среди дороги одних нас оставили. Потом подобрали нас литовцы, и жили мы у них, наверно, два или три года. Работали у них. Относились они к нам хорошо. Любили они нас, говорили: «Не езжайте вы в Россию, там у вас ничего нет, вы там голодные будете». Ну и правда, правда, правда. У нас, когда мы приехали в деревню, – ничего: голые стены – и сами мы голые, раздетые. Дураки были – та семья литовская нас любила, звали остаться. Но – родина, своя земля. Дураки, думали, там есть что... А там что? Кому нужны, все, кто жив остался, такие же голые и земля вся голая? Стали побираться. Знаете, за сколь километров? За километров 60 – 50 ходили пешком, чтобы хоть кусочек хлеба нам подали. Вот картошечку дадут – спасибо. Опять – в другой дом... Ах, не хочу вспоминать.

Потом маму забрал брат в Днепропетровск, сестра замуж вышла, уехала сюда, а я одна осталась. Потом сюда я приехала, поехала к сестре старшей в Сосновку, там я училась. Окончила 7 классов там, приехала сюда, работаю – в 1951 году как поступила сюда в школу работать – убирать, всё хозяйство содержать под присмотром, как завхоз – так и в одном месте. В книжечке только написано: «Принята» – и всё. Ну, вот

ещё напишут, когда уволят. Жисть, конечно, тяжёлая. Но тяжёлая – не тяжёлая, а как вспомнишь – всё пели-пели, плясали. Любили, дружили. Помогали друг другу. Добрые люди были и... бодрые какие-то, так чтобы ныть – нет. Интерес к жизни был, хотя из-за работы головы не поднимали, руки-ноги гудели, спина. А всё что-то хотелось увидеть, подумать, стих сложить какой. Вокруг оглядеться. Да и посёлок другой был. Зелёный-зелёный, чистый-чистый, это ещё от немцев, и мы старались как могли. Аккуратно всё было, дороги хорошие, не битые. Чтобы мусор на улице, как сейчас, – да никогда такого не было! Сейчас не посёлок, а... говорить даже не хочется, и глаза бы не глядели.

А самое большое горе моё в жизни – муж был хороший, сын был хороший. Всем таких желаю. Добрые, и не пили. И вот – нет их. Вот это горе неизбывное. А остальное – что же, жить можно. Пенсия маленькая – так то у многих здесь. По сорок – пятьдесят лет работали, а всё не ветераны. Ещё плохо: баня была, а теперь нет, негде людям помыться. Старый человек в Славск-то не поедет, а в колодце вода холодная. А так всё хорошо.

И печаловались, и перемогались, и радовались миром. У кого проводы, или день рождения, или свадьбы – все вместе и гуляем до упаду. Любой праздник – майские там... Вот было время – Победу-то не праздновали государственно, ну, официально. А народ всегда праздновал. Это день великий, великий!

А где народ, там и мужей сестриного и моего зовут. А Аркадий Яковлевич карточку сделает всем на память и погляденье.

(Таисия Афанасьевна Ермолаева, пос. Гастеллово)

Мы были эвакуированы немцами, по лагерям лазили. Мы были в Орше. Большущие такие там были концлагеря, там и пленные наши были. Там бараки были – как спичечные коробки, и все – каждый – отгорожены, и везде стоял патруль немецкий. В самом городе Орша это было. Пригнали нас, пешком гнали. Потом, когда стали наступать наши на Оршу – самолёты летать и всё такое, – нас тогда увезли в город Лиду, эшелонам. Но не в саму Лиду, а в лес под Лидой. Там тоже концлагерь был и в нём крематорий.

Это уже была зима, нас там мучили, мы голые-босые были, голодные. И нас выгоняли немцы – вот такие высоченные, сытые, гладкие орлы – несколько раз из бараков и спрашивали пофамильно. Выбирали: кого в Германию, кого в крематорию, кого на кровь (детей) отбирали. И нас там продержали месяца два, потом обратно в поезд посадили всех, кто ещё в живых остался, привезли в Литву. И стали тогда нас, русских, распределять по хуторам. Как раскинули по хуторам – так до конца вой-

ны почти мы и оставались в Литве, у хозяина. Правда, они нас не обижали, хорошо относились, кормили. Мы там ещё переболели тифами, так они нас не бросили, не выгнали, лечили как могли. Были у них «лесные братья», но нас они не тревожили, никак не касались к нам. Придут, у хозяина что-то полазают, позаберут – кушать-то им надо, – а нас не задевали. И вот, когда война кончилась, тут уже Литву освободили от немцев, – ехал эшелон, в Японию везли наших, нас на подножку они посадили. Там и танки, и машины, и орудия, и солдаты, – всё было. Вот он – Аркадий-то мой – там тоже ехал, как оказалось. И до Великих Лук почему-то ехали, поезд шёл дальше, на Москву, нас там хотели посадить. И нас завезли за нашу станцию. Зима, мы домой не попали, замёрзли, совсем замёрзли... Военные подобрали к себе – там стояли они, разминировали поля... Забрали они нас и полную неделю держали в лагере своём, ноги оттирали, за нами ухаживали – матери и сестре помогли, а мне так и не смогли ничего сделать. С 1945 года я уже инвалид второй группы. А сама-то я 1926 года рождения... Но ещё как-то ходила, у меня ноги всё же были. А тут вот в 1994 году так нога разболелась – сил нет – мне её почистили-почистили, да как-то неудачно. Сделали заражение, отправили в Калининград, мне там ампутировали ногу, одну сперва, потом и другую.

А сюда я попала, потому что здесь была сестра-невеста. Воинские части стояли, а она за ними ездила, муж-то был военный. И вот она нам вызов прислала, когда только начиналась Калининградская область.

(Нина Афанасьевна Григорьева, пос. Гастеллово)

Самое страшное – война. Войну в Белоруссии мы все помним. Как расстреливали, по деревням ходили. Мать умерла рано – в 1942 году, Митина Ольга Антоновна. Мать умерла – остались младшие дети на мои руки; а мне 13 лет. И вот я им вместо матери, а у самой ужас один: ну как вот теперь я с ними буду-то? Мне казалось, что мама всё так хорошо делает, я никогда так не сумею. Пришлось сюда ехать – всё у нас разрушено – нечем было жить. Я да четверо нас – всего пятеро детей. Младшей девочке, когда мать умерла, было два с половиной месяца. Труднее всего было её вырастить. Вырастили её до пяти лет – приехали сюда – она под автобус попала.

Вот так и остались. Жили, правда, тяжело. Отец женился. Трое детей у неё да нас четверо. Всех семеро детей. Вот такая семья.

А поехали сюда, потому что жить было негде – нас немцы спалили. Отвечала я за всех – и мне уж не пришлось учиться; ходила гнилую картошку собирала, кормила семью.

Выехали в 1946-м, ехали из Белоруссии, прибыли сюда уже в 1947-м, 7 января. Поначалу очень плохо было. Отец пойдёт, силос какой-то принесёт, капусту силосовали; лошадь какую-то раскопали, падаль закопанная. А то – невозможно совсем – пойду просить. Женщины приехали, зерно привезли, мисочку ржи насыпали... Ну, рожь, зерно. А бочка железная стояла, отапливались ею, вроде буржуйки, я на ней нажарю и по кучечке рожь делю.

Рассказала я внучке всю свою жизнь, она написала сочинение – учительница читала, говорит, сколько учу, никогда такого сочинения хорошего не видела. Хранилось оно у внучки, а сейчас где – не знаю.

А второй-то раз так, уж наверное, не расскажу. Это же надо духу набраться, чтобы всё такое рассказывать. Опять плакать буду...

(Анастасия Адамовна Лежнева, пос. Заовражное)

Что ещё помнится, страшное, – это как после войны долго ещё люди здесь подрывались. Пашут, бывало, – это уже техникой, – и нет-нет да плугом вытащат снаряд. И трактористы гибли, и тракторы. Мальчишки, конечно, за всяким этим оружием лазили. Как-то двое во время пахоты подорвались – кишки по деревьям висели. Сами видели, все видели.

(Анна Михайловна Романова, пос. Бабушкино)

И мародёры ходили, и насильники – дезертиры они, что ль? Один вот был такой – после лагеря, видать – пришлый какой-то. Так его гнали, гнали, в колючую проволоку загнали и убили, говорят. А что ж, народ озверелый был после войны да с голода. Станешь зверелым, если последнюю крошку уворуют от детей. Они как враги расценивались – а мы ещё жили по закону военного времени: враг – значит, уничтожить его.

(Нина Александровна Кукушкина, пос. Бабушкино)

На новую родину

Сюда почему поехали? Отец так решил – его было призвали в армию – он 1892 года был, в последний год – ну, на полпути их вернули, старики стали уже. А Пруссию он повидал, и понравилось ему.

Хату нашу спалили немцы. Палили... ну, не знаю, как вам сказать, чтоб поняли, – возьмут такой клуб пеньки, бензином обливали, по крышам кидали. А крыши-то соломенные были там в России, вот мы и сгорели. Нас семь детей было. И отец, мать, ещё бабушка слепая у нас была. Ну делать-то нечего – хаты-то нету. Поселились с соседями, где было можно притулиться, в сарае где-то, потом пошло это переселение – по

этому поводу мы и попали в Калининградскую область. Потому что больше нам было некуда...

Едем – в одном вагоне куры, гуси, скот, всё-всё, что осталось из имущества, – в другом вагоне мы сидим. Кто как влез – кто на нарах, кто под нарами... Мы, дети, – наверху. Семьи большие, многодетные все; и не одна семья, конечно, в вагоне, нет, три – четыре. И мужчины, и женщины. Ну, как-то помещались все, не забижали и не обижались.

(Евгения Фёдоровна Тихомирова, пос. Гастеллово)

Любовь Ивановна Лындина: А нас с вокзала – прямо на машину, на грузомашину. Приехали мы в Тильзит вечером. Грузили на эти машины, везли, темно – подвозили, светят – номера видно, кого куда.

Евгения Фёдоровна Тихомирова: Да там уже все семьи были порасположены... Ну а меня папа послал с коровой – корову с собой везли.

Любовь Ивановна: А как! Всё везли. Корова, овцы, и поросёнок, куры. Везли их в вагонах отдельных, не выгоняли. И нас в вагонах, по три-четыре семьи, семьи большие, по семь человек детей. Так нас полтора месяца везли.

Евгения Фёдоровна: Как остановка, так все к скотине бегут – выгребать-то ладно, куды да когда выгребать, а вот поесть-попить им надо.

Любовь Ивановна: А нам сухой давали корм – хлеб белый, масло. Мы с братом объелися масла... Ну а что? Мы жили в колхозе – что мы его, видели, тот белый хлеб выпеченный, кирпич? Вот мы по куску съели, и на нары – лежим на нарах, а ещё хочется. Ещё съедим. Та и обожрались. Вода была, но много не накипятишь – там стояли железные печечки, буржуйки, чайку вскипятить можно по очереди.

Евгения Фёдоровна: А мы с паровоза чай пили.

Любовь Ивановна: Такого не знаю... Ближе, наверно, к паровозу были.

Евгения Фёдоровна: Да близко, далёко ли, не знаю – только паровоз станет, и мальчишки, пареньки какие есть к нему подбегают. А мы, девочки, – иди гусей покорми, иди корову покорми.

А моя тётка – папина сноха, а братова жена, уже пожилая была – она так не хотела ехать сюда, а брат отцов её бросил, а у ей два сына было – вот она придёт в наш вагон, – ведь днями сидим, что, какого чёрта делать, – сиднем сиди, да дыши, да язык чеши – вот она говорит: Федька, – на папу, – а тот: чего тебе, Ольга, надо? – Я говорю своему Федьке, сыну, – вот привезут нас, вот так-то выгрузят, скажут – вот, идите на горку – на горку сложут нас, споставят, а поднизом там колодец. Я возьму ведро и пойду туда униж, за водичкой, а меня там убьют.

Так вот и говорит: убьют. А куда ехали-то? Кто знал? А он ей: ну ладно, убьют – мы тебя прикопаем.

Любовь Ивановна: Ну, многие и ворочались семьи. Одна семья, я знаю, никак Дубовик фамилия, – она из самого Советска вернулась, одна она ехала с двумя девочками, собралась домой проведать, да там и осталась и сейчас там живёт. А мы в совхозе прижились.

Евгения Фёдоровна: Вагоны сюда, на поселение, приходили почему-то вечером. Или мне так кажется?

Любовь Ивановна Лындина: А к нам прямо приехал директор к поезду и выбирал прямо с вагона.

Евгения Фёдоровна: Нас не выбирали. Мы люди курские, потом калужские, всем известные, не воры, не разбойники, не моты, не транжиры, трудящие – чего нас выбирать.

Любовь Ивановна: А у нас смотрел документы директор – кто, откуда, что умеет делать, сколько человек семья – фамилия его Комар – и взял нас в совхоз, совхоз Советский. Это за Неманом, за Неманом – Ракитино. Потом его переименовали. Залез в вагон, оглядел нас всех – нас взрослые и детей четверо. Понравились. Махнул рукой – идите-де за мной. И – по машинам. Так-то мы тут и оказались.

Помню, понравилось место-то: посёлок чистый, цветники, а над всем церковью и колокольня высится, хоть и пострадала она от войны.

Евгения Фёдоровна: Да, красивая была церковь. Жаль, тогда Богу не молились. Что это все нынче Бога-то стали поминать? Мамки наши в детстве всегда поминали. Так они и верили в Бога-то... Оно конечно, Бога поминать надо, надо... Но вот что дико мне: вчера били, ломали, коверкали – а сейчас только и слышишь: «ради Бога, ради Бога». Власти стоят, в церкви-то, крестятся, иной и не знает, как это делается. А иной, глядишь, уж и молитву выучил.

Где ж наши власти были, когда церковь громили, куда они глядели? А сейчас проснулись на глаза. Взять хоть здешнюю землю: такой капитал извели, все эти немецки церквя старья! Ой, Господи, Господи! А вот наша церковь-колокольня – совсем накренилась, уже и колокольней не назвать, вот-вот падёт. Хотя бы кто-нибудь сломал. Или, мобуть, поправят?

Аркадий Яковлевич Григорьев: Уже не поправить, ломать надо. Опасно, завалить может. Она покренилась вся.

Евгения Фёдоровна: Чего не покрениться. А кака была! Попрела она, вот что. Сколько там бывало зерна – зерносклад был. Зерно дышать.

Любовь Ивановна Лындина: Тросом да бульдозером – зацепить. Кирпич на колокольне хороший, рядом церковь сама, точно такого же

кирпича, была – на кирпич эту церковь и разобрали постепенно, за двадцать-тридцать лет.

Евгения Фёдоровна: Я сама пятьдесят штук кирпича принесла на печку.

Любовь Ивановна: А у меня немецкая ещё печка. Я в доме этом с 1968 года живу, так печку не перекладала. Внутри, должно, выгорела вся, а так ещё красивая. Спасибо печнику немецкому, кто бы ни был, – крепко сделал.

(Фрагмент беседы в пос. Гастеллово)

Я в 1946 приехал, пацаном ещё был. Надя попозже на несколько лет сюда перебралась.

Я из Курска, по вербовке. Корову мы с собой везли, и курей, и овец, у кого поросята с собой были... Отбирали так, чтоб все трудоспособные были, чтоб ни судимых, ни подозрительных каких – это очень строго было. Если судимый, никогда не возьмут тебя сюда.

(Надежда Антоновна, жена В.П. Сазонова, добавляет: Их мать-то тоже с пятернёй была одна.)

Когда приехали мы с матерью в Черняховск, военные машины нас ждали, рассадили по военным по машинам – и стали развозить по хуторам. Гросбабайнен, Кирово да Генералово. Сперва повезли нас на первую бригаду, там заселили. Военные загрузили, сгрузили, всё нам помогали. Дома были уж распределены, у каждого номер, а мы по номерам записаны. Мы жили у немецкого кладбища. Оно было всё-всё огорожено штакетником, и ворота, и калитки красиво были сделаны. Как русские приехали сюда, поразобрали всё кладбище, всё побили – хоть так и не положено, нас-то всех крестили, – но вот всё.

У нас когда митинг был, чтоб сюда ехать, проводили там, – ну, построились, музыка, армия была, – в воинской-то части. Выступление было начальства, говорили: езжайте спокойно, не бойтесь, денег вам дадим, владение на всю жизнь; Гитлер разбит, и теперь наше всё это, стоять будет сто лет.

Приехали – а сколько тут было плугов! Разной марки! И двухлемашный, и трёхлемашный, и конные грабли, и вилки всякие, что по валкам бьют, – бабы их «чертями» называли, как по-немецки, не знаю, до сих пор говорят: «Это черти».

(Владимир Петрович Сазонов, пос. Заовражное)

Зинаида Захаровна Пустарнакова: Сюда ехали – подъёмные давали, овечек давали, а ещё вот такие зелёные – может, помните – польты были с воротничком... В 1946-м-то...

Валентина Никитична Тинкович: А нам в 1950-м двести пятьдесят рублей денег, корову, поросёнка, гусей дали... Целое богатство... Дома приготовлены были, печки натоплены – мы-то приехали в марте месяце. Всё уж хорошо было...

А кто пришёл с фронта, тем больше давали, – а на иждивенцев из расчёта триста рублей.

А когда ехали, нас обрабатывали ото вшей, парили-жарили, прививки всякие делали, – чтобы все хорошие приехали, чистые.

Зоя Филипповна Биндяк: А нас в 1948-м в Литве только остановили, искупали, – никаких прививок не делали...

Зинаида Захаровна Пустарнакова: А мы в 1946-м приехали в бурьян... Крыши ходили собирали, окна собирали... Бурьян, развалы, нищета. Одно слово: война прокатилась. А всё равно – чистенько было, красиво. И так зелено, зелено! И птицы! И цветы! Не полюбить – невозможно.

(Фрагмент беседы в пос. Глушково)

Сюда, в Неманское, мы приехали числа 15-25 апреля 1946 года, вместе с Савиновыми, в одном вагоне. Травы было по колено. Жили мы сначала напротив почты, картошку посадили, хотели подвал посмотреть, а там трупы. Мать вызывала солдат, часть стояла на Малом Поселке, сказали, что это были наши пленные, они были в наших гимнастерках и сильно истощены. Я так испугалась, что не могла спать в этом доме, мы перешли в другой дом на этой же улице, там родилась моя сестра Галя. Работы здесь не было, мать ходила в Литву на заработки, а потом мы туда уехали. Восемь месяцев мы жили в Литве, потом вернулись в поселок. Поселились в доме на повороте на завод. Вместе с нами в одном доме, на общей кухне, жили две немецкие семьи. Отношения с ними были хорошие. Мать на работе, соседка иной раз позовет: «Ком, ком», – и накормит. Примерно полгода мы жили вместе, одна немка так играла на аккордеоне, что весь край сходил. В 1948 году, зимой, немцев выселили, им разрешали брать с собой по 25 килограммов на человека. Ночью пришла машина с военными. Мы вышли посмотреть, нас прогнали. Соседка принесла матери полную кастрюлю котлет, сказала, что осталась картошка, продукты. К отъезду они, видимо, готовились, потому что резали скотину, продавали все. Многие не хотели уезжать.

Транспорт в посёлок не ходил. За пайком в Советск ходили пешком, давали американскую тушёнку и сгущёнку. Мать привязывала к себе сестру, а я шла сама. Выходили мы с рассветом, ночевали в Советске, у знакомых, домой возвращались на следующий день. Автобус в посёлок пустили только в 1960 году. До 1962 года в поселке была своя пекарня, выпекали очень вкусный хлеб. Работали там Даша Лаврищева и Даша

Белозёрцева, чего её закрыли, я не знаю, начальство у нас такое. До 1960 года на заводе была чистота и порядок, мы, рабочие, ходили на работу в белых кофточках. У немцев какой кирпич выпускали, и черепицу, и горшки, и крынки! Кирпич аж звенел. Так у них глину замесят, а потом выдерживают три года, а наши всё быстрее, быстрее...

Помню, когда приехали в посёлок, была тут очень красивая церковь. У неё было разбито снарядом всего одно крыло, но и с разрушениями здание было очень красивое. Стены были расписаны, а какие были плитки! И памятник павшим в Первую мировую стоял почти целый, были щербинки только от осколков. Домов хороших было много, нужно было подремонтировать – и живи.

Мы, дети, были предоставлены сами себе и облазили все окрестности. В Должинском нашли подвал, где было много заготовок из ревеня: и варенье, и компот... Неделю домой всё носили. Учиться здесь я начала со второго класса, преподавал у нас Макеров Макар Артёмович. Школу я так и не закончила: когда училась в шестом классе, маму на работе контузило, ее положили в больницу, в Калининград. Я осталась за старшую с пятилетней сестрой Галей. Первого марта 1954 года устроилась в лес, пошла рубить сучки. Проработала там три года, потом ушла на кирпичный завод. В 1959 году вышла замуж за Гуторова Николая, в 1960 году родился сын Владимир, в 1961 – дочь Наталья. На заводе работали в три смены, а у меня были маленькие дети. В 1964 году я вернулась работать в лес, проработала там, с небольшим перерывом, до 1993 года. За свою жизнь я гектаров сто леса посадила, кислорода хватит и детям и внукам...

Что запомнилось особенно? Запомнилось, как провели свет в клуб в 1958 году. Мы, комсомольцы, сами копали ямы под столбы. А в домах свет появился только в 1960 году.

(Тамара Петровна Гуторова, пос. Неманское)

Чистота здесь была удивительная, всё аккуратно так. Дома, правда, разваленные были в колхозе – война ведь, – но чтобы мусор какой, этого нет. Посуды, утвари мало было – что с собой привезли, что тут нашли.

Нам очень понравилась местность. Вот пошли мы впервые к речке – речка чистая, лесок – как будто отборный, хотя и война прошла. А ручьи-то, озера – мало сказать прозрачные, вода – как стеклянная, искрится.

Навозу нигде не было у немцев – и куда девали? Должно быть, куда-то на перегной увозили. Или на брикеты. Потом кладбище немецкое, клетки, клетки (склепы?). Всё ухоженное, всё такое... как парк, как клумбы, можно гулять.

Мы приехали в августе месяце – свои огороды там остались необработанными, – да у кого они были-то, огороды, – и тут ничего. Хорошо, город близко (Инстербург), что с собой привёз – нужное, конечно, всё – но выберешь что поменьше нужное, там сменяешь.

(Мария Акимовна Макаренкова, пос. Заовражное)

Мария Акимовна Макаренкова: 26 августа 1946 года мы приехали.

Клавдия Васильевна Кузнецова: Ещё малину ели!

Мария Акимовна: А мы сами все, кто здесь, из Курской области. Из разных сёл. Анастасия Адамовна вот только – её семья из Белоруссии. Мама их умерла, а их шесть не то семь детей, она за старшую.

Мария Егоровна Павлова: А мы из Калужской области. Приехали 16 сентября 1946 года. И тут кого вы ни спросите, километров на пятнадцать окрест, в Бережках, Заовражном, по тот берег – тож, вам ответят скорее всего, что куряне, калужские, орловские. Ну, белорусы ещё. Из Белоруссии везде будут семьи отдельные. Вот так тут заселяли – по областям, по районам, кучно. А ехали, конечно, из тех районов, где больше всего поразбито. Наверное, вербовщики везде были, но за ними кто шёл? Те, кому жить было негде, где пожарища одни. И у кого, конечно, дети, и много. А так – кто же поедет со своей-то родины? И ради себя кто поедет за столько-то вёрст? А детей поднять надо – так и подальше поедешь.

Мария Акимовна: А расселились так: Зеленцово – там всё больше из Советского района Курской области. Они поначалу поселились в Первомайском, а потом как узнали, что они там лишние, переехали в Зеленцово. Мценский район Курской области – это Лугаши посёлок; Гроссбайне... Ну, Бережковское, Подгорное было Статхаузен, Заовражное – Норкитен. Отец у меня – сколько лет, и никак не привыкал к новому названию. Ну, это когда переименовали по-советски. «В Норкентин надо бы сходить» – так и говорил. А иначе – нет, не называл.

(Фрагмент беседы в пос. Заовражное)

Я вот что ещё вспомнила. У меня отец в войну в броне был, работал у себя там – лесозавод. Работал в самом посёлке, где-то километров за 15 – 17, а под конец войны всё ж взяли его, и попал он сюда, в Пруссию. Может быть, это его заставило сюда нас перевезти? Природа-то красивая, не сравнить со средней полосой России, с той же Пензенской областью. Там лес только – хвойный лес, лиственный. Ель там не растёт уже, сосна только. Садов нету... Колючка в поле... А здесь богаче природа, красивая. Вот и захотел он нас в красоту эту привезть, чтобы мы, дети, её видели. Такой уж отец у нас был.

(Нина Ивановна Верасковская, пос. Бабушкино)

Я, Клишко Галина Александровна, родилась 7 августа 1929 года в городе Воронеже в семье кадрового военнослужащего, мама – работник общественного питания.

Отец, Ульченко А.П., окончил военное училище в Воронеже и в 1939 году был переведён в одно из училищ города Орла, куда переехала наша семья. Моё детство в Орле проходило в общении с бойцами, подчинёнными отца, в летних лагерях, лыжных походах, на стрельбищах, в различных мероприятиях в училище (военном), детской библиотеке, школе, с ровесниками во дворе нашего дома гоняла на коньках, играла с любимой куклой размером с моего четырёхлетнего брата.

Весной 1941 года отца перевели в Киев, затем он сообщил нам, что их часть (воинская) переведена в Харьков. Мы должны были ехать к отцу, но он попросил в силу каких-то обстоятельств (как теперь ясно, ожидалось начало войны) задержаться до его нового письма. Но приехал он сам домой, и в апреле 1941 года мы приехали в село Уварово Тамбовской области, где отец оставил нас, а сам уехал в свою часть. Оказалось, что этим же поездом приехали несколько семей командиров нашего училища.

Как жила наша семья годы войны с 1941 по август 1946 года, рассказывать не буду. О начале войны 22 июня 1941 года я услышала по радио одной из первых на улице, где мы жили в доме героя и инвалида Гражданской войны как эвакуированные. Об окончании войны 9 мая 1945 года узнала первой и бежала по улице и кричала: «Люди, Победа, Победа!»

В 1946 году отец вышел в отставку как инвалид войны. Тамбовский обком КПСС направил его в Кёнигсбергскую область для установления Советской гражданской власти.

Он уехал, а наша семья ждала формирующегося эшелона переселенцев из Тамбовской области, с которым в последних днях августа 1946 года мы приехали в маленький городок Кранц, где под командованием отца работало подразделение солдат и офицеров, на больших «студебеккерах» развозивших переселенцев по определённым для них местам нового жительства в Восточной Пруссии.

Насколько я помню, 9 сентября 1946 года я и мой брат пошли на занятия в школу, я в 10-й класс, брат в 4-й.

Мы были покорены морем, его шумом и красотой волн. Поразил город, его архитектура, деревья, кустарники, старались общаться с жившими в городе немцами, особенно детьми. В семье у нас подкармливалось трое немцев: старик, его дочь и её жених, почти мальчик. Потом отец привёл ещё мальчика; мама его отмыла, накормила, уложила спать. А он ночью забрал хлеб, «лярд» (американское сало, его намазывали на

хлеб) и сбежал, оставил все двери нараспашку, а зима была очень холодная. Немцы мёрзли, наш старик вскоре умер.

Жили мы в квартире, где была многие годы типография нашей районной газеты. В школе работали техничками немки, молодые и пожилые. В классе нас было всего двое учащихся (гражданского населения было мало), поэтому во второй половине учебного года наш класс закрыли, я пошла в 9-й класс, окончила его и в 1947 году снова пошла в 10-й класс.

Зимой 1946 – 1947 года вывозили из Кранца немцев. За это время наш город сменил названия: Нахимовск, а затем Зеленоградск.

(Из воспоминаний Галины Александровны Климко, г. Зеленоградск)

Я приехала совершеннолетняя сюда, полноправный работник, из Ульяновской области, в 1947 году в апреле месяце. А до этого осенью с Ульяновской области приехали три тётки моих на один хутор. Ну вот, через полгода решили – мама, брат и я, трое, приехать сюда. Первый год тяжело было, и лебеды-то тут не было, одно железо. Не росла трава – после боёв, что ли? Давали нам по 8 кило пшеницы, зерна, как приедем, на человека на месяц. Эту пшеницу мы на ручной мельнице мелем, затируху сварим; эту затируху едим без хлеба, без ничего. А в неделю раз, в воскресенье, делали выходной, не работали на колхоз и блиндажи не закапывали, не перебирали. Блиндажей очень много было, в три наката... Сначала брёвна разберёшь, а потом надо закапывать. Такие вот рвы большие, по два дня по четыре человека на блиндаж ставили – и вот кидаешь, кидаешь... За два-три дня его закопаешь, следующий берёшь. Вот, значит, в воскресенье мы не работали ни на колхоз, ни на блиндажах. Работали мы на себя – и не только в выходной, а если было время после колхозных работ ввечеру. Медь мы собирали, кто чего: кто гильзы найдёт, кучку... Меди очень много было, проволоки – везде. Катаешь, катаешь такими рулонами-колёсами – и на двуколку. Двуколки эти мы привезли с собой... И по Красной дороге на один хутор – хутор во-он где, возле «Дружбы» почти что – и через «Авангард» в Литву возили. Тут почему-то, в Калининградской области, не принимали медь. Сами заставляли вывозить – голодный народ ведь куда-то что-то достаёт! Литва – советская, не советская – а там всё принимали. Там медная проволока была 8 копеек кило, там люминивая ещё меньше, и всё-таки мы наберём, увезём, сдадим эту медь – мешок картошки оттоль везём. На неделю уже хватает нам с этой – 24 кило на три души пшеницы дадут нам да с картошечкой. Постную затируху – только дай, хлебают помаленьку! Мать бывало вот наливает, подливает, весь вечер – и [за] весь вечер мгновенно выхлёбывают. Вот такие голодные все были.

Потом стали обживаться, в 1948 году уже нам по 700 граммов хлеба дали, трудодень. Это уже говорят – ого, урожай нынче хороший... До того в войну ведь ничего не давали. Народ как мог, так и выживал; «всё для фронта, всё для Победы» – а как ты ноги таскаешь, это твоё дело. Да и то: война, она война и есть.

Ну а потом год за годом – ожили маленько, пахать земли смогли... Машинами уже.

(Нина Александровна Кукушкина, пос. Бабушкино)

Трудно было поначалу, да и после было трудно, но мы уже здесь поселились, эта земля нас приютила – другой не искали больше, с места уж не снимались. Надо вместе с землёй бедовать, если уж осели и детей здесь народили. Не завидую я нашим родителям, кому пришлось сниматься с родного места. Но они для нас это делали, чтобы мы выжили.

(Анастасия Адамовна Лежнева, пос. Заовражное)

Один раз я была в санатории – там москвичи были. Разговорились о том, кто заселяет Калининградскую область. Москвич, например, считает, что Калининградскую область заселяют в основном тюремщики. Это я слышала три года назад. Я говорю: «Да что вы говорите! Мы приехали – крестьяне». «Зачем вот ехали, для чего вы ехали туда, если вы не тюремщики, а нормальные, дескать, люди?» Ну, я отвечаю: наша вот мать говорила – нас трое детей и мать с нами одна – говорила так: ну, может, я хоть вас, детей, хлебом накормлю. Нужда заставила, есть нечего было... А у нас ещё отец пришёл с фронта домой и дома умер. Поэтому мать вынуждена была платить налоги наравне с мужчинами. А почему? Потому что документы мы, маленькие дети, потеряли – она-то целый день на работе, – и в этих документах было написано, что отпущен с фронта, ранен, потом осложнение получилось. Вот эти документы мы, дети, и потеряли. А мать неграмотная, она, конечно, не смогла восстановить. Налоги платили большие: яйца, молоко сдавали, шерсть овечью... Мы пережили все трудности войны. И если у нас в Пензенской области не было фронта, то был голод – всё, что выращивали на полях, всё отправляли на фронт. Этот лозунг – «Всё для фронта, всё для Победы» – действовал неукоснительно. Получалось так, что впроголодь и голодные жили. Когда приехали вербовщики переселять на новое место жительства в Калининградскую область, конечно, в основном собрались семьи бедные. Кто благополучно жил, более-менее зажиточно по тем временам, тем зачем было ехать? Тем и на месте было хорошо. А сюда приехали в основном обездоленные, нуждающиеся. С голода, скажем так. И надо сказать, что в первые годы не брали по переселению сюда людей,

которые судимы. Или в плену были у немцев, или кто в семье если судимый. У нас здесь в то время никто ничего не воровал. Всё на улице было, никто никогда не запирает дома, квартиры, и понятия не имели, чтобы забор был, – такого и не было. Если кто-то ушёл, а хочет показать, что дома никого нет, – веник приставит к двери или палку. Это значит – никого нет. Или на щепочку дверь зацепит.

Мы приехали в 1948 году. Застали здесь – всё было разбито. Ехали в товарняке, коров везли, вилы, лопаты, грабли и прочий инвентарь, ухваты даже; овец везли. Вот у меня переселенческий билет, нашей семьи, старый; там мать значится и написано: выдано было 1900 рублей денег. Я уже не помню, что можно было на эти деньги купить, но ехали мы, в дороге у нас была возможность есть хлеб, хлеб намазывали маргарином. Это было очень вкусно. Ели хлеб, пока ехали, – видимо, нам в дороге и выдали эти 1900 рублей, чтобы мы смогли проехать.

Обещали, что тут легко более-менее будет, но пострадали и здесь. Очень пострадали. Всё было разбито. Земля во время войны затапливалась вся – весь дренаж был порушен во время боёв, мелиорация. Это было болото, воронки и колючая проволока, куда ни ступи, окопы, блиндажи, и патроны кучами, и оружие всякое. Только что никто ни в кого не стрелял – а собирай сколько хочешь. Вот сосед мой, такой же по возрасту пацан, ровесник, а мне 15 лет было, как сюда приехали, – на улицу идём с ним, вечером-то, а он говорит: «Ну, что возьмём с собой сегодня? (вроде как чувствовать себя уверенно) – автомат возьмём, пистолет возьмём или винтовку возьмём?» – «Ну, ладно, давай возьмём винтовку, трассирующими пулями интереснее стрелять: в тёмном небе видны следы. Вот, значит, берёт он винтовку, идём мы на улицу в посёлок – а на хуторе нас поселили, целый километр надо было идти – пришли в посёлок, прислонил он к какому дереву эту винтовку, погуляли, повеселились, домой идём – винтовку в руки и пошли домой. И никто никого не трогал. А патронов всяких, мин, снарядов тут полным-полно было.

А бурьян такой был страшный – мы летом, 16 июля приехали. Бурьян и всё разбитое среди бурьяна, среди будылей прошлогодних.

Сейчас было время – в печати очень выступали со свободой слова – такие люди, которые в глаза не видели ни эту область, ни эту землю, ни этих людей – и так утверждали, что наши русские люди не сумели сберечь немецкую культуру. Не сберегли, а то уничтожили – и винили нас очень, первых переселенцев... И как можно было культуру эту сохранить? Во-первых, мы приехали – это в нашем месте, может, в другом месте и не так было – граница рядом, четверо суток непрерывно шли бои на территории нашего посёлка; на нашем братском кладбище две с

половиной тысячи погибших покоится. Тогда несколько человек только на этом братском кладбище было похоронено; тогда на каждом шагу – около дороги, около хутора идёшь – вот тебе могилка. Бугорок, столбик деревянный и вырезанные ножом на дереве фамилия, имя, отчество или фамилия и звание – и дата смерти. А то и дощечка простая, и написано что-то на дощечке. Таких могил было полным-полно. Где эти могилы сохранились, их, конечно, перевезли, а возможно, и не все они попали на общее братское кладбище.

Нас поселили в дом – в один угол попал снаряд, он дырявый был, крыша дырявая в другом углу, текло, но комнаты были сухие. Вот такой дом. Он долго мог ещё стоять, этот дом, но если он уже разбитый, если снаряд побывал в нём, – он, конечно, разваливался постепенно. Да и потом: приехали сюда мы без отца, три девочки и мать, – что мы могли сделать? Как мы могли восстановить эту немецкую культуру после разрухи, после войны? Мне, старшей, 15 лет было. Конечно, были случаи, когда раскапывали склепы – это было – и немецкие могилы, вандал такой, – тут скрывать нечего. Но в основном – если наши все отцы погибли на фронте, какое было отношение к врагам, из-за которых мы остались сиротами? Разве мы могли уважать, поклоняться немецкой культуре и сохранять её? Мы не могли психологически.

Я хотела бы ещё добавить, что здесь очень много было хуторов. Не во все дома заселяли нас. Но мы-то люди, живущие в деревнях, в сёлах, а к хуторской системе не привыкшие. Было боязно – дома стояли пустые, были и хорошие дома среди хуторских. Но там вон далеко, где старые люди называют «Башней», – там стояла водонапорная башня (а кто-то считает, то собор был) – был большой посёлок, но туда почему-то не вселили людей, не привезли – далеко, что ль, или рядом с полигоном, – но не стали заселять то село. Так там, действительно, и печи изразцовые были, всё было целое; но вывозили стройматериалы литовцы. Мы-то приехали бедные, мы бы и не сумели – и некому было строительством заниматься, поправлять старые, или новые дома строить, или реконструировать. Кирпич – это мы знали, кирпич соберём или черепицу на крышу, а изразцы или паркет – что они нам? А литовцы – у них такие телеги были, арбы длиннющие – на лошадях вывозили по всем хуторам. Сначала вывозили изразцовые печи, оконные блоки, дверные блоки, батареи, полы выламывали, черепицу, потом уже и до кирпичей добрались, что мы не разобрали ещё. Вывезла Литва... И я замечала, если ездила через Литву, – с нашей стороны от границы дома построены были в Литве намного лучше, чем по соседству с Белоруссией.

(Анна Михайловна Романова, пос. Бабушкино)

Свыше не было никаких распоряжений [по сохранению немецкой культуры], а мы люди рядовые, был бы кусок хлеба... В 1948 году мы приехали, 11 мая. Было красиво, цвели вишни, яблони... Привезли нас вот... название Маяковское. Нас ехали – Мария Алексеевна Дринкайте, она тогда была, конечно, маленькая; родители её; Чеснокова Валентина Яковлевна – нас поселили рядом; Нахлебниковы. Дома были разрушены – недостроены, сами где-то с трудностями материалы добывали, доде-львали. Трое в семье; четвёртый – брат – где-то тогда учился. Стали обживаться на новом месте. Я пошла в четвёртый класс здесь. Мы какие-то переростки были – не пойму – или в войну не учились мы... Кончала здесь семилетку, никуда дальше не пошла, возможности как-то не было, трудно было жить, денег особо не было, чтобы куда-то поехать. Так вот осталась в колхозе – с 15 лет. Вложили туда мы много.

(Мария Григорьевна Сатюкова, пос. Бабушкино)

Детские впечатления мои о приезде сюда такие. Нам дали подъёмные, нас шесть человек было детей, и мы не могли наесться хлеба с маргарином. Родители пошли работать – и мы пошли работать сразу по приезде: таскали от Маяковки и до второй бригады – не помню, как назывался там посёлок, – была немецкая дорога, выстроенная красными такими кирпичиками, гладкая дорога, как асфальт, и вот на неё сыпали зерно, и мы там помогали сортировать вручную, крутили, подкидывали, даже и в ночь оставались.

Косили взрослые силос, конечно, мы косить ещё не могли, но мы ездили на лошадях. Мы грузили силос на повозки, садились даже на лошадей, запрягали – делали лóзы такие, сено стаскивали – два стебля берёзы вместе с ветками, с листьями связывали, и вот как телега – сено сверху клали. И вот всё лето себе зарабатывали, чтобы нам чего-то к школе себе было купить. И то – не было такой роскоши, как сейчас ходит молодёжь. Нам, помню, купила мама платья из такого материала, вот его постираешь, и оно стоит, как кол какой-то было; материал был такой – оно сухое мягкое, а как его намочишь – он такой вот, деревянный или жестяной. Всё равно старались как-то жить.

На жизнь не жаловались. Очень был у нас посёлок дружный, весёлый. Собирались кучками – одного возраста, другого возраста. Пожилые собирались – тоже песнячили (пели).

(Галина Ивановна Мезенова, пос. Бабушкино)

Я приехала в 1948 году, 12 апреля. И почему-то наш эшелон проскочил аж до Черняховска. Здесь мы разгрузились, и мы сюда все попали 11 числа, а до места добрались только 12. Нам было очень удивительно, что в апреле месяце – и уже кусты зелёные, а потом вскоре и зелёные ягоды

появились – смородина, крыжовник... Для нас это диво – так мы горстями рвали и ели; конечно, дети... Не успевали родители за нами следить. Мы и переболели многие всякими болезнями от этой зелени...

Поселили нас – теперь Раздольное называется. Сразу там организовали свой колхоз, вот из этого количества домов, которые немецкие до сих пор стоят, – организовали колхоз имени Ворошилова.

Поселили нас в центре – там между двумя-тремя, по-видимому, фермами стоял – барский, видимо, – дом двухэтажный, красоты неопишеской. Вокруг посажены были серебристые ели огромной высоты, вот такой толщины (показывает, широко разведя руки). Но ведь русский народ не сохранил. Не было указаний свыше – «Не трогать!» А сами не думали тогда ни о чём, только бы выжить. Я до сих пор очень жалею. А в самом доме – нам дивно было – печи стоят везде, в каждой комнате, изразцовые; кафель такой... Мы, дети, бегали из комнаты в комнату, любовались, как перед зеркалом, кто красивее смотрится. И этот изразец потом вывезли оттуда. Литва вывезла.

А какие там под этим домом были подвалы! Я теперь взрослым умом думаю, что там сырзавод был. Больше ничто. Потому что там отделения, отделения, отделения – и в этом доме два подъезда – парадный и чёрный ход; и с того чёрного хода – там, видно, был обрабатывающий пункт молока. Тоже кабины, кабины, всё кафелем, всё изразцом, всё мозаикой... Ну, мы там устраивали клуб, конечно. В одно время начинали там перерабатывать молоко, ну, это недолго. Потом открылся, видно, районный завод... А хозяйство собирали – уже этот колхоз, эта бригада существовали, назывался колхоз «Прогресс», сюда входили и выселки; на той стороне колхоз имени Маяковского. Когда их привезли только, организовали; а когда нас привезли, мы организовали свой колхоз, имени Ворошилова. Восемь домов, по-моему, сперва всего-то было, немецких. Из наших же приезжих выбрали председателя, он Алатыревых отец был, хоть совершенно он неграмотный был, но руководил. Грамотных тогда было очень мало.

Молоко перерабатывали вручную, на костре варили эту сыворотку, отжимали творог – электричества-то не было... Ничего не было, оборудования – ноль... Потом – сколько мы прожили? – может, три-четыре дня, может, неделю, и вот Третьяковка где находится, оттуда стали подвозить подсобное хозяйство – лошадей, коров там, голов по пять-шесть, немного, брички немецкие, сбрую – хомуты, седла, седёлки, сеялки, веялки – сколько там положено, видно, распределили; а потом уже – через года три, наверное, – там немцы их сохраняли, этих немцев оттуда выселили и организовали военный полигон. Тоже они служили, эти военные, мужики, в Гадаркене, были кони у них – не машины, не танки – на конях

всё было. А лошади были тракененской породы. Крупные, большие. Немецкие лошади. Выносливые очень.

(Мария Алексеевна Дринкайте, пос. Бабушкино)

Отец мой, Чирков Алексей Петрович, родился 28 марта 1904 года в селе Поречье-Рыбное, Пореченской волости, Ростовского уезда, Ярославской губернии, в крестьянской семье. Отец его, мой дед, Чирков Пётр Иванович, до революции работал садовником у ивановского фабриканта Фокина. И после революции всю жизнь работал садовником. Мой отец работать начал с семнадцати лет, сначала делопроизводителем в комиссии по оказанию помощи красноармейским хозяйствам, а в дальнейшем сотрудником уездногородской милиции. В 1926 году он был призван на службу в армию, служил в Москве, в Управлении коменданта Московского кремля, в бюро пропусков. В свободное от службы время с ними, молодыми красноармейцами, неоднократно играл в городки «Всесоюзный староста» Михаил Иванович Калинин. После службы в армии отец всю жизнь, до выхода на пенсию, работал в МВД. И всю жизнь, с юности, писал стихи, которые публиковались в районных газетах, где мы когда-то жили.

Мать, Чиркова (Неврюева) Мария Петровна, родилась 16 марта 1908 года в рабочем посёлке Писцово Ивановской губернии, в семье рабочего. Ее отец, мой дед, Неврюев Петр Алексеевич, работал на ткацкой фабрике мастером по ремонту ткацких станков. Умер он рано, когда моей будущей матери едва исполнилось четыре года, а в тринадцать лет она, проучившись в школе всего четыре года, пошла работать на фабрику ученицей ткачихи, в дальнейшем работала ткачихой. На этой же фабрике ткачихой работала и её мать.

В 1929 году отец был переведен на работу в Писцовский райотдел милиции, вскоре мои будущие родители познакомились и 14 сентября 1929 года расписались. Раньше сотрудники органов милиции подолгу не работали на одном месте, через каждые год-полтора их переводили на новое место работы, поэтому мы, пятеро их детей, родились все в разных местах. В 1930 году в Писцове родился первенец, сын Евгений, в 1933 году, в городе Пучеже Ивановской области – дочь Изабелла, в 1937 году в городе Владимире – сын Владимир, а в 1945 году в Рыльске Курской области родились близнецы Константин и Николай. В Рыльске отец работал начальником МВД. В 1946 году он был переведён в город Мышкин Ярославской области, где в 1947 году по состоянию здоровья был комиссован и переведён на пенсию.

Наступил 1949 год, который изменил нашу жизнь и дал последнее пристанище моим родителям. В этом году мы покинули свои родные ивановские, ярославские, владимирские края.

Однажды в конце мая папа ходил в город. Вернувшись, сказал:

– Всё, мы уезжаем!

– Куда? – всполошилась мама.

– В бывшую Германию, – ответил папа. – Я был в исполкоме. Там видел плакаты и узнал о вербовке людей в новую область. На плакатах фотографии посёлков, дороги покрыты асфальтом и обсажены деревьями. Очень красиво.

– Никуда я не поеду. Хватит переезжать с места на место. Детям надо учиться. Сколько школ уже поменяли. И при чём тут дороги? Ты что, шофёр, что ли?! – воскликнула мама.

– Поздно, я уже получил подъёмные, – заявил папа.

Так решилась наша судьба. Мама заплакала, но что делать, снова сборы. Через некоторое время у дома стоял грузовик, в который грузили вещи. Женя в это время учился в Ярославле в железнодорожном училище. Мне было шестнадцать лет, Володе – двенадцать, Косте с Колей – четыре года.

На станции Волга грузимся в товарный вагон. Всего с переселенцами три вагона, один вагон со скотом, который везут с собой. У нас живности никакой нет. Робик пропал в Мышкине во время голода в 1947 году. Он бегал на бойню, и нам сказали, что его загрызли волки, которые тоже там появлялись.

В нашем вагоне три семьи, кроме нас ещё Меркуловы и Москалёвы. Иван Меркулов – печник, у них с тётёй Нюрой трое маленьких детей. Москалёвы Владимир и Надя – колхозники, у них двое ребятшек, один грудной.

Грузимся в вагон. В нашем углу сундуки, на которых мама устраивает место для спанья, рядом стоит кухонный шкаф, на нём ведро с водой.

Угол Москалёвых занимает огромный высокий ларь (в таких ларях в деревнях держат зерно), на который взгромождают пружинный матрас.

Как устроились Меркуловы – не помню, но, в общем, все как-то приспособились к длительному путешествию.

Так как с переселенцами не был сформирован специальный состав, наши четыре вагона должны были прицепить к попутному составу. Наконец мы тронулись в путь. Прощай, родная сторона, едем в неизвестность...

На остановках наши вагоны загоняли на товарные станции, и мы ждали, когда нас снова прицепят к попутному составу.

Широкая дверь вагона была открыта, и мы смотрели на сменяющие друг друга пейзажи. Когда пассажирский поезд подходит к станции, пассажиры смотрят, далеко ли буфет. Мы же смотрели, далеко ли от нашего вагона туалет. Спускали приставную лесенку и наперегонки мчались к заветной цели. Маленьким детям было проще, для них имелись горшки, а для взрослых это была проблема, так как никогда не знали, долго ли будет стоять поезд.

Однажды Иван только зашёл в туалет, а паровоз дал гудок и состав тронулся. Лестницу подняли в вагон. И видим, из туалета выбегает Иван, бежит за поездом, а брюки не застегнуты, сваливаются, мешают бежать. Он их подтягивает на бегу, спотыкается, чуть не падает. Наконец с трудом догоняет свой вагон, папа с Владимиром протягивают ему руки, подхватывают, втаскивают, и он, почти с голым задом, матерно ругаясь, растягивается на полу. Все взрываются хохотом.

Во время движения вагон скрипел и раскачивался из стороны в сторону. Вода в ведре, что стояло на шкафчике, все время расплёскивалась. Иван предложил ведро подвесить на крюк под потолком, тогда оно будет раскачиваться в такт движения, и вода расплескиваться не будет. Сказано – сделано. Ведро висит под потолком. В это время Надя распеленала ребенка и положила наверх, на матрас. Иван стоял спиной и этого не видел. И вдруг малыш начал писать. У Ивана округлились глаза, так как теплая струя угодила ему как раз за шиворот. Он отскочил в сторону, и в это время ведро с водой срывается с крючка, летит вниз и одевается Ивану на голову. Это надо было видеть! Мы все катались от хохота, а Иван на чём свет матерился.

Вот с такими приключениями мы двигались вперед.

В Великих Луках вагоны стояли в тупике почти два дня. Около вагона, разломав неподалеку старый забор, разожгли костер, пекли картошку.

И снова стучат колеса, мелькают полустанки. Едем через Белоруссию. Мелькают деревни, дома, крытые дранкой и соломой. И, наконец, Литва. Все стало незнакомым и чужим. Дома под черепицей навевают тоску по родным ивановским, ярославским местам. Все притихли и с любопытством разглядывают чужую землю.

Подъезжаем к Калининграду. Разбитый город приводит всех в ужас. Куда мы едем? Зачем? Вагоны загоняют куда-то на товарную станцию, но вскоре прицепляют паровоз, и мы снова едем.

И вот конец пути. Поезд медленно движется вдоль перрона. Видим стадион, на нем идёт игра в футбол. На стадионе много матросов. Вспоминаем, что сегодня воскресенье. В пути были около двух недель. Выехали в конце мая, а сейчас половина июня. Поезд останавливается,

дальше пути нет. Видим поворотный круг для паровозов. На здании вокзала вывеска «Кранц».

Вагон стоит в тупике. Папа с Владимиром и Иваном уходят в город. Через некоторое время я с братьями выхожу из вагона, и мы идем встречать папу. Город поразил нас чистотой и обилием цветов. Видим папу, он идёт со своими попутчиками, и у всех в руках буханки белого хлеба! Мы возвращаемся в вагон. Папа говорит, что город стоит на берегу моря. Я с мальчишками снова выхожу из вагона и у первой встретившейся женщины спрашиваю, как пройти к морю. Она машет рукой в сторону небольшой улицы, которая вскоре переходит в пляж. До воды далеко, пляж очень широкий. Мы во все глаза глядим на безбрежное водное пространство. Вот оно, море! Дети бегут к воде. Вдруг Коля хватается за меня и кричит:

– Пойдём скорее домой! (*Вагон уже дом!*)

Я спрашиваю, чего он испугался. Он говорит:

– Посмотри, что делается! Море-то лезет!

Я засмеялась. Был полный штиль, ярко светило солнце, и море слегка лизало прибрежный песок.

В вагоне мы прожили неделю. За это время познакомились с городом, который нам понравился. Развалин было мало. Через неделю около вагона появляется грузовик (семьи Москалёвых и Меркуловых увезли чуть раньше), грузят вещи и нас куда-то везут. Едем долго по дороге, какую папа когда-то увидел на картинке. Приехали в какой-то посёлок. Это совхоз. В то время все совхозы были номерные, думаю, что это «Балтиец» или «Янтарный». Поселили нас в доме, в одной комнате с земляным полом и окном, в котором не было стекол. Мама плакала, не хотела выходить из машины, говорила папе: «Куда ты нас привёз?» Потом родители пошли в контору устраиваться на работу, но для них в совхозе работы не оказалось. Прожив неделю в этом поселке, папа с мамой, оставив детей на мое попечение, поехали в Кранц. Так как оба были коммунистами, они пошли в райком, рассказали свою историю. Им предложили работу: папе домоуправом в домоуправлении, а маме в пожарке телефонисткой. Дали временно комнату на втором этаже бани на улице Ленинградской (сейчас это улица Ткаченко, здание «Горэлектро»). Папа съездил за нами. Вскоре мы переехали в квартиру на улице Горюховой (ныне улица Балтийская), в которой родители прожили всю жизнь.

И началась новая жизнь в чужом городе, который со временем стал нам родным. Но для мамы до конца жизни он был чужим, и она все время тосковала по своей родной Ивановской области.

(Из воспоминаний Изабеллы Алексеевны Чирковой, г. Зеленоградск)

Когда мы сюда приехали, здесь военные части были, по обе стороны посёлка нашего. После войны они здесь порядок стали наводить, потом леспромхоз был недолго, а потом совхоз. Обе сестры мои здесь оказались – и та, что старшая, и та, что в школе работает.

А мы сюда приехали с горя – у нас там ни поесть, ни надеть ничего не было, всё разрушено, разбито. Здесь хоть маленько что-то было, было где работать, что купить... Зданий разбитых было мало, в основном всё целое.

Немцы кое-где оставались – те, кто за литовцев себя выдавали. Мы позже ведь приехали. Остальные уже вывезены были. А литовцев много было – так и немцы среди них вроде как спрятались. А стали семьи создаваться – тут уже не разберёшь: кто литовцы, кто немцы, кто русские.

Особенно сейчас стало известно, кто немец, кто не немец – теперь-то не запрещается, вот они и проговариваются. Раньше даже те, кто в Германии был, в лагерях, как мы, старались скрыть. А сейчас даже помощь получают, большие доллары, – человек пять.

(Нина Афанасьевна Григорьева, пос. Гастеллово)

Мы приехали из Гомельской области в 1954 году. Уже здесь в первой бригаде был построен посёлок, уже много домов построили. Я была ещё, конечно, малая, тринадцать лет мне было, и вот – приехали мы 14 марта 1954 г., в аккурат день выборов был. Нас встречали на вокзале уже на машинах и в дома поселили – в общем, было уже видно, что люди живут тут и всё нормально. В таком мы сознании пришли сюда. Председателем уже был Василий Семёнович Клёсов, он очень хороший был человек, всем помогал. Мать с отцом сразу пошли работать, а я ходила в школу. Летом мы, все-все дети, помогали родителям. Тогда ещё серпами жали, урожай снимали – не было комбайнов. Мы помогали жать, снопы вязали. Жили уже нормально, сильно плохого ничего не видели. Ну, конечно, трудно...

Уехали по предложению вербовщиков, которые ходили по деревням и записывали людей, кто желает переселиться в Калининградскую область. Решение, конечно, принимали родители, нас, детей, не спрашивали. Они жили бедно, плохо, в войну наголодались – думали, на новом месте будет получше. Все четыре года, пока война шла, ели муку из липовых листьев, сушили на русской печке, толкли в ступе, сеяли – из этой муки пекли хлеб... Или лебеду. Мать жнёт на поле серпом – и каждый свою полосу бережёт, лебеду оставляет. А мы сзади её подбираем, да не дай Бог на чужую делянку залезешь – ещё и серпом получишь: «Куда ты мою лебеду сжинаешь». А весной, бывало, растает снег – уже по всем полям картофельным заново идёшь: где-то осталась осенью, перемерзла

– мы к себе в сумку, в сумку... Печку русскую в холодное время затопишь, картошку сырую на палочку да в огонёк – отогрел, ешь – ой, какая вкусненькая! Я бы её и сейчас поела...

В школу я пошла, поучилась немного, но мы жили бедно и одеть нечего было, из-за этого решила пойти работать. Пошла в колхоз – в животноводство. Дояркой работала, свиаркой работала, телятницей работала, и в столовой – везде попробовала, сколько я прожила здесь...

(Мария Ивановна Дорохова, пос. Бабушкино)

Мифы русской Пруссии

Владимир Петрович: А был ещё камень огромный, и на нём краской чёрною написано по-немецки. А что написано – кто его знает! Стоит себе и стоит, ну, мы ходили около его, а то присядем отдохнуть. Поработаем, сядем, отдыхаем...

Надежда Антоновна: А потом один год ходит женщиной одетая, незнакомая. Ходит-ходит, а то мужчина был в женской форме. А мы на посевной работали. Вот к камню подходим – а он сдвинутый, дырка, и земля, а внутри зацементировано всё... Как хранилище, ямка такая. Что там было – не ведаем. Вызвали милицию – не дознали.

Владимир Петрович: Камень по виду как самород был, а оказалось сооружение. Что там было? Ценности какие, золото? Или документы какие были?

А потом выяснили, что чуть дальше, в леске, в это же время машина стояла. Что-то вывозили. Знали они, где нажать, где толкнуть – вот он и упал.

Надежда Антоновна: А мы сено копнили возле этого места, шутили, смеялись возле него, дети там бегали – и никто ничего не ведал, не догадывались.

Владимир Петрович: Он, мужик-то в женской форме, должно, ходил, наблюдал, чтоб не заметили чего, пока другие с камнем делали что-то. А машина, на которой вывозили, была русская, полуторка.

(Супруги Сазоновы, пос. Заовражное)

Меня зовут Катя, учусь я в Замковской средней школе. Это посёлок Ясная Поляна, Нестеровский район.

Раньше наша школа действительно была замком, её построили на болоте. Посёлок наш назывался Тракенен, и здесь разводили тракене-ских лошадей. Возле школы построены ворота. Если под ними раз в год

загадать желание, в любой день и час, то оно может сбыться. Но только одно! Другие уже не сбудутся.

(Екатерина Лагутко, пос. Ясная Поляна)

Недалеко от Глушково парк есть немецкий, имение там было, теперь уже дом не сохранился. Красивый парк, только запущенный. И было там – с детства помню – что-то вроде склепа. Рассказывали, что там похоронены девушки немецкие. То ли они монахини были, то ли пансионерки, то ли сёстры милосердия – от войны укрывались в имении. И не то бомба, не то артиллерийский снаряд попал во флигель, где они жили. Все они погибли, и похоронили их под общим памятником, как чистые и невинные жертвы.

Найти это место можно. Вот бы хоть крест там поставить. И написать, кто там лежит, чтобы кладоискатели-гробокопатели не беспокоились, не надругались над могилой.

(Игорь Павлович Тинкович, пос. Глушково)

Меню 1946 года

Сюда-то приехали в 1946-м, 29 августа. Это мы уже здесь были. А у нас ведь там, дома, огороды пооставались... Мы их там сдавали, свои-то огороды, и матери квитанцию выдали, сколько сдано, чтоб свою-то картошку другие выбрали, а мы, значит, по этой квитанции картошку здесь получили. Ну, они-то там картошку выбрали, да всю себе, а нам здесь – дулю. И мы опухали кто как... Кто как жил, это, спасибо, детдом меня спас. Там я питался очень хорошо – ни воспаления какого, ни боли в желудке, ничего не было...

(Владимир Петрович Сазонов, пос. Заовражное)

В 1946 году голод был, ели мёрзлую картошку – немцы покажут, где она может быть, прошлогодняя-то, ищем, копаем. В голод немцы речные ракушки ели, и нам говорили – ешьте, а то оголодаете. Возле каждого дома пустых ракушек – створок – свалка такая... горка была. Куда-то потом они эти панцири тоже употребляли. На какие-то нужды, у них не пропадало ничего. А мы к такой еде непривычные, мы пухли, а эту еду не ели. Лучше покажите нам картошку мёрзлую... Потом – на следующий год – свёкла уродилась, ну, мы её ели.

Немцы к нам были добрые, от нас своих огородов не скрывали.

А кто вот злой был – это начальники военных хозяйств, не дай Бог попасться. Приказ, наверное, у них такой был, чтоб не растащили. И что им эта мёрзлая картошка? Какой с неё прок им был? Зачем она воен-

ным? А затем же, зачем колоски, за которые сажали. Их никто не использовал, а если дети попадались на том, что собирали, это считалась кража народного добра. На что и картошка эта годилась, когда только мы её и могли есть? Раз мы с братом младшим – я с 1932-го, а он у меня с 1935-го – пошли за этой картошкой и попались. Так он, начальник-то, нас плёткой, плёткой! А потом он у нас был управляющим...

(Мария Акимовна Макаренкова)

Любовь Ивановна Лындина: Вот, говорят, что доярки всегда самые голосистые бывают. А что ж нам не петь? Это с молока всё. Мы ж на дойке молока поедем, как подоим, да хлеба с собой возьмём... Запеть с этого можно.

Таисия Афанасьевна Ермолаева: Да. Хлеб, хлеб... Я так хотела хлеба, так за войну проголодалась, что до сих пор люблю хлеб чёрный – и всё. Люблю, не могу! Вот принесут его – возьму – ем, ем, ем. Сменяются все – когда ты кончишь? А я не могу оторваться – так люблю хлеб чёрный. Белый – я не понимаю белый хлеб, у нас ведь не было никакого белого хлеба.

Любовь Ивановна: Ну, не всё же и чёрный. После войны был... такой... своей выпечки. Хорошая была работа, почётная, хлебы для колхоза печь. Мама моя пекла, ну, для всего колхоза. У доме такая печь немецкая была, низкая такая, под плитой – она и пекла. Очень вкусный был хлеб. А ещё все помнят – Вера Васильевна Рюмкина такая была, сразу после войны она пекла, она и в войну была хлебопёком. Ещё Ильина Татьяна занималась выпечкой хлеба...

Таисия Афанасьевна: Нет, у нас тогда не пекли.

Евгения Фёдоровна Тихомирова: Ой, хлеб этот... Когда сюда ехали, наедались, да в пятидесятые уже можно было поесть в охотку. А раньше... чистого хлеба не было. Грубого помола и с травой, и со жмыхом. Такой был хлеб. И хорошо, если был. А то – голод, бесхлебье.

И вот что скажу: тот, кто видел голод 33-го года и кто пережил войну, не умер, – те все живут люди, а молодёжь – как косой скосило. А в 33-м году и лебеду ели...

Любовь Ивановна: И здесь мы в 1946-м щавель конский да лебеду – только их и ели. Только трава нас и спасла весной. Да картошку мёрзлую собирали по немецким огородам, прям с землёю. Она перемёрзлая, растекается, землю из неё не выберешь...

Голод и в России был, и здесь, только в России больше, дольше. Помню, я малая за старшую дома оставалась – все ж на работе. Из лебеды, из мёрзлой картошки, из жмыха, – больше всего лебеды – мама слепила такую вот колобушку, положила в сенках на окошечко. Ну а коза

украда да съела. Стала ногами передними на приступочку – и съела! Тут к обеду соберутся – надо ж поесть, пообедать чем-ничем – ну, очистки там картофельные, ну что там уже наложено было в этой колобушечке – ну а мы заигрались с братишкой. Так в огороде спрятались, что проморгали обед, – убежали в шумигу, помните шумигу-то? На просо похожа, но не просо. Шумига и есть, а намнут, чешут, и вот прямо колосьями такими она. Похожа на просо, но она высокая росла, а просо всё же низенько, а эта – такими кистями, она очень намолотная была. И что ты думаешь? Мы спрятались в эти бороздки промеж шумиги и не идём домой! Ну, усе поприходили, кто был на работе, а есть нечего. А мы до вечера сидели. Не со страха, со стыдобы. Нас бегают, выкликают, а мы нейдём...

Когда стала свеколка, эта, сахарная, что сеяли, то тогда пировать-жировать стали.

Евгения Фёдоровна: На тёрке натрёшь этой свеколки, потом яблочко потрёшь, тыквы туда, у печку поставишь – и это было повидло, как утешится всё в этом тесте...

Любовь Ивановна: А ещё великое дело – чай. Я его вскипячу – литр – и вечером выпью. Есть молочко – так забелю молочком...

(Фрагмент беседы в с. Гастеллово)

Зинаида Захаровна Пустарнакова: А как мы жили! В 1946 году очень большой голод был. Вот мы соберёмся свёклу воровать – в буртах в совхозе. Есть-то что-то надо, если кишка кишке пищит. Зимой снег, грязь... Весной – много воды... Картошку вот ещё мёрзлую... И немцы там – тут, за речкой они жили – и мы... Зима-то суровая. И вот мешками – вытащим мы и они, сообща – и на горбу понесём... Дома варили борщ, из свёклы этой с картошкой.

А они, немцы-то, ходят по дворам, что-нибудь продают. Мы их не боялись. Да... И свёклу копали, и помидоры колхозные оббирали – есть-то что-то надо. То хлеба не дают, то дадут – кот заплакал, курица начхала. Унести помидоры или свёклу – это уж потом, когда богатыми стали. А в самый-то голод можно было и под расстрел... Если б попались... Правда, в военном хозяйстве одно время был хороший начальник, говорил – и в совхозе председатель тоже – не стреляйте по людям, они голодные. Так-то вот приказал.

Александра Ивановна Гуркина: Говорил даже – одну зиму – женщины, собирайте, что найдёте, чтоб пообедать. А что найдёшь? Ту же мёрзлую картошку.

Одно время арбузы уродились, такие матёрые. Их нам домой давали, и помидоры. Русский был кладовщик... Ну-ка, Анатольевна, расскажи,

как выносили на спине, а тут потёки по ногам, мы ведь вместе ходили... А ещё что бывает, когда картохи этой прелой нахамеешься...

Зинаида Захаровна Пустарнакова: А ты не забыла?

Александра Ивановна: Блины картофельные и сейчас я люблю. Сюда шла нонча – оставила дома картох несколько, чтоб сделать так-то, а они не замёрзли.

Зинаида Захаровна Пустарнакова: Несём-несём, а спины мокрые, мыльные от гнили, от земли её не отобрать – гнилую и в песке ели – такое ели, что сами удивляемся нонче; и вот живём же 75 лет.

И что ж – зайдём в сарай... А голошлёпки! Тогда мода такая была – носочки носили. Кто какие – шерстяные, правда. Там уж мужики щепки, досточку или что поразбили, зажгли, – ну чтоб обогреться, – сидим, носки выжимаем... Мокрые, в сапоги попробуй всунь... Вот носки-то по-выжмешь, дай хоть не то что высушить – ну хоть пополнить теперь можно, тошнотиков отъесться. Горбыли они назывались, лепёхи эти картохвельные, и тошнотики.

(Фрагмент беседы в пос. Глушково)

Мария Акимовна Макаренкова: Что нам лиха досталось – это правда. Мы же не учились – сразу работать пошли. Среди нас хорошо, кто три класса окончил – тот грамотей; а если семь – так тот профессор.

А голод этот вспомнить... Разве только картошку гнилую ели? И жмых... Он уже совсем отжатый, как камень...

Да что картошка, жмых... Лошадей дохлых откапывали. Падаль, – ну, убитых ездовых лошадей или которые пуганые – лошади нервные, – умершие от военных тягот. Вот эту старую падаль откапывали. Варишь, варишь, нос заткнёшь – ешь.

А ручную огороды копали? Шесть соток на человека. Немцы пойдут, дивятся. Что от голода ещё спасало?

Анастасия Адамовна Лежнева: Щавель, щавель забыла! Большой такой, здешний, немецкий.

Мария Акимовна: Но здесь что хорошо было – здесь мы уже машинами пахали, а в России – на коровах, на быках...

(Фрагмент беседы в с. Заовражное)

Гуркина: В 1949-м помидоры спасали. Чего греха таить? Ворovali мы их, случалось. Ну невозможно мимо них пройтись, такой от них запах, а нас аж тошнит от голода-то.

А раз было – агроном подкормку задумала сделать. Сделала – а мы не знали – набрали, наелись... На другой день – лежим, как угорелые. Вот и наелись мы помидор! И с тех пор больше никто их уже так не носил...

Валентина Никитична Тинкович: А то бывало идём по наряду коров доить – работали в «Победе», – а потом ещё идти на сортировку, – а Коля Ерёмин сторожит свои помидоры, – а мы идём, рвём у пазуху, в подол эти помидоры, пожрать-то надо, а он увидит – и за нами. А мы от помидор все круглые – и тикать! Коров-то доили – два километра в одну сторону ходить надо; и вот идут все девчата и один гармонист... Все без обеда. Некогда обедать-то, да и кто будет ради нескольких человек возить. А колбас, сыров, бутербродов тогда не было. Хлёбово какое из зелени, овощи варёные или сырые. Как строгие постники жили все.

(Фрагмент беседы в с. Глушково)

Как работали

Когда приехали только сюда – войска кругом стояли, немцы ходили... Всё подождёно было, ничего не было, были подсобные хозяйства, были военные – всякие, – руководили они тут этими хозяйствами. Техники не было. Какая техника? – были грабли.

Мы из Курской области – поначалу заехали на ту сторону реки, на Павлинку, снопы вязать. Лошадей мы позапрягали. Бригадир приходит когда, – работали за колышки, за палочки эти, – тебе, говорит, туды, а тебе туды, туды... Рукой покажет, пальцем потыкает. А записал он нас или нет (трудодень-то) – мы и не знаем. Так-то. Выпростили 75 соток нам... Запрягали мы одноконку, а одноконка – это одна лошадь тянет. Машины были немецкие, если были. А так больше на лошадях возили. Огороды копали тогда по месяцу. Солнышко всходит и заходит, всходит – все идут на работу... А заходит – домой-то не идут, работают, пока не стемнеет дочерна. Тут-то ночи светлые. Тогда других часов не было, никакого другого ограничения работы. А я бригадиру говорю – хлеб-то надо печь, моя очередь хлебы печь, оставь меня. А не предупредишь, что пошла на хлебы, – очередь, не очередь – накажет. Тогда за всё наказывали. Дисциплина была хорошая. Пятьдесят соток каждому огород – копаешь, копаешь... А соловьи поют, бывало! Какие они в наших местах – тут и овраги, и сирени, и речка, кустарник всякий. Им хорошо. Заливаются! Обопрёшься на лопатку и стоишь – ну невозможно, дуже хорошо, – а годы-то молодые... Тоска возьмёт, чего-то всё хочется необычного, а чего – и не выскажешь... А то задумываешься о ребятах...

Ноне пенсий себе не позаработали – да и тогда так было: ходила-ходила, да только трудодни выходила. Хлеб бы дали, что ли...

(Зинаида Захаровна Пустарнакова, пос. Глушково)

Валентина Тинкович: Всё мы детьми делали – и звеньевые свои, как у взрослых, у нас были. А как мы тяпали кукурузу! Это уже при Хрущёве.

Зинаида Захаровна Пустарнакова: Большие были труженицы бабы – это с войны. Мужики-то на фронте, четыре года без них. Потом кто не вернулся, кто на войне от работы-то поотвык, кто больной, кто калечный...

(Фрагмент беседы в с. Глушиково)

Мы, дети, всё время принимали участие в жизни хозяйства своего. Пахать – мы тоже там. Вот остались огрехи – все взрослые с лопатами, поправляют, подкапывают, чтобы были площади больше; чистить поля от всяких железок – проволоки медной очень много было в земле – мы всё это друг за другом... Везли в Литву проволоку, там принимали её.

А потом, конечно, на сенокосе, как только кончается учебный год, это мы первые работники. От зари до зари, на конях, на лозах на этих, с граблями... И нам это так нравилось – нам очень это нравилось, участвовать в жизни взрослых.

(Нина Ивановна Верасковская, пос. Бабушикино)

Да, работали мы тяжело, особенно осенью – тюки сена таскали; по 2 гектара косили – корма. Бедно жили, но не воровали; не запирали дома даже. Сейчас – банку какую-нибудь за окно нельзя повесить... А с другой стороны – что брать-то? Брать-то нечего! Когда ещё зарплату стали платить – а то всё палки (трудодни). В 1953 году стала зарплата, а до того – палочки.

После первых лет, голодных, стали как-то выбиваться. Помидоры хорошо уродились; капуста всегда была.

(Мария Акимовна Макаренкова, пос. Заовражное)

Клавдия Васильевна Кузнецова: Работали с утра и до позднего вечера. Вставали в пять часов, а то в пять часов уж на работу надо, то и в четыре утра.

Александр Васильевич Макаренков: Как механизаторы работали? Вот заправляет поутру 300 литров бензина – и всё: покаместь бак не спалим, домой не едем. Ну, где-то приезжаем в два, в три часа, в пять часов... Ночи, конечно – на то и страда. И так вот я механизатором 46 лет.

Мария Егоровна Павлова: Мы детьми во время уборки прицепщиками были. Всё делали: куда пошлют – там и работали. И главное – копейки зарабатывали. Обидно – иной трудился лет по пятнадцать – и ветеран труда. А мы всю жизнь... Да у меня вот взять мово Сашку – основная работа конюх, летом – сено, тюки, он у меня на тюках. Зимой – кочага-

ром был в правлении колхоза. Так – всю жизнь. И кто он? Никто. Ничто. И я ничто.

Александр Васильевич Макаренко: Да... Так и было. Бывало, ребёнка или бабу старую дадут прицепщиком, привяжешь её к сиденью так вот своркой покрепче, чтобы не упала, – мы себе делали такой домик, – закроешь на дугу её – всё, сидит.

Мария Акимовна Макаренко: А мы нет – нас не прицапливали. Вот с Фёдей Затолокиным мы ездили. Покрестись сидишь. А они лаются, чуть что не так. А при чём мы? Мы что? – А он злится.

(Фрагмент беседы в пос. Заовражное)

Зинаида Захаровна Пустарнакова: У меня 40 лет стажу... А пенсии у нас маленькие... На Победу сам Путин письмо присылал, «Единая Россия» письмо присылала, депутаты. А льготы как ветерану не дали.

Мы-то до войны жили важно – дом хороший был, отец был грамотный. Он на фронте погиб. Девочка умерла, Лиза, ещё в России. Тяготы не вынесла. Брат у меня остался, мать осталась... Корова была у нас – немцы не отняли. Всё оставили нам, только из дома выгнали. А девочка умерла маленькая. Мы-то побольше были, может, потому и выжили. Дом сожгли – вот мать и приехала сюда. А замужем жизнь моя была хорошая – любили друг друга.

Александра Ивановна Гуркина: Работали – 50 кило я поднимала, а то и 90. В сарай сена копны, молока ведра, корзины такие важнееющие – не брешу, весы показывали. Понадрывались, все болеем теперь – и ноги, и по-женски кто. И что, известно кому теперь, что я носила такую корзину? Я и другие доярки?

Нам с Зиной Пустарнаковой по ордену Ленина надо давать – так мы с ней работали. Насыпали зерна по 5 ведёрок, а в двух руках уносили. Было бы ещё 2 руки, так 10 бы таскали. Я с 1929 года, так в войну уже со взрослыми работала. Да и все так. Никто не хуже, все, кто здесь сидит. А и кого нет – то не меньше, а мобуть, и больше, раз их нет уже.

Зинаида Захаровна Пустарнакова: Да, я тогда как раз под коровой-то рожала.

Александра Ивановна Гуркина: Носим солому с тобой, да? – А у ней-то живот. «Что это у тебя, никак живот?» – «Да чего-то поела»...

Зоя Филипповна Биндяк: А я вот расскажу... Как приехала, работала дояркой. Ну, что, беременная одна, уже рожать. Она сидит, доит корову; на ведёрке перевёрнутом сидит. Уже всё, у ней воды отошли, а она: «Стой, куды лезешь, дай корову додою!»

Александра Ивановна: Да, это так и бывало... Не врём мы.

Зоя Филипповна: Ну и что – и домой мы её силками повели. И вот – что ж вы думаете? Моя-то свекровь и её свекровь, ножки ей помыла, одевает её... А мой муж тогда на машине работал. Позвали его, пока муж подъехал, она фык через окошко – и в сад... И идёт вот так вот... А рожала она тогда дочь Юлю...

Зинаида Захаровна: И я так... Мы все такие – не в роддоме, дома рожали. А что тогда – какой декрет? Три дня опростаться, и всё. Редко кто в больнице, как барыня. Работа-то без выходных была.

Александра Ивановна: Ой, ну его про эту работу, хватит!

Хоть бы раз в санаторий – живу тут, говорят, в приморском краю; два раза только поехала за всю жизнь на море, поглядеть – какое. И то один раз дождь был. Ноги только и помочила.

Зинаида Захаровна: А я в Паланге была два раза, в Литве и в Белоруссии была. Вот какая путешественница!

(Фрагмент беседы в с. Глушково)

Сначала в Калининградскую область приехал мой племянник Переходцев Григорий, а за ним и мы в 1974 году, сначала в Рудаково. А потом побывала в Неманском, мне понравилось, приехала я домой и сказала мужу: «Витька, как в Белоруссии, там так хорошо, лес кругом, песок». Не хотелось ему сюда ехать, но я уговорила. Переехали и мы сюда, надоело в Рудакове грязь месить, там шла мелиорация, была грязь такая, что я не успевала своим ученикам форму мыть. Мне посёлок понравился, с Рудаковым, конечно, не сравняешь, и речка близко большая, как наша Западная Двина. Тут лес, грибы, ягоды. Двенадцать лет здесь я отработала в лесу, хвою заготавливала. Мужики лес валят, суки отсекают. Мы все суки обсекали топориком, лапки маленькие складывали в кучки, а затем вилами грузили на площадку, сюда привозили на мельницу. Нагрузим машину, сами сверху едем. Один раз приехали в Краснознаменск, лежу я на хвое, потом глаза открываю, гляжу, мужик какой-то надо мной стоит, испугалась, думала милиционер, оказалось – памятник Ленину. Муж на заводе работал сначала, а потом перешел в лесничество, на тракторе работал. Когда в лесу работала, так первые годы даже в отпуск идти не хотела.

А ещё с детства я вышиванием увлекаюсь, но когда работала, не хватало времени. Держали овец еще, пряла, вязала всей семье носки, кофты. А тут овец не стало, времени больше. Дочь Наташа принесла мне с почты набор для вышивания крестиком, дочь Ольга привезла ниток, так я и стала вышивать. Вышивать я люблю, я бы и ночь сидела и не ела и не пила.

(Эльвира Ивановна Криштафович, пос. Неманское)

О белых тапочках, залётных ребятах, военных и большой любви

Клавдия Васильевна Кузнецова: Работали; картошку пололи, сено косили. На танцы в клуб ходили – набелим тапки белые и пляшем. До клуба идём босиком; к клубу подходим, ноги ополоснем, тапки надеваем.

Мария Акимовна Макаренкова: Вот идём с танцев – у нас рот, наверно, думается, и не закроеся. Вот сейчас мы не смеёмся, а тогда – идём с клуба – вот ни с чего зальёмся, такие хохотушки. А у нас в посёлке все девки были большие, вот и звали нас «лондонцы».

Клавдия Васильевна: А там за речкою ходили – те «сисястые» были.

Мария Акимовна: Ну, идём – дорога у нас сухая, мы тапочки в руки; мы их зубным порошком натирали, берегли очень. И вот идёшь, боишься, не дай Бог в гудрон ступить – пятки потом не ототрёшь – и хохочешь-хохочешь. Ни с чего – молодые были, всё радостно. Полтора километра хохоту.

Клавдия Васильевна: Один раз мы шли – и нашли кувшин мёда. Кто-то вёз – уронил. Он только чуть откололся у горла.

Мария Акимовна: А мы нашли – взять поначалу боялись. Он как был завязанный, так и лежал. Что такое, неясно. А вдруг может что-то кому-то... Но тогда не было чеченов этих – мы и не думали за это... Я подхожу, тюк это пальцем: «Девки, мёд!» Так мы рады были – и давай прямо руками этот мёд... Ели, ели...

Клавдия Васильевна: А потом подошли туда, где речка начинается, – тогда обмываемся. Руки, щёки – всё липкое. Водички чистой холодной попили...

Мария Акимовна: Только мне пришлось вернуться – меня пчела за губу кусила, уцепилась как-то...

(Фрагмент беседы в пос. Заовражное)

А у нас тут военных было много. Стояли пока, дружили с девчонками, – это после войны-то, – а потом разъехались по домам и побросали всех. А кого и с приплодом. Ну да это ничего: дети – главное в жизни. Дети и помогут, и пожалеют, а если и плохие – прибьют, – так и то потом стерпится.

(Надежда Антоновна Сазонова, пос. Заовражное)

Аркадий Яковлевич Григорьев: Мать моя 1899 года рождения, отец – 1898, все из Бельского района Смоленской области. Сам я 1913 года рождения. Мать – колхозница, а отец – председатель колхоза, грамоте он

умел, вот и выбрали. В 1943 году отец на фронте погиб, а мать прожила долго, здесь уже, в Гастеллово, похоронена. Под девяносто лет ей было.

Призвали меня в армию в 1941 году. Воевал на III Белорусском, под Витебском, Оршей, Минском, Кибартай, Эйдткунен (Чернышевское сейчас, Нестеров) – все вот эти места.

Спрашиваете, что запомнилось, когда Пруссию брали? Да что из траншей-то увидишь, что пехота может запомнить? В прицел всё видишь, стреляешь, да и всё. Сколько лет после я смотрю на красивые места и думаю, по чему пристреливаться буду и где пулемёт поставлю.

А потом послали нас на Японскую войну. И потом вот уже и та война кончилась, а я всё в Приморском крае был... В Приморье интересно: в 1945 году, когда приехал, – на посту стоишь, светлячки крылья раскроют – и светится везде, словно кто лазит. Я и стрелял везде, сдуру, поначалу.

А ещё там много было рек – и ни одного русского названия.

Стрелял я по светлячкам, и по людям приходилось – и в меня стреляли. И после немецкой войны так это было обидно на японской погибнуть...

А ещё обиднее было, потому что женился. В 1949 году, когда я в Приморье служил после Японской войны, – у нас Егорья престольный праздник, а у них Казанская осенняя, она 4 ноября бывает. Ну, на станцию пошёл, дали мне тогда отпуск. В отпуску познакомился, четвёртого числа, а четырнадцатого я уже женился. И как женился, то тут же уехал, ещё год служил. Уехал, а её там, дома, оставил.

В своих местах мы познакомились, где я родился, километров шесть от нас: у нас Мешково, а у них Высокое, ихняя деревня так называлась. А познакомились ни там и ни там, а в Макарово. Раньше как ходили? Из одной деревни да из другой все в один дом соберутся, какой побольше, и вечеруют. Клубов-то не было. А Макарово это было целее, не так разбито.

И вот 2 ноября 1950 года я приехал сюда, а жена уже тут была. И живём с тех пор, друг на друга радуемся. В газете писали про нас, это когда пятьдесят лет нашей свадьбы исполнилось.

Нина Афанасьевна Григорьева: Он мне письмо прислал: сию, говорит, – и только пули свистят... Я испугалась: только ведь расписались, не налюбились, ещё и не жили, – а вот его убьют?

Аркадий Яковлевич: Такой вот глупый был – испугал... Очень уж обидно было в Приморье погибнуть. И много я там чудил... Вот раз охранял колодец, а с собой в караул брал карабин... Колодцы ведь прежде всего там занимают, без них смерть. Пить захотел – стал к колодцу нагибаться, а подсумок-то расстёгнут – и тут все мои патроны туда. Встал,

вернулся в караульное помещение – и ведь никому не сказал ничего, стыдно было. Разве бы в немецкую войну я такое сморозил?

(Фрагмент беседы в пос. Гастеллово)

Александра Ивановна Гуркина: А вот смешное вспомнить – в Кудрявцево два года стояли солдаты, мы с ними шухарили, а ребята наши ревновали и дрались – думали, они нам нехороши. А мы с теми-то походим, а замуж за своих идём!

Валентина Тинкович: Раз нас, детей, послали – сходите узнайте в Кудрявцево, где часть-то стояла, какое там кино. Ну, мы сбегали – говорят нам, «Яков Свердлов». Ну, мы домой бежали, пока бежали, забыли. Девки спрашивают: «Ну, какое кино? Есть?» – «Есть, есть!» – «Так какое?» – «Яшка с ведром!»

Зинаида Захаровна Пустарнакова: А хорошо дюже пели ваши – ну, Вали-то Тинкович. Десять девчат их и гармонист обязательно. Идут рано утром, поют, а я выйду, заслушаюсь... А вечером частушки частят.

Валентина Тинкович: Такие вот частушки:

По деревне мы пройдем,
Посередке встанем.
Всех ребят мы завлекем,
А любить не станем.

Своих ребят мало любили – с заграничными ходили, с заречными. Ой, умрёшь, просто концерт полный, как они на нас обижались.

Зинаида Захаровна Пустарнакова: А наши-то ревновали, дрались, били... Четыре года ведь воевали те военные, а тут, после войны... С своими ребятами девки не ходят, им военные интереснее, а военные-то старые, хитрые... А наши года-то молодые были... А были девки старые, что в войну-то без ребят застарели, те прям в горло вцепляются. Замуж выйти бы им... А нам – нет, нам ещё погулять.

Александра Ивановна Гуркина: И девки девок били, и парни, случилось. Зинка Третьякова с военным погулять пошла, а Хвёдор – побил её. Тимирязевские ребята в 46-м были тут, приезжие, – и вот пели они, идут к нам на улицу:

Полуби ж меня сегодня,
Дорожка по линейке,
Будем ходить, будем любить,
Пуская ревнуют девочки! (это в ихнем-то Тимирязеве

пусть ревнуют).

Это уже молодые ребята были, не воевали. Вот кто с 26-го-то года – те всю воевали... В последний-то год особенно, перед концом войны, то всех брали, и старее призывного, и ещё моложе.

А я вот частушку ту тимирязевскую, смотри, упомяла. И вообще у меня память на частушки – зачем, откуда? Я ведь сама-то не пляшу, не страдаю, – а сколь их помню! В магазин пошла – забуду то, да то, – а частушки все знаю... Лежу вот одна ночью – и по 70 штук пою тихонько, ночью-то, под одеялом, чтоб заснуть. Пою-пою, ночь-то большая, устану петь, а всё не засну...

(Фрагмент беседы в пос. Глушково)

Меня стал сватать с другого колхоза парень. А 1948 год уже, жить можно. «Что не выходить? Нынче свадьбу ведь можно справить, ведь 700 граммов хлеба дали!» Ну и справили. С тех пор вот всё время тут живу...

А на свадьбу пели – старинные какие-то песни, обрядовые. Протяжные такие. Это сейчас как напьются – всё одна песня... В то время «Катюша» была такая песня – фронтовики все её пели. И то слова были разные, много сочиняли своего, много добавляли. Это уж у кого какая судьба и какой род войск.

(Нина Александровна Кукушкина, пос. Бабушино)

А муж мой, Пётр Абрамович, – так он всю войну свою прошагал шагами, Восточную Пруссию пехарём измерил. Я был, говорит, вот где Лукин (односельчанин. – Л.С.) теперь живёт, в этом доме был, где немецкая школа – это мы всё захватывали, всё брали с бою, своими силами, а как там что было, кто знает... Ему здесь понравилось, он сюда и поехал – потому что понравилась земля, дорогá она солдату, своя, кровная.

А познакомились с ним здесь уже. Как познакомились? Ну как раньше говорили:

Моё поле рядом с вашим,
Наши ягоды спелей.
Приходите к нам, ребята, –
У нас девчонки веселей.

Вот и мы так познакомились, – наши поля межуются, понимаешь, а сенокосный день был... Посмотрели кто как работает, друг на друга поглядели. Ты хороший – я хорошая. Ну и ладно. И жизнь сложилась.

В работе человека всегда видно, какой человек.

(Евгения Ивановна Тихомирова, пос. Гастеллово)

Родилась я 7 ноября 1942 года в селе Чучевичи Брестской области. Родители были довольно состоятельными людьми. До 1939 года Западная Белоруссия принадлежала Польше, поэтому там сохранялась частная собственность, и родители владели участком земли, был даже свой лес. Отца убили, когда мне был годик. После войны семья уехала на Украину, в Запорожскую область, Веселовский район, село Добровольцево. С

Украины (мать ностальгия замучила) переехали назад в Белоруссию, только перезимовали, мать завербовалась в Калининградскую область. Было мне тогда тринадцать лет, а случилось это в начале мая 1955 года. Приехали мы в Гвардейский район, колхоз имени Горького. Я уже в школу не пошла, а пошла работать в кукурузное звено, а осенью стала телятницей. Три года проработала, мама меня хотела замуж за литовца отдать. Я удрала на целину, шестнадцать лет мне было, паспорт я уже получила. Приехала я туда ни без чего, пошла в обком комсомола в Акмале, сказала, что у меня всё украли в поезде, тогда мне выписали комсомольскую путёвку, дали подъёмные и послали такманщицей. Мы, молодые девчонки, принимали новорожденных ягнят, а потом весной пасли этих ягнят вместе с матками. Отары были большие, голов по пятьсот. Верхом хорошо научили меня ездить. Кем я там только ни была – и прицепщицей была, и два сезона сама на ДТ-54 пахала, без тракториста. И помощницей в столовой была, а потом меня там казах один украсть хотел, я драпанула к маме назад, в Калининградскую область, не хотела замуж. Приехала, тут перезимовала, как раз познакомилась со своим будущим мужем, он служил в армии, мы обменялись адресами, его сразу перевели в другую часть, а я уехала опять на целину, только теперь не в деревню, а в город. Стала на стройке сначала ученицей маляра, Целиноград уже начали строить. Мы три года переписывались, демобилизовался он и явился ко мне в общежитие. Тогда дружили с парнями не так, как сейчас, просто чистая дружба была. Ну не хочу я замуж, и всё тут! Отнекиваюсь! Так напали на меня бабы: раз писала три года, выходи замуж! Так меня насильно и расписали, силком увезли в ЗАГС. Потом нам комнату дали, доча родилась, а потом такие тяжёлые времена настали, карточная система там была. Подкармливать уже ребёнка надо было, а ни молока, ничего не достать. Мама моя приехала: что вы мучаетесь, поехали назад, в Калининградскую область! И вот я вернулась в Гвардейский район. Пошла в Гвардейское РСУ, работать по своей специальности. Там квартиры не светило, а муж в колхозе шофером работал, получил дом полуразваленный, мы его отремонтировали, сад посадили, цветов насажали, единственный по всему посёлку дом тогда, где цветы были. Там уже Витя родился. Была начальником службы ГСМ колхоза, по всей области моталась.

В 1974 году наш знакомый Байкалов переехал в Неманское, мой муж в это время разругался с бригадиром тракторной бригады, и он уехал вместе с Байкаловым, в июне, а меня долго не пускал председатель, мы с дочерью приехали только в конце октября. Посёлок тогда был неопрятный, неухоженный, асфальта не было, цветов было мало. Снача-

ла дико мне здесь было, людей не знала, далеко от города. Устроилась работать на кирпичный завод, работала в теплице. Дали сначала нам квартиру в двухэтажных домах, трёхкомнатную. Я приехала, посмотрела, страшно мне стало, пошла до директора. Сказала, без земли я здесь жить не буду, у меня там было 5 соток под цветами. Тогда Середенков и говорит: «Есть у меня один домик, двенадцати человекам его давал, не брали». Дом требовал большого ремонта, воды нет, сарай полуразваленный, территория вокруг не ухожена. Посмотрела я этот дом, гляжу, земля нормальная, только истощённая, уж в чём-чём, а в земле я толк понимаю. Дом отремонтировать можно, воду мы сами провели, с Димой колодец выкопали, забор сделали. Сарай подремонтировали, ну, в общем, навели порядок. В палисаднике росли берёзы, прям вплотную, окна заслоняя, а я терпеть не могу, когда у меня солнца нету, сама ножовкой их спилила. И так потихоньку отвоёвывали каждый квадратный метр, всё благоустроили. Так здесь и остались. Несколько раз была депутатом сельского совета, а однажды была избрана депутатом районного совета, и всё время боролась за благоустройство, сама цветы всем раздавала, чтобы выращивали около дома.

А цветами стала я увлекаться с детства, ещё лет пять было, пойду в лес, наковыряю всяких корешков – и посажу возле дома. Мама сначала их выкапывала, выкопает, пока меня нет, выбросит и скажет, что собаки вырыли. Но потом, по совету соседки, отвела мне кусок земли, это была моя первая клумба, и первые цветы, которые я на ней вырастила, – космея. Эта любовь к цветам и земле осталась у меня на всю жизнь.

(Александра Степановна Баклыкова, пос. Неманское)

Моя прабабушка, Сапегина Лидия, родилась в 1926 году в Калужской области в деревне Чёрные Грязи. По тем временам семья считалась зажиточной, хоть и из крестьян. У них были свой дом отдельный, большой участок земли, лошадь, корова, овцы и мелкий скот. В семье было пятеро детей. Управляться с хозяйством было тяжело. Хотя все домашние работали от зари до темноты. Для обработки земли прадед нанимал одного человека в помощь. За это советская власть раскулачила семью: отобрали корову, лошадь, землю в пользу тогда уже образовавшегося колхоза. Остальной скот пришлось спешно резать, а мясо прятать, чтобы как-то прокормить многочисленную семью.

Когда продукты закончились, прадед вынужден был идти работать в колхоз за трудодни, чтобы семью всю не отправили на «выселки» в Сибирь как семью раскулаченных. Было очень тяжело прокормиться. Вся семья страшно голодала: ели очистки картофельные, пекли лепёшки из лебеды, делали крахмал из мёрзлой картошки, чтобы не умереть с голо-

ду. Со временем стало немного легче жить, но вот снова беда: началась война. Всех мужчин забрали на войну. В колхозе остались в основном женщины да дети. Прабабушка Лида рассказывала, как пришлось им, пятнадцатилетним ребятам и девочкам, пахать землю на лошадях, убирать урожай вручную, зерно складывать в снопы. В 1943 году начался страшный голод. Выжить всей семье было очень трудно, и старшие дети – брат Василий, сестра Таня и моя прабабушка Лида ушли добровольцами на фронт. Она очень много рассказывала про войну, как было там страшно. Особенно страшно было в Польше, когда освобождали советские войска концлагерь: сожжённые люди, искалеченные фашистскими врачебными опытами детишки, недогоревшие тела советских и польских людей, огромные склады одежды. Было жутко и страшно. От всего увиденного и пережитого прабабушка Лида потеряла сознание и пережила первый инфаркт. Но кроме этого ужаса была ведь ещё и жизнь. Ведь им, молодым, в те страшные годы было по семнадцать-восемнадцать лет. И прабабушка Лида в свои семнадцать лет впервые в жизни – это было на фронте – влюбилась. Было дело, с любимым они собрались пожениться прямо на фронте, даже командир выдал справку – по тем военным временам это соответствовало свидетельству о браке. Назначили день бракосочетания, но в этот день пришёл приказ от командования: в 10 часов утра – в бой. Началось наступление. Перед наступлением моя прабабушка призналась своему жениху, что у них будет ребёнок. Он от радости взобрался на танк и на весь лес стал кричать, как он любит её. И вдруг упал – в него попала пуля снайпера фашистского. Так моя прабабушка осталась вдовой, а будущая бабушка – сиротой.

Когда прабабушка Лида вернулась с фронта, то отец её выгнал из родного дома совсем, потому что порядки были старые – считалось позором иметь детей без мужа. Вернулись с фронта её брат Василий и сестра Таня, они как фронтовики её понимали, и тогда они вместе с прабабушкой Лидой вынуждены были уехать из Калужской области в Калининградскую область (тогда ещё в 1946 году она была Кёнигсбергская), в город Гвардейск. Там они поселились в свободные уже от немецких жителей квартиры. Устроились все вместе работать в военном госпитале. Впоследствии прабабушка Лида встретила в этом городе свою вторую любовь и вышла замуж. У них родилось ещё три дочери, которые, когда выросли, разъехались со своими семьями по всему Советскому Союзу: бабушка Миля – в Улан-Удэ, бабушка Галя – в Кубановку, это Гусевский район Калининградской области, бабушка Наташа – в Новосибирск, бабушка Надя – в Тюмень.

(Игорь Шматлох, пос. Кубановка)

Отто, Гансы, Йонасы и Пранасы

Были между немцами и хорошие люди, говорили – и это ещё в начале войны, когда они сильны были, – мы воевать не хотим, что, мол, Гитлер капут хотим, Гитлер на убийство нас послал. Один так говорит: у меня драй братьев, фюр сестры, киндер у меня два, жена – а я сюда у чужих детей отцов убивать, а сам-то жив ли буду, нет?

И здесь, говорят, голод был, и наши голодали, а немцы – пуще того голодали.

Когда сюда я приехала, немцев уж не было; увозили их. Никогда не забуду, как говорил один: «Мы идём – хоть на свою родину и два килограмма берём; а вы отсюда не идти, прыгать будете, и не будет вам другой родины». Не то чтобы с ненавистью он говорил, а как-то с горечью. Все, все люди – и узбеки, и татары, и хохлы, и немцы – только, видишь вот, нами командуют.

(Надежда Антоновна Сазонова, пос. Заовражное)

Мы приехали в 1946 году – тут немцы жили. На нашем посёлке их не было, на третьей бригаде были, а на Междуречье полностью одни немцы жили.

А я сам в детдоме жил с немцами. Их было двести человек, немцев, а нас было семь человек русских, в Гусеве – два года почти что жили. А если б не Гусевский этот детдом, меня бы ни костей, ни потроху бы не осталось. Ничего ж не было, все опухли, подыхали люди, – а мать одна, нас пятеро, ни кола ни двора. А потом Сталин дал помощь – на хозяина центнер муки, шесть пудов, а на детей по полцентнера, – но это они мне рассказывали, я-то сам был в детдоме.

Они, немецкие дети, бывало, пойдут на хутор, а хутора – мы пять километров от Гусева в сторону хутора, там дома длинные, в линию, как бараки, там жили мы, – а потом уже перевели нас в Гусев, в воинские части, там, где милиция, там дом двухэтажный; и вот, как они пойдут, немцы-то, пацаны, – а там поселения русские были – возьмут их и разделнут, они приходят голые, в одних трусах и в майке. А форма у нас была своя – так снимут пацаны, и всё. А их всего два пацана или три. А немцы трусливые были страшно, леса боялись, всего, как бы чего не вышло. Мы ведь вроде как победители, а они проигравшие. У них дисциплина такая. А мы, скажем, на этом хуторе живём, а кругом сады; а как первая бригада, вот там переселенцы. А мы ходили по хуторам за яблоками там, за малиной, ещё за чем... А потом немка-воспитательница сказала – она по-русски говорила, Кляйне её звали, – «Володя, а где со-

бираемся все?» – я у них за командующего был. – «В этом лесу и соберёмся».

Вот тут-то пацаны и напали на этих на немцев опять, окружили их и говорят: «Раздевайся». А немцы и кричат: «Володя, Володя, опять русь напала!» Русь, ага; а я вроде как свой. Я им: «Отто, Ганс, Пранас (звали их так), а ну-ка пошли!» – А те уже форму надевают наших-то немцев. Я на них: «А ну-ка бросьте!» – и с дубинкою на них, а они не отходят. Оглянулся – а немцы мои вроде рядом бежали, а тут все назад. Их никого нет, а я промеж тех один. «Эх вы, – говорю, – гады! Фашисты! Ну и стойте, – говорю, – там!» Как они озверели тогда, что я фашистами их назвал, предателями, как пошли, как стали этих пацанов трунить, а тут на крик как навискочили тех односельчане – и на меня. А я и говорю (мне-то шестнадцатый год, с тридцатого я, уже кое-что соображал): «Воспитывайте, – говорю, – детей своих, а не нас, они как бандиты себя ведут, или не видите, что они “трофеи” домой ташут с сирот немецких?» Те их и вздули, детей-то своих. Больше такого не было.

А в 1948 году обменным путём – немцев на русских. Было так, что некоторых русских, малых ещё детей, в начале войны забирали в семьи или в спецшколы, что ли; не знаю почему, не знаю как, только они по-немецки воспитывались, по-немецки и читали, и писали. В армию их, что ли, готовили? И разрешили им, когда сюда отправляли, по 15 килограммов с собой брать чего хочешь. У них и форма с собой была, и другие хорошие вещи, приехали с солидными такими чемоданами, а чемоданы понабиты. Вот они прибыли – соберутся вместе в кучку и по-немецки всё говорят, не по-русски. Отделяются от нас. Немцев-то наших отправили в Германию, а этих наших на них обменяли. Те с нами по-русски, вроде совсем как свои, мы уж и привыкли, и они к нам, а эти всё по-немецки, хоть и русские... Побыли они тут, побыли – и потом их забрали и отправили в Москву.

У нас было в детдоме 8 гектаров земли, 3 коровы было и 2 лошади было. Там Мишка Трапезников жил, я, – он-то с Урала сам, фронтовик он, ну, фронтовик – не фронтовик, а пацаном попал к военным, был с ними на фронте. Ну, приехали когда в детдом, я к лошадям, одна кляча была вроде как моя, я её кормил. Мы-то всех постарше, и с ним заодно. Что нас удивляло – это что в детдоме кормили три-четыре раза в день. А как немцы уехали, стало всё меняться чуток. Мы-то старожилы только одни и остались, нам всё казалось не по-прежнему.

Вот раз пошли мы с Трапезниковым на стадион, соревнования всякие там, с собой брата моего взяли, покойника Сергея, – он малой совсем был, мы его затем взяли, чтоб он нас не продал, – пошли посмотреть. А всем сказали, что идём на поле – там рядом. Возвращаемся. «Слушай,

Володя Сазонов, где ты был?» Я врать не стал: «На стадион ходил», – говорю. «Ну почему вы только одни, мы бы строим построились и пошли бы все вместе, посмотрели». А мы-то большие, нам вместе с сопляками неинтересно.

А ночью косили мы сено. У нас пара коней, косарка была, я по этому делу всё волок. Потому как днём косить нельзя, там духота, жара, сено посохнет плохо. Детдом надеялся на нас.

Ночью работаешь, цель свою понимаешь, а днём всё не про нас. Вот зашли мы, пообедали, бывало, а потом мёртвый час (или тихий теперь называют), после обеда отдохнуть надо, а потом полдник. Ну а мы большие, мы спать никак не можем, мы залезли на второй этаж, а потом на крышу залезли – и давай играть в карты. Сидим, играем. А крыша плоская была. Ну, воспитательница кинулась, – а койки-то пустые, а нас-то нету. Что делать – нас ищут. «Ну, – говорю, – пропали мы, ребята». Подождали, пока она ушла, – мы по-быстрому спустились и пошли. А время, глядим, 7 часов, мы должны ехать косить. Приходим, а лошади в сарае стоят ещё. И тут возле лошадей нас ждут, знают, где будем мы. «Сазонов, получишь пять суток губвахты за сегодня». А я взял да и матом её обложил. Такие мы были, военного времени дети. Она за голову взялась, а я пошёл вверх: на второй этаж, где мы с Сергеем-покойником спали, где вещи мои были. «Сергей, – говорю, – всё: дай мой костюм, я убегаю домой». А Сергей и говорит: «Ты убежишь – а я тебя всё равно найду, и тебя заберёт директор с милицией». Ну, воле-поневоле пришлось мне и его с собой забирать.

Прибыли на вокзал – смотрю, пионервожатая, девка, вся в белом, вошла в вокзал. А мы около вагонов, не там, где пассажирский, а где товарняк. Ну, в товарный вагон залезли, думаем, не проедем через Черняховск, а то в Черняховске вылезать – всё равно поймают. Доехали до какой-то станции, ещё до Черняховска, соскочили и пошли пешком.

Сколько меня потом перевстречали ребята, говорили все: как тебе директор ждал, как же он тебе ждал! И что не хватало мне, дураку? В школу ходили, учился в школе – кормили, одевали, обували, баня каждую неделю... Большой стал, понимать стал, что захала вожжа под хвост. Свободы захотелось.

А может, жизни захотелось. Я ведь и до детдома чего только ни видел! Уже как взрослый был.

А Кляйне – хорошая была воспитательница. Она с немцами уехала. Спокойная, не ругалась, тихая, справедливая. Бывало, меня подучат ребята-немцы по-немецки гадостям: «Подойди к Кляйне и скажи ей: “Майне кляйне, ком на хаус, шляфе тютель-брютель брот!”» – А она только: «Ай-ай-ай, Володя, это нехорошо. Я знаю, это тебе сказал Отто,

это тебе Ганс сказал». Мне стыдно станет. Это для неё хуже мата, потому что женщина она деликатная, а к женщине надо относиться уважительно.

(Владимир Петрович Сазонов, пос. Заовражное)

Родилась я 29 января 1939 года в деревне Микулино Витебской области. В семье я была десятым ребенком и бабушек и дедушек своих не помню, их в живых уже не было. Раньше, когда я родилась, область была Полоцкая, теперь, после объединения, стала Витебская. В войну мы были под немцами. Папа мой был уже старый, его даже в партизаны не брали, потому что в семье было двенадцать человек, вместе с родителями. Отцу сказали, что тебя в партизаны брать, один будешь воевать, а десять человек кормить надо. Немецкий штаб был в нашем доме. Дом был разгорожен на две части, в одной половине был штаб, в другой половине жили мы. Брат мой курить хотел и бегал на их половину за окурками, когда они уходили на построение, а я в окно смотрела. Однажды нас поймали и брата избили, зайти к ним туда нельзя было. Но были среди немцев и хорошие, принесут нам из столовой конфет, хлеба, вот это я помню до сих пор. Но зачем они воевать затеяли? Кому от этого лучше стало? Ни им, ни нам. А война закончилась, так долго голод был, холод. Двое моих братьев не вернулись с войны, а один вернулся инвалидом.

(Эльвира Ивановна Криштафович, пос. Неманское)

Повидал я и немцев, и мадьяр. Немцы были – да, плохо под ними, хотя и всякие, а мадьяры – исключительные люди были. Вот, бывало, они дорогу строили. «Пойди сюда», – а мадьяры, они по-русски говорят. – «Ты кушать хочешь?» – А я говорю: «Конечно». – «На ведро – а там бульон, одно мясо, – неси домой матери. Мать дома? Семья-то есть?» Ну, понесу в котелке, потом им помою, ещё с ними хожу, интересно у них. Ну, там ещё ребята присосались, тоже жрать хочут. А я: пойду спрошу сперва, можно ли. Они мне: да приходите, ладно уж, начерпаем вам. Ну всё, дело сделано, таскаем... А как-то раз там, где Семь проходит, шумы. А то приехали немцы, обучаться. Видят, что мясом кормят русских пацанов, – а мы-то, сами немцы то есть, голодные. Они что-то между собой по-своему. И вот мы приходим на другой день – а мадьяр тех нет, убрали куда-то, другие люди работают, словно никого и не было.

Мадьяры были, конечно, разные, да и немцы разные – да и наши, русские, всякие. Война была.

(Владимир Петрович Сазонов, пос. Неманское)

Клавдия Васильевна Кузнецова: Они, немцы, хорошие здесь были, небогатые, добрые, вроде нас, на земле работали. Разве они, такие, в войне виноваты? Они в ней и понимали-то мало, в политике-то; они, вроде нас, работали.

Александр Васильевич Макаренков: Мы вместе с немцем-хозяином целый год вместе в одном доме прожили. В его доме. Думали, так и дальше будет, всегда.

Мария Акимовна Макаренкова: Да, богатых немцев тут не было, беднота. И работали они в совхозе, в Междуречье. Оно называлось тогда не Междуречье, а Норкитен. И там лошади у них были, знаменитая такая порода.

Александр Васильевич: Они хотели остаться здесь. Старики больше – молодые все ушли раньше. С оружием молодых и воевавших мы не видели. Вот они и думали, что им позволят остаться, дожить здесь, здесь умереть. И мы так думали: люди старые, здесь их могилы, здесь их руками всё.

Мария Акимовна: но в 47-м году сказали: чтобы очистить всю территорию. Так сверху решили.

У меня брат двоюродный – тоже с немцем жил. Одинокий немец, всех растерял. А у брата дети, так он с ими возился, он их и по-немецки учил, говорил с ими, и игрушки делал. Его спрятать они хотели и оставить. И привыкли, и с детьми добрая душа, они пригляжены, пока взрослые на работах, и грамотный немец – научил бы. А жалко его было: старых людей нельзя из родной земли корчевать.

Клавдия Васильевна: Не знаем, какие они были в войну, – но тут у нас работающие, добрые были.

Александр Васильевич: Их отсюда увезли быстро как-то. Только что были, встречали мы их каждый день, жили рядом, попривыкли – и вот никого нет уже, как-то так сразу.

(Фрагмент встречи в пос. Заовражное)

Немцев много было в Норкитене... Песни они пели, бывало, свои песни, соберутся вот... Ходили они побирались: «Матка, дай биске бруту», – а нам нечего подать, у самих-то не было, дадим блинов им, картофельных, какие сами ели, или из мучки такой, бросовой, с водичкой. Они ж тоже люди, ведь не все из них воевали – а кто воевал, что они, хотели войны, что ли? Они, как и мы, жить хотели... Ну, вот нас бы куда воевать погнажи, пусть мы не знаем куда, что б, мы не пошли?

(Зинаида Захаровна Пустарнакова, пос. Глушково)

Я слушала тут немку по телевизору, она вспоминала, как, когда пришли наши, в подвале они прятались, сидели, дрожали. А я думаю: вот, была б ты не в телевизоре, а здесь, рядом, а я б тебе сказала (а немка та по-русски понимает, она по-русски говорила): а как ваши-то с нами? Вы-то в подвал сами залезли, своими ногами заходили, а нас из домов пинками выгоняли. И при нас же их жгли. Вас хоть как-никак собирали, чем-ничем кормили, а нас согнали в лагерь, и что давали? Хлеб с опилками давали. В Белоруссии, в Тосне. Там и военнопленные были. А сюда мы ехали – голые, босые, ничего нам не давали – думали, и так поедем, разорённые, лагерные. Телёнка дали – но это как премию, маме за работу. Им хоть вещи взять разрешили, какие-никакие – ну хоть фотографии там. А наше сгорело всё... На родные лица не поглядеть, не вспомнить. Заедет фотограф, фотографироваться все бегут, чтоб родне подарить, дают большие деньги, у кого денег нет – вещи. И вот висели эти фотографии на стенке. И дом сгорел, и фотографии, и людей тех нет теперь... Не вспомнишь уже, а дети и не видали деда с бабкой, дядьёв.

(Зоя Филипповна Биндяк, пос. Глушково)

У меня дом немецкий. Надпись на ём: в 1921 году строен. Немка приезжала: ой, говорит, ой, дом цел, мой папа этот дом строил! Детство моё здесь-то прошло, юность... Она с двадцать седьмого, кажется. Я ей и говорю: раз папа строил, приезжай да живи – мне что. Она: не, не, не, у меня комната хорошая, не поеду, дети, внуки. Ни со мной жить не схотела, ни меня не погна́ла. А мы, говорит, видели, как вы, переселенцы, подъезжали сюда. Мы были, говорит, в Черняховске, на вокзале – ну там это, где разгружали-загружали. И нас отправляли, а вас привозили сюда. И мы вас видели и подумали: кто в наши-то дома вселится? Всё пытались разглядеть издали, какие лица, какие люди.

Письма она мне пишет, я учительнице в школу ношу переводить. Потом я ей отвечаю, учительница переводит. Мы с ней одного поколения, ну, кто старше, кто моложе чуть-чуть. Внуки, дети, всякие заботы похожие. И понять можно, и сравнить можно... И деньги она мне присылала, благодарила, что дом её сохраняю, и чтобы поправить его. Мне-то его одной не поднять...

(Евгения Фёдоровна Тихомирова)

Сейчас немцы приезжают, такие добрые, такие хорошие... Да разве они хотели этой войны или покидать свои дома? Так же хотели, как и мы... Дома́-то – 1924-1926 год постройки стоят, что они их, чтобы покинуть, строили?

А я всё переживаю, что кладбище немецкое раскопали, рядом со школой, напротив... Долго оно было целое. Такие памятники там хорошие. Враги они, не враги – зачем мёртвых тревожить? Они здесь жили, землю эту любили, на ней работали, в ней хоронили... Они враги – да и мы им враги были. И что с того? У нас одна немка пожилая раза три приезжала, Скроботовой помогла операцию в Германии сделать.

Были немцы, что выдавали здесь себя за литовцев, оставались – и даже в своих домах жили. Они нам ничего плохого не делали тогда и сейчас не делают.

(Нина Афанасьевна Григорьева, пос. Гастеллово)

История папиной семьи такая: его дед Шматлох Викентий родился в 1895 году в городе Руда Катовического района Силезской области. По национальности – немец. Во время Первой мировой войны Викентий попал в немецкую армию, был захвачен в плен к русским и отправлен с другими военнопленными немцами в город Жданов, где в то время находился концлагерь для военнопленных немцев. Так распорядилась судьба, что он познакомился с моей прабабушкой Ксенией, которая родилась в 1897 году в городе Мариуполе, по национальности она украинка. Так и свела их судьба. После плена прадед Викентий вместе со своей женой Ксенией вернулся на свою родину в Польшу (бывшая территория Германии, после Первой мировой была отделена в Польшу), там и родился папин папа (мой дед) Эммануил и его брат Эдуард. Когда братья были ещё маленькие, их отец умер в 1936 году – дали знать себя военные раны. Бабушке Ксении пришлось растить детей одной. Было очень трудно – родные далеко, да и к власти пришёл Гитлер. Фашисты плохо относились к людям других национальностей. Ксения написала письмо Сталину, чтобы он разрешил въезд её и детей в Россию. Тогда она смогла уехать с детьми на Украину, к себе на родину. Но и там стало жить невыносимо по двум причинам: страшный голод, а вторая причина – презрительное отношение как к детям немца – было морально тяжело. После всех мытарств Ксения с детьми попала в Гродно, где работала в семье польского фермера. Дети ей помогали, учились в польской школе, мать им запрещала говорить на немецком языке, чтобы их не дразнили. Долго пришлось по этой причине скрывать своё происхождение, и очень долго все думали, что они поляки. После войны дед Эммануил, его брат Эдуард и прабабушка Ксения приехали в Калининградскую область в посёлок Кубановку (тогда ещё был военный совхоз) в 1946 году в сентябре по переселению. Началась мирная жизнь. Потом дедушка Эммануил познакомился с бабушкой Зоей, и у них родилось одиннадцать детей.

(Игорь Шматлох, пос. Кубановка)

Когда через Литву сюда ехали, нас предупредили: из вагонов не выглядывайте – нас прямо забили камнями, кидали в вагоны. Били по вагонам, как артобстрел. Если останавливались, коров боялись выпустить. Не нравилось им, что на чужую землю мы едем.

(Мария Акимовна Макаренкова, пос. Заовражное)

Магазинов после войны никаких не было, мануфактуру, одежду, обувь какую доставай где хошь. Восемь килограммов пшеницы – на тридцать дней. Мы её в Литву везли, в Литве мельницы – все мы так или эдак с Литвой были связаны. А они нам иногда говорили: «Почему вы сюда приехали, на чужую землю, эта земля не ваша», – прямо в глаза говорили. И то сказать: помнили, наверное, прежних-то жителей.

(Анна Михайловна Романова, пос. Бабушкино)

Когда приехали сюда, много было здесь чудес для нас. Кафель с рисунками, гладкий, синий с мельницами, зелёный с какими-то линиями и цветами, коричневый гладкий. Всякий. В домах некоторых тоже печки такие. И вот – где он теперь? Мы и у себя-то кафель немецкую не сбегли никто! А сколько металлолома! Целые самолёты на полях валялись, танки стояли. Драгоценный металл... И всё в Литву возили. Здесь не брали почему-то. На той Литве только и держались поначалу, можно было продукту какого-никакого наменять.

Говорят, литовцы грубые были к нам, не любили нас за то, что заявились-де на чужую землю. Не знаю, я таких разговоров никогда не слышала. Держались литовцы сдержанно, уважительно, и что нам с ними делить? Мы работаем, они работают. И у них голод бывал, приезжали сюда, забирали бочками ржавую селёдку, а сами-то рыбаки! И у них налог забирали, как и у нас.

(Нина Ивановна Верасковская, пос. Бабушкино)

Я, Латвене Гене Стасевна, родилась 15 октября 1932 года в деревне Шимкайчю Расейнского (ныне Юрбаркасского) района Литвы. Дедушка с бабушкой имели свою землю (около 25 гектаров), а родители своей земли не имели. Отец арендовал землю у хозяина до советской власти и работал машинистом на молотилке у хозяина. Молотилка была стационарная, и снопы свозили со всей округи. Молотилка швейцарская, хорошая, стоила двенадцать тысяч литов, а корова в это время стоила восемьдесят литов. Дом был старый, плохо его помню, мы были маленькие.

Помню, мне было двенадцать лет, а брату шесть (это лето 1944 года), фронт приближался. Отец вырыл бункер, в котором мы прятались от обстрелов. Когда немцы нас нашли, то погнали в лагерь. В

лагере мы были всей семьёй с лошадей, повозкой, на повозке везли свои пожитки, корову немцы у нас отобрали. У кого лошадей не было, тех гнали пешком. Нас загнали в сарай, вся зона была огорожена колючей проволокой. Сарай освещались такими лампами, что было светло, как летом. Через два месяца подошёл фронт и всех погнали в Германию. И мы бы попали в Германию, если б Ромка (брат) не заболел дифтеритом. Немцы эту болезнь очень боялись. Они дали список врачам, что есть такие больные. Его привезли в немецкий госпиталь, сказали, если б ещё полчаса, он бы умер. Мама отвезла туда яйца и сало, брату тут же сделали операцию, но не очень удачно, он с тех пор плохо говорит. В связи с болезнью брата нас выселили в пустую деревню, в сторону Клайпеды, поселили в дом, где жил ещё один больной, чем болел, не знаю. И на доме написали «Kranken». Как сейчас помню, немцы вокруг были, а гражданского ни одного человека не было, всех угнали в Германию. Прочитав вывеску, немцы наш дом обходили стороной. Там мы прожили около месяца, и этот человек умер. И потом как-то мы вечером услышали русскую речь. Русские сказали: «Езжайте домой».

Когда мы возвращались домой, то по дороге видели много трупов, бункеров с оружием, бои были очень сильные. Сколько танков осталось, их солдаты убирала с полей уже после войны. Сельсовет посылал, чтобы каждый очистил свой участок от трупов. Свозили всех в одну яму и закапывали, но немцев отдельно, русских отдельно. Года через два их перезахоронили в братскую могилу. Сколько было всякого оружия, что корова однажды где-то лазила, домой пришла, а на рогах винтовка висит...

Муж мой, Латвис Антанас Юзович, родился 3 января 1934 года в соседней деревне Кнечяй, говорит, что и у них в деревне было то же самое. Его семью во время войны разделили, мать была в одном месте, а он с отцом в другом, и в конце войны ему самому пришлось хоронить отца. Помнит, что через его деревню проходил фронт, атаки проходили волнами, бои были очень ожесточённые, первый ряд ляжет, тут же поднимается второй. Многие бойцы оставались на проволочных заграждениях. Крики «Ура!» были слышны километров за восемь.

Поженились мы в Шимкайчу в 1958 году. Антон работал в мелиорации, а я в буфете, ещё в сельсовете работала секретарём. Потом муж отслужил армию. Мы переехали в Пагегяй, Антон там охранял железнодорожный мост. Мы держали корову. Через два года у Антона кончился контракт, квартиры не было. В это время в Неманском жил наш знакомый Апинавичус, мы с его женой Рамуте из одной деревни. Мы приехали сюда посмотреть, место здесь хорошее, красивое, здесь и остались. Муж устроился на завод, нам дали общежитие. Четыре года мы

жили в общежитии. Меня сначала на работу не приняли, было много рабочих из Литвы, они ездили сюда на лодках из Вишвиля. Кирпич тогда ещё отправляли на баржах по Неману. Душа на заводе не было, работа грязная, в тёплое время после работы купались в Немане. Когда Наумчикас стал директором завода, чистоту там навёл, сделал дорожку и освещение. На заводе доработали до пенсии.

По сравнению с другими поселками Калининградской области наш посёлок выглядит лучше, но по сравнению с Литвой у нас здесь порядка мало. Однако с каждым годом посёлок становится чище. Из жителей, больше всего для посёлка сделавших, хочется отметить Ворохобкина Анатолия Алексеевича. А самое плохое в посёлке нашем – то, что молодым нет работы, отсюда и пьянство, и все безобразия.

(Геня Стасевна Латвене, пос. Неманское)

Родился я 12 сентября 1936 года в деревне Шилчалай, Шакайского района. Мама, Матильда, из селения Кудиркус Науместис, родилась в 1902 году в большой семье, вышла замуж за вдовца, ей тогда было двадцать семь лет, родила шестерых детей. Семья имела 50 гектаров земли, 6 гектаров леса, 6 гектаров луга, была ветряная мельница, пиломатериала, деревообрабатывающий цех. Делали очень хорошую мебель, президент Литвы тогда заказывал мебель у нас для своей дочери, как подарок на свадьбу. В 1944 году, когда немцы отступали, они угоняли население на принудительные работы в Германию. Наша семья оказалась на границе Чехословакии и Германии. Когда война закончилась, чехи предлагали отцу остаться в Чехословакии, давали 10 гектаров земли, но отец рвался на родину, оказалось – зря. Приехали мы на пепелище. Тут ещё сосед настучал в органы, по зависти, что отец буржуй (а какой буржуй – всё своими трудами семья нажила, за четыре поколения, а в то время и вовсе уже разорено всё было), отца отправили в ссылку, в Воркуту, на десять лет. Бараки были неотапливаемые, люди грелись друг об друга. Голод, болезни, условия ужасные, многие умерли в лагерях. Отец отбыл в лагерях все десять лет, здоровье было подорвано окончательно, вернулся – и буквально через три месяца умер.

Когда отца отправили в ссылку, мама перевезла семью в Неманское, в это время здесь уже работал старший брат Юргис, так мы переехали к нему. Жизнь в Неманском была лучше, чем в Литве, потому что все мы здесь были равны. Никто прошлым не попрекал, и ко всем было доверие. Но мытарства наши не закончились, и здесь нашлись «доброжелатели», и начались неприятности. Земли под огород нам не давали, потому что отец якобы был врагом народа, продуктов не хватало, семья

голодала. Когда я проходил службу в армии, так вынужден был свои солдатские семь рублей отсылать матери, но и они не всегда доходили.

В 1958 году наша часть была в Будапеште, в связи с венгерскими событиями, там страшно, неопишимо страшно было, очень много людей погибло... И вот вызывает меня политрук и спрашивает: «А за что, Апинавичус, твой отец в лагерях сидит?» Я ему сказал, что отец ни в чём не виноват, а даже если и виноват, так дети за родителей не отвечают.

Закончил службу, вернулся в поселок. В 1959 году женился. Устроился в леспромхоз, работал водителем на лесовозе. Работал добросовестно, род свой не позорил. В 1973 году, как передовику производства, выделили автомобиль «Москвич», это был первый личный автомобиль, наверное, не только в поселке, но и во всем районе. Первым в поселке в 1982 году построил свой дом. Последние годы правления Брежнева людям дали свободу, видимо, специально, чтобы мы потом вспоминали как хорошо жилось в Советском Союзе. Когда началась перестройка, решил стать фермером. В 1987 году выделили мне участок, я распашал землю, посадил картофель. Урожай вырастил отменный, решил отвезти картошку на север, она тогда там по рублю была, а у меня 20 тонн, это двадцать тысяч советскими деньгами, нанял машину, отвёз – но литовцы навезли столько картошки, что я еле-еле продал её по 20 копеек за килограмм, даже не окупил издержек. Но и тому люди позавидовали, собрали собрание, приехали районные власти, проголосовали, землю у меня отобрали, взяли под огороды. Сейчас та земля опять почти вся пустует, люди те свои огороды побросали. Эта зависть очень нам мешает развиваться. Хотел в части сделать фермы и пилораму, не дали. Пилораму я все-таки построил, сейчас имею 50 гектаров земли на лугу, хочу привести её в порядок. Из событий, произошедших в посёлке, выделил бы развал завода, люди потеряли работу, хотя он должен был бы развалиться, уж так там дело шло в последнее время... А из людей, больше всего сделавших для посёлка, хочу отметить Денисова Алексея Сергеевича, очень честный и порядочный человек, никому не завидовал, радовался только, когда у кого что-то хорошее получается. Если бы все такие были, жили бы мы намного лучше.

(Ляонас Ионо Апинавичюс, пос. Неманское)

О хороших людях

Надежда Антоновна Сазонова: Наш колхоз имени Черняховского, где Анна Павловна была председатель, – на первом месте в области стоял: 350 тонн мяса... 500 тонн зерна... А Романово было на втором. Моло-

ка сдавали – 15 тонн в день, 4 молоковоза не успевали возить. Яйца, мёд, помидоры – всё, всё, всё было... Сейчас ничего нет. Курей было не то 30 тысяч, не то 50 тысяч. Яиц по 40 копеек был десяток, а колхозники так брали. Повезут помидоры и яйца машиной – сколько, не знаем – привозят денег мешок. Приезжаем домой, садимся с Федей Звягинцевым, бухгалтером, – высыпаем деньги на пол и их считаем. И – честное слово, уже давно это было, чего мне лгать – ничего, ни копейки не брали. Пять гектар помидор было, такие парники, столько родили! Попробуй, приди на работу с запахом – ну, выпимши – всё! Или по морде, или выгонят. Женщина у нас была – она по морде им, пьяным-то, и набьёт. Десять лет она у нас была, при ней колхоз поднялся, при Анне-то Павловне. Пришла она на колхоз в кирзовых сапогах и в военной фуфайке – и ушла в той фуфайке и в сапогах. Вострикова её фамилия. Ничего к рукам не прилипло. Она всё колхозное дело от низов понимала, во всём разбиралась. Застрянет машина где, она мимо едет – вылезает толкать. Комбайн едет – она увидит, если что с ним не в порядке, остановит, заставит поправить. Не то что «инспекция» какая сверху, лишь бы разнос, хоть и без понятия, – нет, она полезет под одну корову, под другую, третью, если приехала на ферму, и посмотрит всё, и подскажет, и поможет. Так проработала и – ушла; живёт сейчас бедно, пенсия у неё маленькая. Дача у ней под Гусевом – она с ней клубнику продаёт...

Владимир Петрович Сазонов: Она с нами и копняла руками, и на посевной, и на уборке. Перед посевной нам ставит раз ящик водки. Удивились мы, а она: сейчас день воскресный, пей хоть всю, ты чтоб был или сейчас пьяный, или, если хочешь, трезвый – но во всю посевную чтобы вполонину пьяным, вполонину трезвым я тебя не видела. Такой ты на работе мне не нужен. Сейчас даю вам 10 часов отдохнуть – хватит? Но чтобы завтра были как стёклышко.

Ну что тут сделаешь?

Выпили мы по стакану, больше не стали тогда. Человек-то нам доверяет.

(Фрагмент беседы в пос. Заовражное)

Всякие люди бывают, есть и кто в любое время по-человечески живёт. Вот здесь в рейховское-то время хозяин красивого одного такого дома – рассказывали это сами немцы – отказался за Гитлера воевать, и сами немцы расстреляли его. И ещё говорят, были сын и отец, дворяне, что ли, так те верующие были, тоже отказались что-то, выдать кого-то, что ли, полицейским, и приехали за ними в чёрной форме, и их вдвоём казнили.

Вот ещё быть расскажу, тут её многие знают, подтвердят.

Жил такой ветеран Великой Отечественной войны, Юрков Константин Андреевич из Орловской области. В войну там он и был контужен, попал в плен. Тридцать человек товарищей его, с кем воевал, погибли.

Из лагеря первоначального, менее строгого, пытались они с группой таких же военнопленных бежать. Их поймали – определили в другой лагерь, более строгий.

И вот выступает перед строем пленных комендант, немец. Выступает по-русски, и хорошо так говорит. Понятно всё объясняет – потому что если они не поймут, то правила строгие, что нарушат, то казнят.

И тут кто-то из строя выкрикнул: «Откуда вы знаете так русский язык?»

Он им и говорит: «Я в ту войну, с царём ещё вашим, воевал, в плен попал и работал в имении в плену, в Орловской губернии, такой-то уезд, такое-то село. Управляющий там был Андрей Юрков, он меня и научил». А у Константина-то Юркова вырвалось: «Так я его сын».

Комендант бровью не повёл, не дал понять, что услышал. Только после его к себе вызывает. Говорит ему: как звать? Сколько детей вас было? – это проверяет он. – Тот и отвечает: нас-де двое сыновей, Константин и Павел, Павел младший, я старший. Немец понял, что не обманывает. Вспомнил даже, как игрушки им делал, и Константин те игрушки вспомнил. Понятно, ребёнок.

Комендант и говорит: «Твоему отцу мы все благодарны. Он нас не обижал, он к нам относился хорошо, по-человечески. И я тебе в память отца помогу, потому что выжить никто здесь не сможет. Все вы тут с голоду помрёте, потому что никакого продовольствия мне на вас не положено, никакой врачебной помощи, а будете только работать. Надо тебе бежать».

Юрков ему: «Не побегу я. Сил нету, ослаб очень. Лучше застрели». – «А я тебя в карцер будто бы посажу и кормить буду, чтоб ты отдохнул и сил набирался». – «Всё равно один не побегу, не осилю. Устал я бегать». – «Хорошо, ищи себе товарища, только надёжного. Если попадёте и меня выдадите, и вам, и мне не жить. Моя судьба теперь в твоих руках. Я отцу твоему должен, деваться некуда, но и ты теперь мне должен будешь».

Нашёл Юрков товарища, сибиряка такого крепкого, выносливого. Посадил их немец будто в наказание, придрался к чему-то. Кормил их хлебом, колбасой, суп хороший носил им сам, из своего, должно быть, пайка или от охранников остатки – ему это можно, он ведь за хозяйство отвечает, он комендант, – по ночам носил, тайно.

Прошло так недели две или чуть больше, немец их вызывает и говорит: больше нельзя ждать, будет ужесточение режима и рассредоточат

лагерь. Только, говорит, не бегите в сторону фронта, там вас в первую очередь искать будут, а бегите туда-то (карту им дал и направление показал), пройдите часть пути по речке, а по ночам ночуйте на деревьях, от собак. Дал с собой еду, а оружия не дал: я, говорит, отпускаю вас и тем перед своими виноват, но оружия вы от меня не получите. Жизнь за жизнь, а чужой жизни я вам не должен.

Пошли они и его послушались, пошли сначала в сторону от фронта. К своим прибились – это уже не помню, как, через партизан или сами по себе. Там их проверяли-проверяли, разлучили друг с другом и на фронт кровью смывать отправили. Так он и потерял след друга своего.

После войны искал он сибиряка того да не нашёл. А коменданта и не искал, потому что в то время это было невозможно. И рассказывать было опасно. Но он рассказывал, потому что считал себя обязанным эту боль передать.

Женился хорошо, с женой очень друг друга любили, только детей не было – он раненый, контуженный весь.

Это он, Юрков Константин Андреевич, посадил у нас на братской могиле год за годом берёз тридцать в честь своих любимых погибших товарищей, по их числу. Берёзы эти все целы, большие уже.

(Анна Михайловна Романова, пос. Бабушкино)

Я хочу рассказать о судьбе хорошего человека, своего деда, Лукутова Ивана Егоровича. Он прожил долгую и интересную жизнь, полную трудностей и испытаний, которые выпали на долю страны и российского народа.

Родился дедушка в 1919 году в деревне Прилепы Брянской области. Он был старшим сыном в семье, рано потерял мать и поэтому не помнил материнской доброты и ласки. Все последующие дети появились в семье, когда в дом пришла новая жена отца маленького Вани, для которого она стала мачехой. В годы коллективизации семья Вани Лукутова переживала тяжелейший голод после того, как раскулачили моего прадеда Лукутова Егора Ильича, отняли дом и сделали в нём деревенский клуб.

Ваня рано начал работать, чтобы помочь семье прокормиться. Но, несмотря на тяжёлое материальное положение и необходимость работать и зарабатывать, Ваня очень стремился к знаниям. И в семье создали условия для того, чтобы он получил начальное образование. Поэтому в 1932 году он окончил начальную школу в родной деревне Прилепы. А потом, будучи тринадцатилетним подростком, Иван начал свою официальную трудовую биографию. Он работал почтальоном колхоза «Красный моряк», а когда повзрослел и ему исполнилось восемнадцать лет, то

устроился работать слесарем на механический завод имени Кирова в городе Брянске. Дедушке нравилось работать на станках, изготавливать разные детали, его к технике тянуло с детства.

Когда его призвали в армию в 19 лет, то там командиры заметили, что Иван с любовью относится к технике и хотя не имеет специального технического образования, но проявляет математический ум, смекалку при обслуживании её. А в 1940 году его направили на учёбу в школу младших авиаспециалистов, где он изучал ремонт и техническое обслуживание самолётов. Учёба была недолгой, и через шесть месяцев Иван Лукутов получил квалификацию моториста. Мой дед стал авиационным механиком, продолжил службу в армии уже в 218-м скоростном бомбардировочном полку.

Вскоре началась война, и мой дедушка, не возвращаясь домой, пошёл на фронт защищать свою Родину от фашизма. Задачей деда как моториста было содержание самолёта ИЛ-2 в исправном техническом состоянии. После боя самолёт возвращался на аэродром дырявым как решето, и дед, независимо от времени суток, кропотливо работал над его восстановлением. Помимо того что самолёт должен быть всегда в исправном техническом состоянии, в любые морозы у него должен быть прогрет мотор, вычищены и заряжены пушки и пулемёты, произведена заправка, чтобы на боевое задание самолёт мог вылететь в любую минуту. Все эти работы выполнял мой дед.

Дедушка мало рассказывал о войне, слишком тяжелы были его воспоминания о том, что не всегда самолёты возвращались с боевых заданий. Но с 1942 года он работал в паре с лётчиком — сержантом Криво ручко, с которым они прошли вместе до окончания войны.

Дедушка рассказывал, что ему приходилось не только обслуживать самолёты, но и вылетать на боевые задания в качестве стрелка. Таких боевых вылетов он совершил более сотни. Дед был хорошим стрелком и за успешно проведённый бой в одном из сражений награждён орденом Красной Звезды. Помимо этой награды дед был награждён медалями: «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За победу над Германией» и другими.

Дед щадил нас и поэтому мало рассказывал о том, какими кровавыми были потери, как было тяжело на войне, о том, как сам был ранен; но мне запомнился его рассказ о том, как ему было страшно летать над водой в небе Балтийского моря в боях за Пиллау.

Несмотря на все тяготы жизни на войне, дед был жизнерадостным человеком, любил петь. Его любимой песней была «Мы, друзья, перелётные птицы». Он не расставался с гармошкой, в редкие минуты от-

дыха пел с друзьями под неё, что помогало сохранить бодрость духа в самые тяжёлые моменты.

Закончил дедушка войну в Югославии. После окончания войны он служил в армии до 1947 года, а затем вернулся к мирной жизни. С молодой женой, красавицей Верой Никифоровной, приехал в Калининградскую область, посёлок Юдино Гусевского района. В мирной жизни он также был связан с техникой: работал механиком, комбайнёром, инженером по эксплуатации автотранспортного парка и на других работах.

У дедушки с бабушкой была дружная семья, в которой выросло трое детей, мой папа Лукутов Владимир – младший из них. Дедушка свою любовь к самолётам пронёс через всю жизнь и передал нам по наследству. Мой отец служил в армии в авиационном полку и после службы девять лет отработал механиком в гражданской авиации в городе Каунасе. Мы с братом Иваном также любим самолёты и в раннем детстве вместо машинок играли с самолётиками, которые нам покупали родители. Сейчас мы живём вдали от аэропорта, папа работает на другой работе, но как счастье вспоминает то время, когда обслуживал самолёты.

Мой дедушка Иван Егорович прожил честную и достойную жизнь. К сожалению, его уже нет с нами, но я часто вспоминаю его рассказы, шутки, ироничные частушки, которые он сочинял на злобу дня.

Я горжусь, что мой дед был таким замечательным человеком.

(Сергей Лукутов, пос. Кубановка)

В голод то было – пойдём, наворуем, нарвём помидоров; идём с ними – а тут агроном напротив. 1949 год это. «Что это так долго гуляли?» А я: «Да помидоры воровать ходили – в другой совхоз». Он: «Да что вы? Да я их вам весной насажаю, вы будете цельный год есть и сыты будете». Ну, подошла весна. Посадил нам Фёдорыч – ой! – как выросли помидоры, красные. И в заготовку, и на машинах возили. А Митя Ерёмин бригадиром был, а Коля Ерёмин сторожем... А Фёдорыч – он с одним глазом был, так его мы Косым звали, – страхует нас (что там – получать эту палочку на трудодень). Он встречает Митю и говорит: «Люди идут – ну, чужих там не пускайте, а свои там работники пусть сколько им надо, столько и берут!» И в кадушки понамачивали (тогда ещё в банки не ложили), и в бочки...

(Александра Ивановна Гуркина, пос. Глушиково)

Грамотей и профессора

Как мы учились? Да мы детьми и не учились – сразу работать пошли. Надо было родителям помогать, надо было колхоз поднимать, а не то с голоду помирай. Среди нас хорошо, кто три класса окончил, – тот грамотей; а если семь – так тот профессор.

(Мария Акимовна Макаренкова, пос. Заовражное)

Я приехала сюда в 1949-м, под конец, а муж в 1950-м демобилизовался. Дети родились. И помню, что самое главное дело нам казалось – школа здесь есть. Аркадий-то у меня грамотный, шесть классов он закончил – и вот учился он давно, до войны, а всё помнит, все стихи Маршака из первого класса и басни. Через образование это у него интерес к книгам, к стихам, к разному знанию. И очень хотелось, чтобы дети наши не тёмные вырастали.

А школу открыли сразу после войны, в немецком здании, и когда дети наши чуть подросли, она уже ремонта требовала. И мы, все родители местные, даже если у кого дети и не школьники, и молодёжь бездетная пока – её добровольно ремонтировали в конце учебного года. И дренаж делали, и землю расчищали, и малярничали. И казалось нам это таким великим делом! А детей-то некуда деть, двоих мы вместе оставляли на третьем этаже. Страшно, конечно. Но школу-то для детей делали. Тогда ценили знание, потому что оно доставалось дорого и не всем.

(Нина Афанасьевна Григорьева, пос. Гастеллово)

В конце сороковых – начале пятидесятых школа у нас существовала только на первой бригаде. Старая школа, – это была начальная школа, до четырёх классов, – но она была в таком состоянии, что там вообще не только учиться, а просто пройти посмотреть страшно. Там с потолка арматура висела, переплетённая проволока и на ней какие-то как фигурки, узорчатые... Нам, детям, так это нравилось (а я в четвёртом классе училась), мы их обрывали, бусы себе делали, игрушки...

Училась я не на «отлично», но без троек, старались. Но пропустили в дороге столько учёбы, да и тут не сразу я в школу пошла, потому что место чужое, война здесь шла, немцы жили, везде трупы находятся ещё, было страшно. До тех пор не ходила в школу (а ходить надо было в Раздольное, 3 километра) пока отец не нашёл вот Аню Мосину, потом Мотькины тут мальчишки были – 2-3 мальчика и одна девочка. Говорит: «Завтра пойдёшь в школу, я тебе нашёл товарищей». Вот, начала ходить, – но не докончила в этом году, бросила – я не знаю, почему; сразу, вдруг, надоело... Если подумать, то это потому, что бросила учиться подруга

самая ближняя, Катя Масемёненко... А потом сама ведь стала учителем начальной школы и всю жизнь проработала здесь!

Учительница тогда ко мне ходила-ходила, я ей разные-разные-разные причины придумывала: то мы дом ремонтировать будем себе, то ещё что-нибудь, лишь бы в школу не ходить, – а уже билеты переписывали, экзамены сдавали, в те годы ведь экзамены сдавали мы и в четвёртом, в пятом, и в шестом, и в седьмом, потом сделали семилетку, и семилетку я кончила уже за три класса в 1952 году и потом ушла в Советск в педучилище.

(Нина Ивановна Верасковская, пос. Бабушкино)

Родилась я 10 февраля 1935 года в городе Волхове Ленинградской области. Сразу после объявления о начале войны отец отправил нас вместе с мамой и братом в деревню Добринка Липецкой области, к бабушке. Мама работала в школе. Все в школе, учителя и ученики, помогали колхозу собирать урожай, чтобы не пропало ни одного колоска, ни одного зёрнышка. Хлеб был нужен фронту.

Отец защищал Ленинград, затем с боями прошёл Восточную Пруссию. Ему очень понравился этот край, особенно природа. Когда вернулся с фронта, решил переехать в нашу область. Осенью 1946 года всей семьей приехали в поселок Траппен, ныне Неманское. В октябре в посёлке открылась начальная школа. Директором школы назначили отца, Макарова Макара Артёмовича. Мама, Макарова Александра Никаноровна, работала учительницей.

Детей в школе было много. Все сидели в одной большой комнате. Парты были немецкие. Одна такая стоит теперь в музее посёлка, в Школьном зале. Бумаги не было. Писали на старых листах, найденных в соседнем сарае. Электричества не было, занимались при свете коптилки. После окончания начальной школы пришлось учиться в Краснознаменской семилетней школе, жить в интернате. На выходные бегала за пятнадцать километров домой, очень уж скучала.

К тому времени в семье было уже четверо детей. Летом работали в огороде, помогали родителям, готовились к зиме. Сильно выручал лес, там были несметные богатства: черника, малина, брусника, клюква, грибы. Все это заготавливали на зиму, излишки продавали.

Окончив семилетку в Краснознаменске, поступила я в Советское педучилище, которое закончила в 1954 году. Стала работать вместе с матерью в одной школе. Вышла замуж. Воспитала троих детей. В 1979 году окончила Калининградский университет. И так всю жизнь проработала учителем Неманской основной школы, в которой сама начинала учиться.

(Нина Макаровна Джозла, пос. Неманское)

В десятом классе школы города Зеленоградска нас было двенадцать: пять девушек и семь парней, старшеклассников собрали со всего района, так как гражданского населения тогда было немного, среди сельского почти не встречались ребята, которые перешагнули границу четвёртого или шестого класса. Учились охотно, интерес к знаниям пробуждали любимые учителя, которым поверяли свои мысли, надежды, тревоги и неудачи.

Математик Сыроватский Евгений Иванович, двадцатипятилетний артиллерист, демобилизовавшийся из рядов Советской армии, привил нам любовь к алгебре, геометрии, тригонометрии, физике и... волейболу. «Сражения» на уроках в классе и спортивном зале захватили почти всех и стали необходимыми. А наши споры по физике продолжались и после уроков по дороге домой.

Преподаватель немецкого языка Людмила Ивановна Беляева была душой школы. Было захватывающе интересно слушать её рассказы о работе по подготовке дипломатов и переводы Гёте, немецких легенд и сказок. Людмила Ивановна умела зажечь, сплотить нас и направить нашу энергию на какое-нибудь полезное дело. Любимыми произведениями нашими были тогда книги о Великой Отечественной войне, о подпольщиках и партизанах. Людмила Ивановна подсказала нам, что можно своими силами поставить «Молодую гвардию», помогла сделать сценарий и почти каждый день оставалась с нами на репетиции. Спектакль прошёл с успехом. За ним последовали сцены из горьковского «На дне». В спектакле о Зое Космодемьянской вместе с нами участвовали ученики младших 7 – 8-х классов.

Это было незабываемо.

Но энергии и желания что-то сделать ещё и ещё не убавлялось. Нас хватало и на учёбу, и на спорт, и на искусство. Решили выпускать литературный журнал «Эхо», где помещали свои «произведения» в стихах, прозе и даже сценарии. Главными героями этих произведений были мы сами, и это помогло нам увидеть себя как бы со стороны. А самое главное – мы, все двенадцать, поняли, что мы большие друзья.

Выпуском журнала мы заинтриговали своих учителей. Пришлось раскрыть секрет Людмиле Ивановне и Евгению Ивановичу, которых здорово насмешили фамилии наших героев.

А ещё мы любили мечтать!

Саша Быков бредил авиацией, Женя Попов – медициной, Марта Толстова видела себя учительницей.

Из нашего выпуска 1948 года в институты мы поступили все двенадцать, причём семеро из нас – в один и тот же и даже на один факультет (Калининградский педагогический, историко-филологический – затем

его разделили на филологический и исторический). Наша дружба продолжалась в институте, некоторые из нас дружны до сих пор.

Среди нас семь учителей истории, русского языка и математики, все начинали в сельской школе, авиаконструктор (сбылась мечта!), врач, два горных инженера и флотский офицер.

*(Из воспоминаний Галины Александровны и Виктора Матвеевича
Климко, г. Зеленоградск)*

Послевоенные годы в Брянской области были тяжёлыми. Всё было разрушено, приходилось восстанавливать хозяйство. После войны закончила я школу. В девятый и десятый классы приходилось ездить в город. Ездили каждый день на поезде, километров за тридцать-сорок. Вставать приходилось рано, приезжали часов в шесть вечера. Директор школы выделил специальный кабинет, чтобы мы могли делать уроки, но время до поезда оставалось и мы гуляли по городу, очень запомнились эти прогулки.

Отец вернулся домой только в 1945 году. В стране была карточная система. Семья большая, хлеба не хватало. Питались плохо, в хозяйстве имелась корова, поросёнок да небольшой приусадебный участок. Поэтому в поисках лучшей доли отец попытался устроиться в только что созданной Калининградской области. Он был назначен председателем колхоза в Гусевском районе, это посёлок Майское. После окончания школы, в 1954 году, отец меня вызвал к себе для продолжения дальнейшей учебы. Я приехала к отцу, хотела поступить в пединститут, но не успела, приём документов был уже закончен. Отец в это время жил уже в поселке Боброво Краснознаменского района и посоветовал поступать в педучилище города Советска, оно и к дому было ближе. После окончания училища я была направлена в Зареченскую школу, год там отработала, меня перевели в Бобровскую. Этому переводу я была очень рада, ведь там жили мои родители. Но тогда не ты распоряжался, где тебе работать, а посылали туда, где была нехватка кадров. Прошёл ещё один год, и меня в 1958 году перевели в Неманскую школу, с тех пор здесь и работаю. В 1960 году поступила в Калининградский пединститут, по специальности «Русский язык и литература».

(Мария Степановна Овсянникова, пос. Неманское)

Работать начал – показал себя хорошо, хоть и пацан. А когда Хрущёв заступил, когда сельское хозяйство приподнять надо и всем нам повестки повыписали, – и от Черняховского колхоза в Калининград учиться на три года. Надя-то моя грамотная, а я – эх... Трёх классов не кончил до войны. Ну, нас погнали – квартал такой, Каштановая аллея,

школа там – посадили, выкатили доску, и пошло: миллионы, сикстиллионы... А я только до тыщи умел считать, и таких, как я, там человек двести пригнанных было. Стали мы чемоданы свои хватать – и тикать от той грамоты на трамвайную остановку. А тогда строго было: бегить за нами директор – ведь если он плохо сработает, под суд, судить его будут; ловят нас воспитатели... Поймал нас, остановил, уговаривал-уговаривал – уговорил. А как с нами пообщался, вызвал всех наших обучающих и им говорит: «Надо так начинать, чтобы людям понятно было, с двух классов; недельку двухклассного, недельку трёхклассного, потом и до четырёхклассного дойдём. А там посмотрим. А вы, говорит, сразу – миллионы. Они же вас не воспринимают просто!» Ну и остался я на три года – и Надюша там моя была тогда, на агронома, она помидоры хорошие выращивала.

Тяжело было. Восемь часов занимались; восемь часов без продыху за партией сиди! По два часа – а мы для разрядки в козла ночь проиграем... А надо ведь ещё и уроки сделать. Ну я как-то сам не понял как – и заснул. А учительница незаметно так подошла: «Ну-ка, что я сейчас говорила?» – А я и не слышал ничего. «Ага, говорит, вот тебе и будет “козёл”! А ну как выгоним теперь тебя?» А я уж во вкус учёбы вошёл.

Сперва было трудно очень, а потом стали «тройки», а потом и интерес пришёл. И вдруг: «Ну вот, видишь? А ты ботанику боялся, а стал ты “четвёрочки” получать!» А инженер приходит – по механизации – мой предмет главный, говорит. По земледелию – вы мой предмет учите два часа. А растениеводство – главные мы, вы ведь зерно выращиваете. А животноводство – главное скот! Молоко, мясо – это у нас главное... И каждый старается за свой предмет...

Вернулся в деревню – как в отпуск.

(Владимир Петрович Сазонов, пос. Заовражное)

«Эх, развесёлое житьё!»

Зачнут старые люди вспоминать – сначала о страшном да о трудном. Как бомбили, как стреляли, как налог собирали... Ой, да разве ж только такое было? Наша жизнь хорошая, это сейчас трудно молодым, ничего стало не понять, где чёрное, где белое, для чего жить, зачем работать. Тогда знали, зачем живём, как живём. Потому и весело было, и есть что вспомнить – и работали много, и отдыхали весело, и дружно было, и хорошо...

(Александра Ивановна Гуркина, пос. Глушково)

Работали трудно. Зато вот как на совещание ехали – тогда весело было. Это уже 1947-1948 года. Дали полугорку-машину на колхоз – она уся там у хванерах, латана – выкрасили её, эту машину, обили красным... Бригадир ходит, маракует, кого записать, – усе хороши. Все работали. Ну, кого выберет, – а девки пели хорошо, – а колхоз наш-то имени Сталина, не какой-нибудь, уж числиться стали... И подсаживает у ту машину. Девки поють, хорошо поють: «Каким ты был, таким остался», – тогда эта песня у всех на слуху была. Голосистые! И голоса усе подобратье – ну расслушаешьси! Ждут все, когда ж приедет Сталина колхоз на совещание. Вот выходят они, – а они едут, не поють, а то голоса потратят, – а как к деревне подъезжать, то нараспев: «На окошке у девушки всё горел огонёк», – выходят и как грянуть! Ой! Одеть-поесть нечего, зато как весело!

(Зинаида Захаровна Пустарнакова, пос. Глушково)

А мы убирали-убирали хлеб, картошку уже начали копать, а тут приезжает председатель колхоза и говорит: «А чё вы, женщины, работаете?» – «Ну как, не видишь, картошку копаем», – закричали. «А у вас вот ни одного трудодня нету». – «Как?!» Год проработали – ни одного трудодня ни у кого из женщин не было! Вот женщины-то как поднялись, – а бригадир, что делать ему было, думал, что счас разорвут, только «ты что?» и говорит – ну, делать нечего, он разгоняется, а жеребец здоровый такой, чёрный, Зефир звали – был ещё такой красавец Орлик, но это у председателя – в дерево как борданулся... Всё лицо бригадир себе поразбил... Бог пометил. Как они там писали, как записывали трудодни – никто ничего не знает. Год отпахали – а трудодней нет.

(Александра Ивановна Гуркина, пос. Глушково)

Нина Александровна Кукушкина: Помню, когда жили в России и в первые годы как сюда приехали, налог собирали. Идут сборщики, как оккупанты какие, во всяком доме – вой. Редко кто мог заплатить. Все многодетные, все должны как-то одеться, а тут только на прокорм, на обмен какой. Никаких средств своих, с чего платить-то? Так они заходят в избу, раз налог не заплатил полностью, всё, что схотят, если углядят хорошее, уносят. Костюм там, или юбку, или посуду.

Нина Ивановна Верасковская: «Костюм или посуду»! У кого это тогда было-то! А у нас вот мама лоскутное одеяло такое пошила – на люльку, ребёнка прикрыть – так одеяло это им приглянулось. Сдёрнули и ушли.

(Фрагмент встречи в пос. Бабушкино)

Евгения Фёдоровна Тихомирова: Сколько сил в совхоз мы вложили! В надрыв сил-то! Миллионером он стал. Сейчас совхозов-то нету! А сколько мы в колхозах-совхозах этих работали? А за что? На работу пойдём – пять утра, спать охота, легли-то поздно, – а мы, чтоб веселее стало, запоём.

Любовь Ивановна Лындина: Запоём – не то слово! Во всю мощность песни горланим! Птиц ещё нет, а мы уже горланим. Люди спать, а мы песнюем.

Таисия Афанасьевна Ермолаева: А отдохали как! У меня муж был гармонист – да вот Аркадий Яковлевич, он муж моей сестры, у него инструмент трофейный – соберёмся, песни поём, пляшем до упаду.

Аркадий Яковлевич Григорьев: Так и было. А ещё фотографировал я всех, это тогда редко кто мог, приезжали фотографы из центра откуда-нибудь, сразу по многу карточек сделает, чтобы по родственникам-друзьям разослать. А я здесь всегда под рукой бесплатный фотограф. И рисовал всю жизнь. На войне только не рисовал. Пехота есть пехота. Я пулемётчик, второй номер. Где уж тут рисовать. В бою стреляешь – испугаться некогда. Наступление, отступление – пешим маршем несёшь снаряжение. Пулемётное снаряжение одному не обходить. Я первый номер, а у меня ещё второй. Два вторых номера убило, один ранен был. А я живой.

А в Маньчжурию поехал как раз в самый день Победы; послали нас. Все едут по домам, а у нас вроде как война-то продолжается... Ну, что... красивые места зато повидал. Сопки, горы, небо. Видно далеко и высоко. Только поначалу, когда в карауле стоишь, светлячки эти – брынь-брынь-брынь, крылушки когда открывают, он виден как огонёк – Господи! Красиво. Только военный человек, в карауле, на огонёк думает, что это

кто крадётся или пуля трассирующая – вот и палил, с непривычки-то, на огонёк.

Евгения Фёдоровна Тихомирова: Уже нет посёлка, уже нет тех миллионов, совхоза нет... Ну мы работали, всё создавали, всё; фермы эти мы строили, своим трудом ставили, а когда их развалили, кто хозяин стал? Кучер? Где те люди, что разваливали? Умерли? Нет их? А теперь мы сидим голые, вот, обвалилось всё – нечем печку поправить.

(Фрагмент беседы в пос. Гастеллово)

Я, Зезюля Мария Федосеевна, родилась 1 января 1924 года в селе Широкий Раздол Мало-Висковского района Кировоградской области в семье служащего. По роду службы отцу часто приходилось переезжать. Жили в Кировограде, на Донбассе, в Подмосковье. В 1937 году умер отец. Я окончила семь классов и по семейным обстоятельствам пришлось перейти в восьмой класс вечерней школы и работать (это было в 1940 году). Жили в это время я, мама и брат в Брянской области, станция Унеча. Работала я сначала учеником счетовода, потом бухгалтером в 8-й дистанции службы пути станции Унеча Белорусской железной дороги, одновременно нас, молодёжь, на санитарных курсах обучали – готовили сандружинниц, что очень пригодились во время Великой Отечественной войны.

Во время войны с июня месяца 1941 года все сотрудники станции были переведены на казарменное положение. Дежурила я и в госпитале – помогала ухаживать за ранеными бойцами, снимали их с санитарных поездов – особо тяжело раненых, кого дальше везти было опасно для их жизни.

Седьмого августа 1941 года был подан сигнал (сбросили вымпел с самолёта) отхода частей и оставшегося населения из города и со станции. Со станции Унеча до станции Знобь отходили (в основном кто был оставлен специально) пешком. В Зноби нас подобрали в эшелон, эвакуированный с документами Белорусской железной дороги, и уже в Воронеже присоединили нас к составу, сформированному для отправки в тыл. Где-то в конце августа 1941 года в Подмосковье нас стали распределять по месту работы. Я осталась в Подмосковье, станция Икша, село Белая Раста; работала с геодезистами по разбивке трассы строительства вторых путей «Москва – Дальний Восток» (так нам объяснили). Пробыли мы здесь до октября 1941 года. В это время немцы уже были на московской земле, и нас под бомбёжкой вывозили оттуда. Это было что-то ужасное, бомбили и день и ночь. Как нас вывезли из Подмосковья – не описать. Уже после этого – точно не помню, когда – закрепили нас на

стройке ИКПС № 45, где я и проработала всю войну и рабочей, и табельщиком, и счетоводом. Начались переезды...

Из Подмосковья попала в Саратовскую область, город Пугачёвск. Некоторое время жили мы в селе Большая Таволожка, но вскорости отсюда тронулись в путь – в Сибирь, где я проработала с ноября 1941 по март 1944 года.

Жили в вагонах-«телятниках». Трескучие морозы (40 – 45 градусов), вагоны не утеплённые, как погаснет буржуйка, то утром не встать. Волосы примерзали к стенам, покрытым инеем. Было и холодно, и голодно, но знали: идёт война, надо вставать и идти работать, и работали не уходя, пока не сделаешь дневную норму. А норму дать было очень трудно. Замёрзшая земля была, как сталь, – от неё отлетала кирка, и куб земли выбить было очень трудно. Всё время хотелось есть и хоть немного согреться. Кормили нас по последней норме, чтобы хоть немного поддерживать, стали варить дрожжевой суп. Но не роптали, зная, что на фронте ещё трудней. Ходила и в военкомат, но в армию нас, железнодорожников, не брали – бронь.

В 1944 году освобождена была от оккупации Белоруссия, и нас срочно вывезли из Омска и отправили эшелон на прежнее, довоенное, место работы, то есть станцию Унеча.

После войны перевели на работу сюда, в Калининградскую область. Очень нужны были тут железнодорожники.

Зеленоградск (тогда – Кранц), 1946 год, август месяц. Моё первое впечатление – это город-сад. Начну с вокзала. Вдоль перрона низкий заборчик и декоративные розы нежно-розового цвета, крупный цветок и чистота. Меня поразило обилие зелени. По железнодорожной улице до самого переезда возле почти каждого дома – сирень. Вдоль дороги красавцы-каштаны и много лип. По улице Ленина – западный район – тоже очень много сирени, жасмина, а от главной улицы отходили переулки, которые были названы Садовые 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, и не зря – здесь было много декоративных и парковых деревьев, которых я до того и не знала. А напротив нынешнего центра детского творчества стояла ветряная мельница, где-то в 1948 – 1949 годах здесь часто проводились киносъёмки. На улице Гагарина, где сейчас пионерлагерь «Локомотив», был небольшой парк, а в этом парке очень красивая, а главное, оригинальная беседка – из бутылок горлышками наружу. При входе в парк была арка, и обвита эта арка была очень красивыми цветами, что-то типа магнолии.

Было много красивых зданий. В районе моря, где сейчас грязелечебница, прекрасное здание с витражными стёклами. Вдоль моря – деревянный променад, а по всему пляжу находились плетёные шезлонги. Теперешняя площадь была выложена брусчаткой.

Здесь я снова стала работать бухгалтером, но приходилось в свободное от службы время выходить и на работы по восстановлению железнодорожных путей. Жить было негде – всё разбито-разрушено. Кое-как дали нашей семье «комнату» – отремонтировали сарай, сложили плиту, вставили окна – и там жили все вместе: я с семьёй, мама и брат. Так здесь я проработала по август 1946 года. А 13 августа 1946 года была откомандирована в распоряжение «П» Литовской железной дороги на должность путевой рабочей согласно распоряжения «Н» Белорусской железной дороги № 01329, с 23 августа назначена в 9-й околоток табельщиком в г. Кранц.

В июле 1945-го наградили меня медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.».

В 1948 году уволилась по состоянию здоровья с железной дороги, с 1948 по 1951 год работала в «Заготзерно», ездила по всему району, по совхозам, колхозам, а с 1951 и по 1971 год работала на зеленоградском курорте – бухгалтером, заведующей овощным складом. С 1971 по 1976 год – бухгалтер в областной школе для глухих детей, с 1976 по 1979 – главный бухгалтер Зеленоградского роно, отсюда и ушла на пенсию. Потом ещё работала пять лет почтальоном, в 1983 году присвоили звание «Ударник коммунистического труда», была в Галерее почёта зонавого узла связи (1985); и снова бухгалтером, а потом сестрой-хозяйкой в санатории, до 1994 года. А сейчас я пенсионер.

Люблю свой город, природу, читать люблю. Теперь время есть почитать и силы есть.

Трое детей у меня, сейчас уже три семьи, пять внуков и пять правнуков.

А стаж мой трудовой – 52 года.

Вот и всё.

(Мария Федосеевна Зезюля, г. Зеленоградск)

Бедновато жили мы, конечно.

Бывало, выйдем продавать что – овощи – или обменивать, а солдаты молодые ухаживают. Станем за стол (прилавок) – и стоим, к ним не выходим, а то увидят, что босиком мы. Обуви-то не было, ноги загрубевшие, грязные. И молоко продавать на рынок пойдём босиком. Одеваться – на фото – если у кого есть платье, попросишь: дай мне пофоткаться. Вон, смотрите: это на фото – я, а вон позже фотография – в том же платье сестра моя. Сестра младше меня, она в 8-м классе. Вот моё платье – штапельное, за 70 рублей... А если у кого очень хорошее платье, все подружки в нём перефоткаются. Кто тощей, тот подколлет как-то, подвернёт, а кто покрупнее, тот на спине не застёгиват. А одной отец платье

свадебное трофейное подарил. Красивое. Оно несколько лет потом по рукам ходило.

Но что-то, мы какие-то были очень честные. Даже мысли не было от работы отлынить.

(Мария Акимовна Макаренкова, пос. Заовражное)

Муж мой, Аркадий Яковлевич, едва ли не лучший гармонист был. И у сестры муж играл, и он – с трензелем ходил, с балалайкой, с гитарой, с мандолиной, с гармонью. А трензель – это вроде как бубен такой.

У нас ни одни праздники по деревне, ни одна свадьба не проходила без нас. Фотографии мы с ним на всю деревню делали – бывало, как начнём, так всю ночь делаем, на стекло глянцеуем, потом на улицу выносим – мы на третьем этаже жили, – они, как ветер подует, щёлкают, разлетаются, потом дети бегут, собирают, приносят нам. Сейчас фото – не диво. А тогда редкость была невероятная, мало кто умел, увлекался, мало у кого аппарат был. Пятидесятые годы...

А ещё мой Аркадий Яковлевич большой мастер рисовать. Картин он на моей памяти штук пятьсот нарисовал маслом. Они и в Москве, и в Германии у людей. А у нас – и в Славске, и в Большаково, и везде... Иголкой специальной ковёр он делать научился, когда в Маньчжурии служил. Кисточек, красок у него – тьма... Помрём когда, должно, их выкинут...

Когда церковь немецкая была целая – её на кирпич разобрали, – он всё её рисовал. Те картины все уже поразбирали, просят люди, вот он и раздаёт. Детскому саду подарил картины по басням и сказкам, то ли восемь, то ли десять штук. Ворона каркает с сыром и другие... Ощущение от них хорошее такое, ему самому нравится – посмотрит, и не узнать, говорит, что сам рисовал.

Запоев таких, как сейчас бывают, тут не было никогда. Представить нельзя было, чтобы молодые умирали в запое!

Корова отелится, поросята у кого, огороды – все друг другу помогали. Сейчас по домам сидят, прям как убитые. Поговорить не с кем, компаньонов нет, чтоб дружные были. Каждый только сам себе и только бы враждовать – если дружно кто живёт, как мы с Аркадием, и этому завидуют уже. Дети в школу идут – редко кто «здрасьте» скажет. Что обидно-то: если армянские дети идут, они живут у нас, несколько семей, – так те все поздороваются, у них воспитание, а у наших почему-то нет.

Я изредка шью – раньше я сильно шила, бывало, день и ночь сажу, и на свадьбу, и на праздники, и на похороны, и на проводы, и плиссировку, и в школу фартучки – всех обшивала, даже из районов кто приедет или из Москвы, ко мне идут шить. И люди были благодарны, никто губы не

надувал. И можно было в долг поверить, такие честные, что ты забудешь давно, что она тебе должна, – а она принесёт, как сможет.

(Нина Афанасьевна Григорьева, пос. Гастеллово)

У нас у бригадира две лошади было. Жеребец один такой – белоглазый, лысый, белоногий почти до колена – я его всё время и запрягал. Запрягу я жеребца этого – и в лес людей по ягоды, по грибы отвезу. Посадим в повозку эту детей, завезём в ежевичник, потом соберём назад – а у них у всех рты от ягод чёрные.

На праздник соберёмся – со «Зверобоем», с «Зубровкой», с «Кубанской». Оно тогда всё было дешёвое. Все вот эти водки – по 2 – 3 рубля. Я тогда получал 60, Надя 90. Мы держали 3 коровы, 2 поросё, 2 стада гусей, уток было, курей – не считали. Жить было можно. И управлялись со всем хозяйством и с колхозным. Кубарем работали.

Мужики соберутся, сядут – и палисады были хорошие, где посидеть, заборов глухих не было от людей, красиво было – и бригадир говорит: решили, что будет у нас воскресник. А воскресник – это когда бесплатно, а то рубля 3, 5 на руки давали. Наличными. И дети все работают. Бывало, за месяц рублей по 40 в семью заработают, гордятся своим вкладом. А то ведь были деньги. Детские ботиночки самые дорогие – по 6 рублей. Одеться можно было ребёнку; 20 копеек, 17 копеек дорога была до Черняховска, а хлеб – 12, 16, 18... 20 – это уж пикантный, белый. Костюм самый дорогой, какой я носил, стоил 60 рублей – брюки, пиджак и жилет... До сих пор висит вон несношенный.

При Брежневке пожили, а при Хрущёвке очень плохо жили – он довёл до того, что людей хлебом овсяным стали кормить, голым овсом. Всё со своей кукурузой. А сейчас и вовсе все академики, грамотные – а сельского хозяйства вовсе нет.

(Владимир Петрович Сазонов, пос. Заовражное)

Зоя Филипповна Биндяк: Раньше лучше было – пить-есть было нечего, зато было весело. Все голодные вровень... Но голодные-не голодные, а всё ж голые не ходили. Аванс давали, зарплату давали; с пятёркой в город поедешь – хоть в зубах тащи всякого продукта. И сейчас у людей уклад – у одних выше головы, а у других кукиш – и как собаки всё равно один на другого. Я вот возила молоко и 23 года проносила почту. В каждом доме была – но ни одного я злого человека не видала. Почтальона все приветят, все ему рады. А сейчас что? Инфаркт получила, не хотели мне деньги выдавать на пенсию. Говорят: подождут твои непросыхи. Ну, непросыхи-непросыхи, это их дело, они со своих пьют, а пенсию они заработали. Значит, должны получить. Нельзя так к людям: этот стоя-

щий, а этот никто. Я им выдать должна в срок. Я увещевала-увещевала, совестила, и тут как плохо мне стало, то на меня кричали, а тут они же «скорую» вызывали, человек сорок сбежалось. Потом слух пустили: Филипповна, мол, померла.

Это, конечно, и раньше грубые люди были, только посовестились бы при всех. Весело жили – вот вместе все соберёмся, чуть если передышка, идём, где народ, – вот, бывало, едет Марченко на мотоцикле: ну что, девчата, соберёмся? – Давай, Василий Иванович, езжай! Он садится, поехал в магазин, набрал всего, гармошка у нас, Зина играла Кондакова – и сюда, где Астапенко живёт, а там дерево такое, пушистое, – садимся туда; подоили коров, свободны мы – и поём, одну песню закончим, вторую начинаем, и так без конца, ой, и длинные же песни знали! А то любимую какую два, три раза повторим, или одна сегодня особенно поётся, её день, её повторим, и говорить не надо, песня больше скажет. Поём-поём, а песни всё не кончаются. Выпьём чуток – и пошли домой с петухами... А там и на работу пора, не спали совсем – а сил много, потому что весело. Тяжело, но весело...

Зинаида Захаровна Пустарнакова: А того, чтобы почтальона обидели, обокрали, такого не было. Может, он и с деньгами, деньги кому несёт – нет, никто не обидит. Встренутся, разойдутся – никому не интересно, что несёшь; идёшь – ну и иди своей дорогой.

А работали на колхоз лучше, чем на самих себя...

Сейчас – будто и не было так. А ведь сами распустили хозяйство. Взять хоть тот же металлолом. Что только на него не сдавали. Технику, провода вот посрезали. Сколько когда-то его ржавело. Неужели же в нашем государстве он никому не был нужен? И вдруг – стали всё собирать, а после стали всё разорять из-за этого металлолома, и электричество, и канализацию, и всё за границу, всё за границу... А сами что, на свалке живём? Или в диком лесу?

(Фрагмент беседы в пос. Глушиково)

При Хрущёве кукурузу сажали – распределение по колхозам с кукурузой это было... Сортовое. Бывало, пойдёшь – а початки вот такой толщины, я с ребятами ходила, опыляла; на поле костёр разожжём, ведро наварим кукурузы – шам-шам – и поехали. А ещё птичник у нас был – и мы в стороне от него какую-то сараюшку нашли, глядим, а там штук 50 яиц. Пошли к заведующей, сказали – дала она нам ведро собрать. Приносим ей ведро с яйцами, а она: ну что вы назад принесли, разберите да ешьте. А у нас понятие такое было: всё, что не своё нашли, – не брать, нести в колхоз.

Тогда казалось, что всё у нас есть, ничего нам не надо больше. Да всё и сейчас было бы, только работать надо. А тут – развалили колхоз, навалились-обрадовались, который весь блестел...

(Надежда Антоновна Сазонова, пос. Заовражное)

Какие у нас музыканты были! Ехали мы раз, ехали, далёко ехали... На экскурсию в Белоруссию. За Черняховском было: сели на обочину отдохнуть да выпить. Эх, как выпили – а гармошки нету, забыл гармошку гармонист. Как дальше быть, как путь продолжать? Сложились по два рубля, купили гармошку... Купили уж в Белоруссии, в первом же городе, за шестьдесят рублей – и как растянул он её, и всю дорогу с песнями ехали. А как приехали в Минск – ночевали на площади, мы паспорта позабывали – в гостиницу нас не пустили. У мужей есть паспорта, у нас нет, а тогда – это 1971 год – строго было: докажи, что жена, а то не поселят. Ну, мужья нас разве оставят? Купили газеты, пошли ночевать на вокзал, на лавках газеты постелили, лежим. Как подзамёрзнем, так песни орём, пляшем. Потом на площади так Роман Кузьмич и Лида, бухгалтер, разбунтовались, как расплясались!

(Ольга Григорьевна Соломатина, пос. Заовражное)

Приехала из Свердловска сюда в 1973 году, так как мой сын жил здесь с семьёй (посёлок Невское). Приехала я сюда – здесь, конечно, горя уже не было. Но как работник работаю я с 1945 года. Я культработник. Предложили мне в Нестерове, но я сказала: я хочу в деревню. Вот меня сюда и привезли. Большую работу мы проводили военно-патриотического направления. В первую очередь – «огоньки» для участников Великой Отечественной, для первых организаторов колхоза. Был двадцать один человек участников. По местам боевой славы у нас организовывали экскурсии. Большой хор у нас был. На районных смотрах, даже в области выступали. Вот Лидия Семёновна у нас по телевидению областному выступала, Анна Кирилловна выступала... Парторгом была Анна Михайловна, она знает, как и «Русская зима», и «Русская берёзка» у нас всегда проводились.

(Нина Андреевна Порубова, пос. Бабушкино)

Я вот работаю завклубом в Подгорном – и до чего же мне повезло с моими музыкантами! У нас барабан, бубен, три гармошки... Бывало, к нашей администрации все подходят, частушки поют... Договор был: идёте домой с работы – чтоб в деревне шума не делали. Они молчат в деревне, а перед администрацией всё равно как вдарят – идут, поют, играют, пляшут. Эх, годы, конечно, проходят... А частушечники у нас какие были! Жаль, что не записывали их...

Галахова в Подгорном, Елена Романовна, – столько частушек знает! Она не видит уже; она напоёт – от царя Ивана до Жириновского. К ней даже из Калининграда приезжали из университета, она им на плёнку наговорила.

На День пожилого человека столько этих частушек поют! Любые! У меня много ещё голосистых женщин – которые после 1950-х приехали уже. Есть и кто в 1946 – 47-м приехали, а до сих пор поют – заслушаешься! Антоновне – 80 лет и Галаховой, а певуньи. Ещё есть баба Нюра, ей 90 скоро, а тоже поёт.

Золотые это всё люди, а судьба у них – не дай-то Бог, железная. Вот взять мою мать. Она ведь в войну партизанила. Я ей говорила потом: «Мать, а если б узнали, убили, что тогда?» Ведь не одна, пять детей – и партизанила, носила еду, в корзину наберёт и идёт на окраину леса, на огороды ходила. Партизаны выскакивали, забирали еду и донесение.

Деда вообще моего в партизанах убили. Отец всю войну, с 1941-го по 1945-й, был топографом, дошёл до Берлина. В 1946-м я родилась – это он с войны вернулся, и я получилась, красавица. Сёстры мои Дарья и Нина были доярками; ездили на съезды, им за хорошую работу давали отрезы материи – ситца, как помню; телёнка давали. Я им помогала. В четвёртом классе, помню, доила четыре коровы. Это потому, что девчонки, сёстры, хотели идти на танцы. И вот я самых слабых коровок дою-дою, а сестра косу записывала – и если она меня разозлит, я ей косу не заплетаю. А у неё жених был в Зеленцове, а им же на дойку в четыре часа вставать, а на танцы-то ходили. Останутся три часа от ночи – так и те три часа пропляшут.

Да и потом: уже по пятьдесят лет им, а я в клуб привезу индийское кино, так они после работы придут, сидят со мной, смотрят до двух ночи – и плачут (раньше ведь плакали по индийскому кино). А подниматься им до света.

Мама всю жизнь на ферме, на свиарнике – и мы, дети, там же, как мурашки. Отец был и пастухом, и заведующим фермой, и председателем. Четыре класса он кончал – в то время редкость, как учёный – начальная школа. А я когда девчонкой была, семнадцать лет, заканчивала киномехаником – и думала: за что меня так любят, угощают, ласкают все? А тётя Валя мне говорит: за то, что твой отец, когда председателем был, нас любил. А он им разрешал ездить в город, молоко продавать на рынке. Денег-то ни у кого нету, жить нечем, а надо хоть как-то одеться-обуться, обустроиться. Вот и жалел он людей. Помогал, как мог.

Жить было нечем: вот сёстры мои – мать их заставляла щавель рвать, торговать. А они комсомолки, они этого стыдились. Народ от нужды торговал, брать деньги за щавель, за молоко, что земля даёт, стыдным

казалось! Вот и они через переезд стеснялись щавель нести – там ведь связисты. Так они на меня, малую, навалят, я в мешке щавель несущу...

Дружные были! Раньше придёшь – тебя чаем напоят, а сейчас – редко кто. Я перепись делала, так с порога иные: снимай обувь. Да сниму я, я ж не дикая – дай порог-то переступить, «здрасьте» сперва скажи! Чай только у старых людей и предложат.

С фермы ходили на танцы шесть километров, туфли в руках... А как домой придёшь – ноги в гудроне. Трёшь тёркой или наждачкой.

Трудодни одни, денег не было – в конце года выдадут, а сколько, за что – поди теперь узнай! Кто как может – тот так и карабкается. Редко-редко грамотный кто, я вот на киномеханика в техникуме выучилась – так это исключение.

А самое неприятное – это на свиноферме, за поросятами. Вонючие сильно. Так пропитаешься, везде этот дух чувствуется, кажется, что и от тебя всем пахнет. Там работать не любили – а работали, что ж делать, коли надо. А коров доить, за телятами ухаживать – это хорошо... Это как за детьми, они тёплые, добрые, милые – коровы.

А работали – везде. Вот я – завклубом по должности, киномеханик по образованию. Разве я там только работала? Вот – глава администрации (тогда – сельсовета) скажет, что нужно – и даже разговору не было: мы шли – картошку копали, мы шли – зерно убирали, мы шли – свёклу пололи, мы шли – сено заготавливали... А зерно сушили! Роман Кузьмич у нас был – спустит зерно, тёпленькое, горячее... А мы у него так спать хотим – ну, представляете, всю ночь работали: «Дядя Роман, можно – ну хоть чуть-чуть полежим?» А он: «Девочки, глядите только, чтоб я вас не засыпал». В 4 часа поднимает – давайте-ка поработайте. Как только он нас разбудит – быстрее-быстрее лопатим, что нам скажет, или кидаем. И всё было весело и хорошо, ну ведь правда? Не как сейчас. Сейчас озлобленные отчего-то люди, ой озлобленные!

Но и сейчас как можем – работаем. В клубе собираемся – на День пожилого человека, на День Победы. У меня люди хорошие приехали из Казахстана, из Читы после распада Союза. У нас всегда в клубе полно народу, а как золотые, серебряные свадьбы отмечаем – ой-ой-ой! Всем миром поздравляем, до сипа частушки поём...

(Дина Ивановна Казакова, пос. Подгорное)

В клуб ходили все – и женатые, и неженатые, совсем молодые и те, кто переросли нас – с 1927 года (мы с 1932-го), и кто помладше, с 1935-го. И не отделяли так – кто свои, кто не свои, после войны-то. Все были свои. Даже солдаты какие-то ходили, кто рядом служил, после войны.

Приезжали к нам артисты Балтийского военного округа; бывало, как сыграют вальс! Сцены нам артисты показывали, и мы сами сцены ставили – залюбуешься. Не всё гармошка, не всё частушки – было и другое. А ещё если в отпуск какие гости приезжали, писатели, артисты, просто люди интересные, – тоже по клубам выступали, про свою жизнь, про другие города расскажут. Что газета! Газета – не человек, человек живой всегда интересней. Так-то про мир узнавали.

(Мария Акимовна Макаренкова, пос. Заовражное)

Родился я 11 мая 1965 года в городе Дзержинске, Нижегородской области. Дзержинск – молодой промышленный город, центр химической промышленности, основан в 1931 году, строился практически при мне. Население 380 тысяч человек, новые дома, новые заводы, новые школы. В детстве моём работали дома пионеров, не было ни одного кружка, в котором бы я не побывал. Занимался и в судомодельном, и в картинге, и в духовом оркестре, и в театральном, и в шахматном.... Когда мне исполнилось тринадцать лет, был набор в секцию самбо, я благополучно прошёл отбор. Набрали нас двадцать человек, потом через год осталось человек десять-двенадцать, этой командой мы так по жизни и шли. Четыре года я плотно занимался в этой секции, из нас готовили спортсменов. Спорт занимал почти всё свободное время, тренировались по четыре часа в день. Три года подряд был чемпионом области, на всероссийских соревнованиях занял второе место, потом его подтвердил. Получил звание «Мастер спорта» по дзюдо и «Кандидат в мастера спорта» по самбо, но дальнейшей перспективы в карьере спортсмена не видел, понял, что спорт – это выжимание из тебя результата любой ценой. В то время при школах были открыты производственные комбинаты, там я получил специальность слесаря-механосборщика, выиграл конкурс «Мастер-золотые руки», получил третий разряд и в 1982 году, после окончания школы, был направлен на завод, собирал газоанализаторы, поступил на вечернее отделение политехнического института. В 1983 году был призван в армию, служил в Германии, в зенитно-ракетных войсках. Вернулся домой, продолжил учебу в институте, пошёл на свой завод, перевели меня в макетную мастерскую, где мы собирали опытные образцы изделий. Попутно устроили меня в оперативный комсомольский отряд, буквально через месяц назначили командиром этого отряда. В наши задачи входила и охрана пионерских лагерей, так там я познакомился со своей женой Ларисой. С 1987 года я – член горкома комсомола, занимался оборонно-массовой работой, потом по комсомольской путёвке был направлен в милицию, это был 1989 год. Там формируется спецвзвод, из этих взво-

дов позднее сформировали ОМОН, вот туда я и попал. В нашу задачу входило поддержание правопорядка на улицах. Мы должны были разгонять митинги, демонстрации, а значит, рано или поздно мне пришлось бы встать против своих друзей. Не лежала к этому душа. Спать спокойно не мог. Хотел перевестись в Рижский ОМОН, там хоть никого не знаешь, но не получилось, не дали прописки. В это время в Краснознаменске работал мой друг Аркадий Долматов, приехал к нему в гости, познакомился с ребятами. Начальнику милиции написал рапорт о переводе, они сделали запрос, так что в феврале 1991 года стал я участковым посёлка Неманское. Первые впечатления были ужасные: представьте себе, как чувствует себя городской житель, которого поселили в квартиру «без удобств», да контейнер с вещами ещё не пришел, да дров нет, да никого не знаешь... В городе постоянно происходили какие-то события, требующие оперативного вмешательства, а здесь, как в болоте, ничего не происходит. В 1992 году перешёл в отдел экономических преступлений. В мае приехали жена с сыном, в ноябре получили благоустроенную квартиру. В 1996 году вернулся в участковые, проработал полтора года, потом перешел на розыск лиц, пропавших без вести. В 1998 году не выдержал «безделья», уволился из милиции, занялся предпринимательством, потом работал директором клуба. Привык уже здесь.

О своих корнях знаю, что мои предки выходцы из Дании. На границе Дании и Швеции жили племена, которые выжигали леса и обрабатывали земли, их называли жеглами. В конце XVII века, во время войны с Россией, шведский король набирал рекрутов в свою армию, в том числе и из этих племён. Как известно, Пётр I одержал тогда победу и пленных шведов расселил по окраинам тогдашней Российской империи. Многие из них попали в город Гороховец Ивановской области, оттуда и пошла моя фамилия.

Моя прабабушка имела много детей, жили зажиточно, наш род породнился с Шоринными (владельцами судостроительного завода). Во время революции её не раскулачили, потому что она овдовела. Бабушка Жеглова Наталья Семёновна имела двух братьев и двух сестёр, была крестьянкой, ее семнадцатилетнюю отдали замуж за пятидесятилетнего. Старший брат Алексей Кузьмич погиб под Москвой, её отец в 1943 году пропал без вести, мама, Жеглова Ираида Кузьминична, 1931 года рождения, работала на заводе сварщицей.

Из событий, которые произошли за время моей жизни в посёлке, самым ярким, конечно, для меня стало рождение сыновей Виктора и Николая. В самом же посёлке за это время, к сожалению, ничего хорошего не произошло: развалился завод, леспромхоз, люди потеряли рабо-

ту. Я, когда приехал сюда из города, пытался хоть как-то подтянуть жизнь в посёлке по уровню к городской, бегал к Гусеву, Ворохобкину (властям местным) и, в конце концов, выбегал освещение в посёлке. А наиболее яркими людьми я бы назвал Гусева Вадима Александровича, Байкалову Римму Ивановну, Апинавичуса Ляонаса, Босаса Йозаса, Додина Александра Васильевича и Шавкунову Галину Васильевну. Все они – созидатели: кто-то благоустраивал посёлок, хлопотал за других, кто-то, как Ляонас, искал пути для честного труда, где и сам бы заработал, и другим дал возможность это сделать, был первопроходцем-фермером; а Галина Васильевна – душа этого места, хранительница духа. Её музей, которому она всю жизнь посвятила, – тот центр, которым это место живо. Потому что не может человек жить без дела для души, а когда видит рядом увлечённых людей, тогда и сам увлекается.

Моё увлечение – фотография. Заниматься фотографией я начал с десяти лет, меня приобщил дядя, он был фотографом-любителем, потом ходил в кружок. Тогда фотографией занимались многие. Но серьёзное увлечение началось года два назад. Сейчас я занимаюсь пейзажной съёмкой, натюрмортами и портретом, хотя портретная съёмка слишком сложна, и я на неё пока сильно не замахиваюсь.

(Алексей Васильевич Жеглов, пос. Неманское)

Двадцать второго мая 1977 года я родился, в селе Гриццо Юрбаркасского района Литвы, но с самого раннего детства жил здесь, в посёлке Неманское. Дед Василий работал на сплаве леса. Отец мой, Ананка Ионас Антаню, 1947 года рождения, по молодости ходил в море, потом приехал в посёлок Неманское, устроился в леспромхоз, работал на буксире, сплавливал лес по Неману. Помню, когда был маленьким, мы как раз жили в доме над бухтой, так я любил бегать к нему на буксир с удочкой, ловил рыбу. Ещё помню, тогда учился в начальных классах, отец возил нас в Литву в музей, там было очень красиво, эта поездка запомнилась мне на всю жизнь. Вот такие мои детские впечатления.

Мама моя – Грицакова Любовь Васильевна, 1953 года рождения, всё время работала на заводе, на формовке, там очень тяжёлая физическая работа. После развала завода устроилась кочегаром в клуб. Мама рано овдовела, её первый муж утонул, она осталась одна с маленьким ребёнком. Когда они поженились с моим отцом, Славке, сводному брату, было девять месяцев, потом родился я, а в 1979 году сестра Алёнка. Сейчас все мы имеем свои семьи. Мы с братом работаем в лесу, он на тракторе, я – лесником, сестра окончила педучилище, работает в Немане в садике, воспитателем.

Когда я закончил школу, поступил в училище, но закончить его мне не дали, взяли в армию. Служил в танковых войсках, думал, что хоть мир посмотрю, а получилось, что попал в Советск, совсем рядом с домом. Отец меня с ранних лет научил работать на тракторе, поэтому, когда стал я танкистом, меня одного из набора оставили в Советске, как обученного, а остальных направили в другие части. А у нас в части бывало, что на одного меня, механика, пять офицеров приходилось.

Армию отслужил, окончил училище, получил специальность электрика и водителя. Сейчас работаю лесником, охраняю лес. Всего у нас в лесничестве восемь лесников. У меня участок 1213 гектаров, я пробовал его однажды за день обойти, но не получилось. Как тут за порядком усмотришь? Но ничего, работаем.

Ещё в начальных классах резьбой по дереву увлёкся, первой поделкой, которую я сделал, была утка, она сейчас находится в музее, потом делал каких-то человечков, но это всё так, баловство. Потом в школе открылся кружок керамики, вёл его Савельев Павел Иванович. Нас много тогда записалось к нему на кружок, но в конце концов остался я один. С Павлом Ивановичем мы сдружились, у него я многому научился, научился делать керамику, а ещё я помню, как они с отцом восстанавливали памятник павшим в Первую мировую войну немецким солдатам, точно как был. И только вместо орла посадили там керамического белого голубя – в знак, что войны на этой земле кончились и кто с кем воевал, все в земле уравнились. Голубь – символ мира и символ духа, вот почему он белый, чистый. Всё это было у меня на глазах, я им ещё что-то помогал. Потом Павел Иванович переехал в Подгородненское и устроился работать в Русско-Немецкий дом, там открылись курсы резчиков по дереву. И я пошёл на эти курсы, многому там научился, теперь делаю работы и на продажу, моя резьба украшает бар в Немане, и в посёлке много у кого мои работы есть. Даже когда и не покупают, мне это занятие очень нравится. Конечно, человеком, который много сделал для посёлка, я считаю Савельева Павла, особенно если учесть, что он памятник восстановил. А самые значимые события в посёлке Неманское на моей жизни – восстановление памятника и открытие музея.

(Евгениус Ионо Ананка, пос. Неманское)

Как пахали помидоры

Александр Васильевич Макаренко: Напротив меня вон агроном сидит – она знает, как сажали помидоры, вручную за ними ухаживали, а потом мы, механизаторы, их пахали. Земля красная была – и мы красные были все. Некуда было девать... Много было овощей.

Надежда Васильевна Корякина: Заготовительные конторы сначала цену сбили, потом не принимали вовсе. Ну, возили мы в ларёк – на рынке; потом сказали: нельзя. Куда помидоры-то девать? А гнить начнут? Вот ребятам и приказали запахать их...

Мария Акимовна Макаренко: А сажали-то вручную, а сколько работали с ими – всё ручками...

Надежда Васильевна: Так же – ненужными – раз оказались, пропали 140 тонн капусты. Закопали...

Мария Акимовна: А сейчас? Люди сдают молоко за копейки. Вот, смотрите: вода стоит у нас в ларьку – 13, 15 рублей. А молоко берут – три шестьдесят, хорошо – три восемьдесят... А люди-то: что им остаётся? Сдают. Люди – навоз... Это так мы за всю жизнь привыкли. Или мы – патриоты, или мы – дураки, что до сих пор коров держим?

Александр Васильевич: Принимают цельное меньше чем за пятёрку, продают разбавленное – нормализованное до малой жирности – по 21 рублю. Вот и посчитайте навар.

Анастасия Адамовна Лежнева: Вот из нас здесь сидящих и тех, кого нет уже, никто не работал меньше сорока лет. Сорок пять есть, сорок два... И это не считая детских наших лет, а мало ли мы детьми работали? И даже мы не ветераны труда. Почему это так?

Александр Васильевич: Говорят, обращайтесь к депутатам. Да депутаты же наш совхоз и развалили! Прислали какого-то Шмита, и он за год всё развалил.

Мария Акимовна: Он въехал по чьей-то там заявке, ещё и коровы все были, всё продал – и в область.

Они говорили, что колхоз наш задолжал какие-то деньги. И... эти деньги... он как начал коров резать. Поедут, порежут они коров, себе это делють... Как в палатке. Потом у нас клеверные поля были, где коровы паслись, – как стали они туда что-то возить, потом глядим: коттеджи там строят.

Александр Васильевич: У нас комплекс был – на 1300 голов – разобрали. На третьей бригаде на 700 голов был – разобрали. На первой бригаде сколько сараев было – разобрали: одни камни от немецких-то строений лежат.

Мария Акимовна: Страшное дело! Себе и скотины понабрали, а у нас и деньги были – ничего не получили.

Александр Васильевич: Мне колхоз был 30 000 рублей должен – и ни копейки. Ни копейки! Я пошёл в суд – и что мне сказали? Они, говорят, так сделали – ЗАО. Обманули вас, якобы пайщики вы. Всё имущество колхозное – их теперь. Я и отступился.

(Фрагмент беседы в пос. Заовражное)

Щукари

Был случай раз, ну как анекдот, только быль: офицеры здесь, у посёлка, году в пятидесятом, разложили скатерти, пикник накрыли, и девушки с ними были. Глядь: всё честь по чести, а есть-то нечем, забыли. Мальчик пасёт коров.

– Мальчик, вилки у мамки есть?

– Как не быть, есть! – И несёт им вилы грязные, в навозе все.

(Владимир Петрович Сазонов, пос. Заовражное)

Какой я был чудной! Раз кашу варил, как тот солдат из сказки.

Дали нам на фронте сухой паёк – пшёнку. А я видал, бабушка когда кашу варила, – у нас русская печка, – она берёт ложку какой-то крупы, насыпает в чугунок, и когда ложка не падает уже, стоит, значит, достаточно. И я так сделал. Взял – и сыплю. Так ещё вода не закипела, а я уже разов шесть кашу откидывал. Не знал я, что пшёнка так разваривается. Раза в четыре – пять больше. Надо было ложки четыре туда сыпануть, а я полную, пока ложка не встала... Так-то вот ни за что перевёл паёк.

(Аркадий Яковлевич Григорьев, пос. Гастеллово)

Владимир Петрович Сазонов: За речкою была капуста, а помидоры – по-над лесом, где песчанка. Сейчас – бурьян один. Там дед был, сторож, – не пройдёшь через него. Я-то по помидоры не ходил, я был бригадир, мне нельзя, а ребята, знаю, ходили.

Взяли они банку толлу, положили в куреня – в дедовом шалаше, – а шнур провели в лес. Там человека три в лесу – рыбу этим толлом военные рвали – и вот свистят нарочно на той стороне, где помидоры. Дед и говорит сам себе: ага, антихристы пошли туда – он не ругался матом, только антихристом – и за ними туда. А те трое видят, что дед ушёл, как взорвали тот шалаш, что у него был, – как он берданку бросил, как шуганулся домой – и кто б знал, что он так припустить сможет. «Немцы, – кричит, – приходят, бомбы бросают, война началась опять!»

А сторож он исключительный был. Вот, скажем, я его сторожем поставил – а тут приходит председатель, и он его не слушает. «Я, – говорит, – в армии был, порядки знаю. Старшина если кого поставил – никакой генерал меня не сымет. Так и тут – не ты меня ставил, не ты меня и сымать будешь. Я подчиняюсь только тому, кто меня привёл. А он один сюда приехал – бабка его померла...

Надежда Антоновна Сазонова: Прибежал он тогда ко мне: всё, помидоры больше не повезёшь. Конец пришёл. Наскочила какая-то банда,

взорвала мой шалаш (а шалаш был – три перекладыны), я еле живой отгеть вылез.

Владимир Петрович Сазонов: Ох, какие они были, деды стародавние! А один раз – вологодский дед у нас в детдоме жил, табуретки делал, стулья, а мне надо было срочно повозку поделать – на повозке ездили за заготовками в летнее время, продукты получали на базе, – я говорю: «Деда, поправь мне срочно оглоблю, поломалась так и так...» А он мне (а я-то в первый раз это слово услышал, не понял): «Ух ты, какой ты быстрый! Быстро кошку дерут да слепых рожают, а мы всё помалу делаем». А сам по-вологодски так говорит, на «о», басом. Мне смешно стало, вспомню, хохочу, а тут директор идёт: чего, Володя, смеёшься? Я ему половицу-то и пересказал. Он сразу понял, от кого я набрался. Он, видать, деду попенял, потому что дед мне потом и говорит: «Эх ты, сексот, за язык-то потянул тебя кто? Чего ты болтал всем?»

(Фрагмент встречи в пос. Заовражное)

Хорошее отношение к лошадям

Немец был – фамилия Кристианен – рядом с нами в оккупацию обрета́лся. У них были лошади, у фрицев, сто шестьдесят лошадей, пригнали они их в сарай... Ну, я-то любитель на лошадях – я к нему и присосался. А он по-русски почему-то хорошо говорил. Добрый немец, грустный, воевать он не хотел. Я ему: «Слушай, Ганс, давай я тебя схороню, в подвал посажу и буду тебе кушать носить, и ты воевать не будешь». А он мне: «Володя, если ты меня схоронишь, – а планово у них три раза проверка в день идёт и ночью проверяют, – и если меня на проверке не будет, то тебя расстреляют и меня расстреляют. Они всё знают, узнают, где искать. И семью твою мы погубим. Не надо это делать...» А уже под Сталинградом разбили их в 43-м году. Они сразу и нос повесили: капут Гитлеру. Он, Кристианен-то, и говорит: «Слушай, Володя. Я тебе оставлю две лошади, нас сегодня ночью всех угоняют. Самые лучшие лошади, жалко их – рыжий и яблоками серый. Я тебе оставлю, сбереги». Ну а у нас деревня Липино – я и думаю: я тех лошадей к деду угоню. А сам уснул. Сплю, – а тут через стенку соседи, отец у них не пошёл на фронт, а дезертировал, прятался, чужак, предатель, потом у немцев работал малым начальником, ну, всякое там – я пока пришёл, а они их обеих, лошадей-то, порезали, шкуру сняли... Принесли только кусок мяса – и всё... Так вот я лошадей проспал и немцеву волю последнюю не исполнил. А я так думаю, что была то последняя воля. Больно он смерть свою чуял; это неспроста. Дольше снятся мне те лошади. Такую красоту извели!

(Владимир Петрович Сазонов, пос. Заовражное)

Сейчас погиб он, совхоз наш имени Черняховского. Ничего не осталось, всё растащено. А какие коровы немецкой породы у нас были! Что в длину, что в ширину – вся круглая, большая – такая вот корова. Мы как приехали сюда, увидели их – ахнули. И место нам сразу понравилось. Место красивое, чистота кругом.

(Мария Акимовна Макаренкова, пос. Заовражное)

Аркадий Яковлевич Григорьев: Работа спорится, когда человек до неё рвнует. Вот у Любашкиных коров самое вкусное молоко было. А почему, Любаша, ну-ка всем скажи.

Любовь Ивановна Лындина: Очень, очень я любила коров этих. Любила руками доить. Что такое машиной доить? Это корове не в радость. Есть такие, что подключат аппарат и не подойдут, пока досиня вымя не выжмут. Корова ласку любит; она всё понимает. Вот поверите: сразу определяет, кто к ней подошёл, к кому она как относится. Как кошка, гладится головой, стоит смирно, языком лизнёт, смотрит умильно.

С детства коров полюбила. Ещё сестра работала дояркой, Зина, так я попрошу её, чтоб она мне 3-4 коровы доить оставила. А они очень чувствуют, кто их любит, и, знаете, прям строятся по порядку – одну выпустить, а они в очередь друг за другом, они очень умные.

Для них, для коров, всего стараешься побольше. Сперва-то как: выходим человек пять-шесть, кучка свалена – прицеп – силоса, он же, силос-то, какой тяжёлый! И вот, чтобы его разделить, становимся с вилами каждый и в свою сторону кидаем – кто больше накидает... Это было, конечно, нехорошо, у кого-то коровы съеет, у кого-то – голбднее... А я-то сильная, тороплюсь-надрываюсь, чтобы моим коровкам побольше досталось кормов.

Меня бригадиром ставили, три месяца я побыла, а потом ушла по собственному желанию. Это потому, что мне вторую давали ферму – а тут Сашка Сильченко работал, семья у него, а он мужик – что же, мне бригадиром быть, а ему уходить? Или у меня под началом быть? Нехорошо. Я ему говорю: давай эту бери, восьмую, новую, а я уж и так наберу себе работы. И заявление написала, и дояркой опять пошла, к коровам – как я без коров?

Зато сейчас вот руки у меня (показывает) трясутся, видите? Ноги пухнут. Мы молодыми, комсомольцы ведь были, работали как? В день – в коровнике, в ночь – на комбайн молотить шли, потому что полёгшие хлеба, их комбайн не брал, ну и так собирали мы – сверху, как ещё – ну и молотили. А утром опять на работу. Не было скотников – так мы сами за них. Корма тягаем, на себе носим. И роды у коров принимали. Видим, что уже надо, – и остаёмся. А как сейчас работают? Да никак. Презри-

тельные к работе, как будто это наказание. Хозяйство было большое у нас, совхоз имени Гастелло был миллионером. Одним из лучших в Калининградской области славился.

Куда всё ушло? Куда девалось?

А всё равно ни о чём не жалею. Жалею только, что коров порезали почём зря. Лучше бы мне этого не видеть и не слышать, до того умереть.

Человек – он всё стерпит, потому что сознание у него есть и всему найдёт объяснение. А скотину добрую – ой, жалко!

(Фрагмент беседы в пос. Гастеллово)

КОМУ И КАК НАДО ПИСАТЬ ИСТОРИЮ. (ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ)

Устная история в Калининграде: академический аспект

Воспоминания, подобные публикуемым, вряд ли можно было бы прочитать ещё два десятилетия назад. В советский период история Калининградской области была во многом закрытой – как закрытым был и сам западный край России. Официозная историография базировалась на документальных источниках и практически полностью исключала возможность использования воспоминаний первых переселенцев, прибывавших сразу после войны в новый советский регион из разорённых областей России, Белоруссии и Украины. Но воспоминания эти всё равно «работали» в историческом сознании калининградцев, потому что очевидцы трудных послевоенных лет жили рядом и могли свидетельствовать. Не было возможности у наших земляков и познакомиться со взглядом бывших жителей Восточной Пруссии: железный занавес надёжно заглушал их слабый голос.

Обращение к воспоминаниям «простых людей» – норма современной историографии. Двадцатый век ознаменовался всплеском «устной истории» (oral history), когда тысячи историков-профессионалов, вооружённых диктофонами, начали собирать воспоминания самых разных людей. История драматичной эпохи, начертанная на плоскости, неожиданно развернулась в пространстве, и стало возможным рассматривать её с разных точек зрения. Она оказалась полифоничной; зазвучали, причём далеко не всегда в унисон, многие голоса.

Депортированные из бывшей Восточной Пруссии в 1946 – 1948 годах немцы приехали в Восточную и Западную Германию и там стали самоорганизовываться в землячества. Одной из задач таких организаций стал сбор свидетельств о годах нацизма, войны и советского управления на этой территории.

Но это за рубежом расцветало «производство» всё новых источников по современной истории. По эту сторону Берлинской стены всё было иначе – вплоть до перестройки, когда всё внезапно изменилось. В конце 1980-х коллектив молодых историков Калининградского государственного университета во главе с Ю.В. Костяшовым предпринял уникальное исследование, которое ждала трудная и драматичная судьба. В результате многих поездок по области было записано свыше 320 интервью с теми, кто прибыл в наш край во второй половине 1940-х годов. В итоге получилась колоссальная коллекция бесценных свидетельств, в сово-

купности рисующих реальную противоречивую картину жизни первых советских переселенцев.

Непривычность такой истории была настолько велика, что книга встретила ожесточённое сопротивление у некоторых представителей калининградской бюрократии и калининградской интеллигенции (!). В итоге книга, готовая выйти в свет уже в начале 90-х, была издана лишь в 2002 году в Санкт-Петербурге и на следующий год – в Калининграде¹. Ошеломляющий успех, который завоевал этот сборник воспоминаний, подчёркивает перспективность такого направления в работе историков.

Поскольку этот эксперимент был инициирован представителями академического сообщества, технология легко вписалась в учебный план специальности «История». С середины 1990-х годов студенты-историки проходят краеведческую практику, записывая воспоминания первых переселенцев.

Однако устная история – это не просто новый метод, освоенный профессионалами. Это черта демократической эпохи, для которой характерно не только изменение объекта историописания (смещение интереса от жизни элиты в сторону повседневной жизни «простых людей»), но и смена субъекта историографии. Теперь право писать историю, монополизированное некогда профессионалами, перешло к более широкому кругу лиц.

А ещё устная история имеет социальный аспект

В чём состоит это изменение субъекта? После Второй мировой войны на Западе был реализован ряд проектов, которые предполагали включение в процесс написания истории её героев. В старом, традиционном понимании героями истории выступали сильные мира сего, которые охотно включались без приглашения в историографию. Воспоминания У. Черчилля, Ш. де Голля, Г.К. Жукова или А.М. Василевского – давно признанные и используемые источники по истории Второй мировой войны или предвоенного времени. Но демократический век расширил наше понимание *героев и героического в истории*: теперь героем становится любой человек, потому что каждый из нас – носитель неповторимого социального опыта. Застольные разговоры Гитлера не очень-то помогают раскрыть механизм подчинения миллионов немцев воле фюрера. Только изучение множества частных случаев немецких жизней

¹ *Восточная Пруссия глазами первых советских переселенцев* / Под ред. Ю.В. Костяшова. СПб., 2002; *Восточная Пруссия глазами первых советских переселенцев*. 2-е изд. Калининград, 2003.

позволяет приблизиться к пониманию этого феномена новейшей истории XX столетия².

Ещё одно важное обстоятельство состоит в том, что устная история – коллективное творчество и эффективная педагогическая практика. Её ценность в воспитательной работе очень велика: ребёнку вполне доступно исследование истории его семьи (документы, фотографии, свидетельства очевидцев – «под рукой»); изучение истории семьи в более широком контексте позволяет «оживить» историю страны; вовлечение в коллективный процесс воссоздания истории активизирует жизненную позицию юного гражданина. Кроме того, устная история – средство воспитания толерантности. Причём это справедливо не только для международных отношений или (это особенно актуально для современной Калининградской области) отношений между «аборигенами» и переселенцами последнего десятилетия. Не менее злободневно звучит сегодня проблема межпоколенческих отношений: внуки не слушают бабушек и дедушек, игнорируют их социальный опыт, не воспринимают в качестве активных субъектов семейной и общественной жизни. В практической работе ребёнка по воссозданию перипетий жизненного пути своих старших родственников актуализируется их недооценённый прежде опыт³. Наконец, это просто эффективное средство изучения национальной истории.

Вот в разных европейских странах и стали воплощать в жизнь проекты в области устной истории. Среди пионеров была Швеция, где на государственном уровне поддерживалась работа по организации самодеятельных исторических выставок. Проект писателя Свена Линдквиста «Копай, где стоишь» (другое название – «Копай прямо под ногами») состоял в привлечении рабочих шведской цементной промышленности к написанию истории их предприятий «снизу», с их точки зрения. Удалось выпустить целое методическое пособие (1978 г.) для рабочих, которые пожелали дополнить свою квалификацию исторической специальностью.

² Классическим стало фундаментальное исследование немецких историков Б. Хауперта и Ф. Шефера «Молодёжь между крестом и свастикой: Реконструкция биографии как история повседневности фашизма», посвящённое жизни погибшего на фронте рядового танкиста немецкого вермахта Йозефа Шефера.

³ В книге известного британского историка Пола Томпсона эта функция устной истории определяется как «терапия с помощью воспоминаний»: для пожилых людей интервью может стать средством избавления от депрессии (см.: *Томпсон П. Голос прошлого: Устная история.* М., 2003. С. 31).

Инициатива Линдквиста получила продолжение в ФРГ, где группа историков-любителей и рабочих из Рурской области (объединившаяся под названием «Вы ещё помните?») написала историю городского квартала Хохламарка за 100 лет. Как резюмирует С.В. Оболенская, видный отечественный специалист по историографии, «создание подобного рода работ... доступно всем»⁴.

В этой плоскости лежал и проект «Откуда мы?», который на рубеже XX и XXI столетий был реализован в Польше по инициативе Юзефа Шкандеры, бывшего директора сельского клуба и по-современному мыслящего человека. Шкандера высказал идею, оказавшуюся очень важной для Варминьско-Мазурского воеводства в Польше, где большая часть населения – переселенцы, прибывшие из других польских земель после войны. Он задумался над тем, как сделать жизнь в деревне интересной, что могут изменить в своей жизни простые жители обычной польской деревушки. Он нашёл единомышленников среди таких же неравнодушных людей, работающих в других сельских клубах, детских домах, школах. Так родилось Общество аниматоров культуры на селе, которое принципиально отказалось прописываться в городе и зарегистрировалось в деревне Йонково.

Слово «аниматор» – латинского происхождения. Оно обозначает теперь такого человека, который готов сделать усилия для оживления, «одушевления» и воодушевления людей вокруг себя. У Общества было много разных дел – сотрудники этой неправительственной организации, например, помогали простым людям в решении их проблем: открыли специальное Бюро помощи гражданам, в котором бесплатно консультировали, обучали искусству составления жалоб и требований, содействовали в защите погранных прав. Но самым ярким проектом стала, конечно, серия встреч-выставок под общим названием «Откуда мы?». Встречи были организованы в нескольких польских деревнях. Местные жители собирались – кто в школе, кто в библиотеке, кто в клубе – и рассказывали о своих корнях, об истории семей, об удивительных встречах и разлуках в своей жизни. Приносили фотографии из домашних архивов, уникальные документы. Кто-то нёс и угощение к столу, и тогда встреча превращалась в маленький деревенский праздник.

Как утверждают аниматоры, такие встречи становились чем-то большим, нежели простые фуршеты на выставках. Случалось, что два соседа, прежде без особой симпатии смотревшие друг на друга, неожиданно обнаруживали сходство в судьбах своих семей. В домашней об-

⁴ Оболенская С.В. «История повседневности» в историографии ФРГ // Одиссей-1990. М., 1990. С. 187.

становке, которую удавалось создать односельчанам, сглаживались противоречия, забывались старые обиды. Ценными плодами польского проекта стали книжка и компакт-диск, сохраняющие для потомков фотографии и видеозаписи выставок. История оказалась мощным средством воспитания толерантности, налаживания диалога между разными людьми и даже разными поколениями.

Откуда мы в Калининградской области?

А в 2002 году Общество аниматоров решило поделиться своим опытом с коллегами в Калининградской области. Нашли партнёра в лице общественной организации «Молодёжь за свободу слова», нашли финансовую поддержку в польском отделении Фонда Сороса – Фонде Стефана Батория (сетевая программа «Культура и искусство»). «Но самое главное, – подчёркивала координатор проекта с российской стороны Юлия Бардун, – это участие и интерес самих жителей посёлков. Без них проект бы не удался».

Весной 2002 года встречи-выставки «Откуда мы в Калининградской области?» прошли в семи посёлках: Владимирово Багратионовского района, Гаврилово Озёрского, Краснолесье Нестеровского, Кубановке Гусевского, Мельниково Зеленоградского, Глушково, Загорском и Междуречье Черняховского. Отдельную выставку – городского масштаба – организовали сотрудники Зеленоградской районной библиотеки⁵.

У всех выставок был, в общем, один сценарий. Сначала аниматоры обходили старейших жителей посёлка, рассказывали им о проекте, просили фотографии. Затем оформлялись стенды, кипела подготовительная работа. За несколько дней до открытия участникам вручались буклеты, в которых помимо вежливого приглашения содержалась историческая справка о посёлке с момента его основания и – главное! – некоторые фотографии. Пришедшие на выставку жители общались. Рассказывали о происхождении своих семей – первые переселенцы прибыли на землю нашего края из Белоруссии и Воронежской, Горьковской, Курской, Пензенской, Псковской областей России... Среди участниц выставки во Владимирово были и недавние переселенцы – из Казахстана и Латвии. За каждой семьёй скрывается огромная история, история свершений и тягот. Везде вспоминали войну. Для кого-то это были воспоминания о

⁵ Проект получил продолжение: в 2004 – 2005 годах в рамках проекта «Односельчане», поддержанного фондом «Точка опоры», были организованы выставки в новых посёлках, а творческим продуктом всей этой работы стала книга, которую Вы держите в руках.

фронтальной юности: одна кубановская жительница рассказала, что до сих пор помнит каждый населённый пункт на всём пути, который она прошла во время войны, каждый самолёт врага. «Внукам рассказываете?» – спрашивают её. *«Рассказываю. Приглашают в школу. Только нынешнее поколение о войне мало что знает, – добавляет мудрая женщина. – Поэтому что не задают вопросов: тот, кто не спрашивает, ничего не знает».*

Для других война – это оккупация, плен и принудительные работы в Германии. Краснолесенские бабушки не могли сдержать слёз – и сейчас, спустя шесть десятилетий, трагедия оккупации и гибель родных отзываются неизбывной болью. Житель посёлка Гаврилово рассказывал, как, будучи подростком, в Псковской области водил коров партизанам – в лаптях, чтобы на снегу оставались только следы человека. Чудом избежал казни – спрятала в подвале и спасла одна селянка. Затем гитлеровцы сожгли всю деревню. В советское время, впрочем, ему тоже не очень повезло: в 53-м за неосторожное высказывание по доносу попал к гзбшникам. Если бы не бериевская амнистия, отсидел бы пять лет.

Вспоминали участники встреч и первые годы в Калининградской области. Свидетельства о том, как ехали в Восточную Пруссию, у всех разные. Кто-то рассказывает о том, как кормили только на станциях, когда весь поезд сбежался разжигать костры и выменивать продукты. Многие из наших рассказчиков так и отставали от поезда где-то на советских полустанках...

Хорошо запомнили совместную с немцами жизнь: когда вспоминают о ней, практически не услышишь ненависти или антипатии. В Мельниково один из рассказчиков ясно помнит, как только приехали в посёлок с семьёй. Вместе с братом он – тогда подросток – поднялся на второй этаж дома и увидел посреди стола сковородку с жареной картошкой, которая ещё не остыла. Братья уже принаровились отобедать, как внезапно отец выхватил у них сковородку и выбросил тёплую ещё картошку в окно. «Боялись, что отравлено», – поясняет рассказчик. А вечером пришёл немец, живший в этой квартире. Объяснил, что испугался въезжающих в деревню автомобилей и убежал. Принёс с собой бутылку красного вина, которое они и распили с отцом семейства вместе. Ещё некоторое время жили в одном доме.

Почти все посёлки имеют свою совхозно-колхозную историю. Рассказывали о трудовых буднях, о том, как помогала или мешала советская власть. О простых, вообще-то, вещах: первый киносеанс в деревне, свадьба, открытие школы. В Краснолесье вспоминали, как ловили шпионов. В Загорском есть кирха со своей историей: построенная в конце XIX века, она стала совхозным складом в годы советской власти. Де-

сять лет назад здание передали православной общине, теперь это действующая церковь. Рядом с кирхой, на склоне, находится братская могила – памятный знак советским воинам, погибшим в боях в Восточной Пруссии. И в Краснолесье неподалёку располагаются руины кирхи, памятник немецким солдатам, погибшим в Первой мировой, братская могила советских солдат, павших во Второй мировой... В Мельниково вспоминали, как в 60-е годы власти распорядились уничтожить кладбище вокруг кирхи, как асфальтировали площадку, на которой теперь, кроме сорняков, ничего не найти. Всё это знаки, символы нашей непростой истории, в которой трагедия разрушения постоянно сочеталась с пафосом восстановления руин...

На выставках много пели. Целый ансамбль сложился в Гаврилово. Кубановские бабушки знают очень острые частушки, а загорские замечательно танцуют. Краснолесенские уже за полночь разогнали молодёжь, собравшуюся на дискотеку в сельском клубе, и сами пустились в пляс. Жизнь в наших посёлках многограннее и ярче, чем это кажется из городского далека.

Во время работы над проектами в области сложилась целая сеть «одушевителей», состоящая из инициативных учителей, библиотекарей, клубных работников. В некоторых случаях участвовали школьники – так было в посёлке Гаврилово, где школьный краеведческий кружок готовил встречу-выставку. На встрече старшеклассники слушали с увлечением, и кто-то поделился: в учебниках про эту эпоху читать неинтересно – репрессии, культ личности, ГУЛАГ. А оказывается, ещё в то время жили люди – влюблялись, ходили в кино и на танцы, трудились и отдыхали. Это и есть настоящая история, история «простых людей», которую они сами и изложили.

И вот – следующий проект центра «Молодёжь за свободу слова», а значит – новые воспоминания и новые встречи с людьми. Так сам собой сложился ответ на вопрос, кому и как писать историю: все мы, живущие в Калининградской области, можем и должны сохранить для потомков бесценные исторические свидетельства. Некоторым нашим *односельчанам*, как видим, это уже удалось.

И.О. Дементьев,
кандидат исторических наук

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Бабушкино.

Верасковская Нина Ивановна, 1935 г.р. – 25, 44, 61, 71, 76
Дорохова Мария Ивановна, 1940 г.р. – 38
Дринкайте Мария Алексеевна, 1939 г.р. – 33
Кукушкина Нина Александровна, 1927 г.р. – 19, 28, 50, 76
Мезенова Галина Ивановна, 1928 г.р. – 31
Порубова Нина Андреевна, 1927 г.р. – 83
Романова Анна Михайловна, 1933 г.р. – 19, 30, 61, 67
Сатюкова Мария Григорьевна, 1934 г.р. – 31

Гастеллово.

Григорьев Аркадий Яковлевич, 1913 г.р. – 9, 21, 47, 48, 76, 91, 93
Григорьевна Нина Афанасьевна – 18, 37, 48, 60, 70, 81
Ермолаева Таисия Афанасьевна, 1932 г.р. – 17, 40, 76
Лындина Любовь Ивановна – 20-22, 40, 41, 76, 93
Тихомирова Евгения Фёдоровна, 1925 г.р. – 20-22, 40, 41, 50, 59,
76, 77

Глушково.

Биндяк Зоя Филипповна, 1926 г.р. – 23, 45, 46, 59
Гуркина Александра Ивановна, 1929 г.р. – 41, 42, 45, 46, 49, 69, 75
Пустарнакова Зинаида Захаровна, 1932 г.р. – 12, 22, 23, 41-46, 49,
58, 75, 82

Тинкович Валентина Никитична, 1940 г.р. – 23, 43, 44, 49

Заовражное.

Казакова Дина Ивановна, 1946 г.р. – 85
Корякина Надежда Васильевна – 90
Кузнецова Клавдия Васильевна – 13, 25, 44, 47, 58
Лежнева Анастасия Адамовна – 13, 19, 28, 42, 90
Макаренков Александр Васильевич – 44, 45, 58, 89, 90
Макаренкова Мария Акимовна, 1932 г.р. – 4, 13, 25, 40, 42, 44, 45,
47, 58, 61, 70, 80, 86, 90, 93
Павлова Мария Егоровна – 25, 44
Сазонов Владимир Петрович, 1933 г.р. – 12, 22, 38, 39, 57, 74, 81,
91, 92
Сазонова Надежда Антоновна, 1924 г.р. – 4, 6, 10, 22, 38, 47, 54,
64, 83, 91

Соломатина Ольга Григорьевна – 83

Зеленоградск.

Зезюля Мария Федосеевна, 1929 г.р. – 79
Климко Галина Александровна, 1929 г.р. – 27, 73
Чиркова Изабелла Алексеевна, 1933 г.р. – 36

Неманское.

Баклыкова Александра Степановна, 1942 г.р. – 52
Гуторова Тамара Петровна, 1938 г.р. – 8, 24
Давыдов Виктор Павлович, 1936 г.р. – 7
Джола Нина Макаровна, 1935 г.р. – 71
Криштафович Эльвира Ивановна, 1939 г.р. – 46, 57
Латвене Гене Стасевна, 1932 г.р. – 63
Ляонас Ионо Апинавичюс, 1936 г.р. – 64
Овсянникова Мария Степановна, 1934 г.р. – 15, 73

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	3
«Не в поле я родилась, не пням в лесу молилася...»	4
О самом страшном	7
На новую родину	19
Мифы русской Пруссии	38
Меню 1946 года	39
Как работали	43
О белых тапочках, залётных ребятах, военных и большой любви	47
Отто, Гансы, Йонасы и Пранасы	54
О хороших людях	64
Грамотеи и профессора	70
«Эх, развесёлое житьё!»	75
Как пахали помидоры	89
Щукари	91
Хорошее отношение к лошадям	92
Кому и как надо писать историю. Вместо послесловия	95
Именной указатель	102

Односельчане: народная повесть

Редактор Л.Г. Ванцева
Корректор Е.В. Владимирова

Оригинал-макет подготовлен Л.В. Викторовой
Издание осуществлено при участии ЗАО ЦИТ «Тенакс»
Подписано в печать 20.12.2005. Формат 60 x 90 1/16
Гарнитура «Times». Бумага для множительных аппаратов.
Ризограф. Усл. печ. л. 6,3. Уч.-изд. л. 5,9. Тираж 400 экз. Заказ

Издательство Российского
государственного университета им. И. Канта
236041, г. Калининград, ул. А. Невского, 14